Вениамин КОЖАРИНОВ

ЗАВЕЩАНИЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Вениамин КОЖАРИНОВ

ЗАВЕЩАНИЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

ПОСЛЕДНЯЯ АВАНТЮРА БОНАПАРТА

Москва
«Советский спорт»
1992

ББК 84(2)
К 58

Кожаринов В. В.
К58 Завещание барона Врангеля.— М.: Советский спорт, 1992.— 191 с.

ISBN 5—85009—334—6

В жанре исторического детектива написан роман московского прозаика В. Кожаринова «Завещание барона Врангеля»; в основе повествования — легенда о таинственной смерти императора Александра I и о его воскрешении в образе загадочного старца.

Где спрятаны сокровища сожженной Москвы, вывезенные Наполеоном? Куда исчез золотой крест с колокольни Ивана Великого? Почему за передачу одного лишь письма русскому царю бывший властелин Европы предлагал миллион франков? Ответы на эти вопросы — в историческом, приключенческом романе «Последняя авантюра Бонапарта».

К $\frac{4700000000—29}{099(02)—92}$ **без объявления** **ББК 84(2)**

ISBN 5—85009—334—6

ЗАВЕЩАНИЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

...Среди бумаг скоропостижно скончавшегося в 1915 году известного русского искусствоведа Н. Н. Врангеля, брата генерала П. Н. Врангеля, был найден пакет с надписью: «Вскрыть после моей смерти». Николай Николаевич утверждал, что император Александр I не умирал 19 ноября 1825 года, а прожил сверх того почти сорок лет...

Таганрог, 21 ноября 1825 г.

Тело покойного лежало на столе посередине большой залы дома таганрогского градоначальника. Вокруг него суетились фельдшера и доктора, а также офицер из личной охраны умершего императора.

Рейнгольд был на грани нервного истощения. Всю ночь он вываривал на огне камина, в кастрюле, какието травы. Сейчас этими травами фельдшера набивали различные полости в государевом теле, ворочая его, как бревно. Мозг, сердце и некоторые другие органы покойного были заранее вынуты, помещены в специальный сосуд из серебра и отнесены на хранение в дворцовый подвал.

Закончив бальзамирование, Рейнгольд в сердцах отбросил скальпель.

— Это немыслимо! — воскликнул он, вытирая рукавом халата пот со лба.— Вся императорская свита находится в пяти минутах ходьбы от дворца, но некому позаботиться о простынях и спирте! Я уж не говорю, что в этом проклятом городе недостает фельдшеров. Похоже, мы бальзамируем простого смертного, а не царя великой империи! Слава богу, никто из великих князей не зрит этого безобразия...

Тем временем статный фельдшер надел на Александра генеральский мундир со звездой и орденами в петлице и вместе с другими фельдшерами перенес покойного на железную кровать, накрытую кисеей.

— Что это, доктор?! — офицер из свиты императора

в ужасе отпрянул от мертвеца. Из-под воротника торчал кусок выпятившейся кожи, похожий на галстук.

— Мертвые сраму не имут,— пробормотал Рейнгольд в усы.— А что вы хотите! — добавил он громко, с вызовом.— В помещении около двадцати градусов выше нуля. Спирту мало... По уставу положено держать покойного в спиртовой ванне трое суток.

— Я понимаю, доктор, но надо же что-то срочно предпринять! Смотрите: лицо государя чернеет...

После краткого совещания было решено доложить о состоянии покойного начальнику Главного штаба Дибичу. Мэквилл тотчас направился к нему с рапортом, но скоро вернулся, объявив, что генерал мертвецки пьян. Тогда Рейнгольд распорядился поставить под тело императора ванну со льдом и открыть настежь окна. Младший медицинский персонал исполнял приказ доктора с излишней поспешностью и испугом. Лишь один фельдшер — тот, что надевал на Александра мундир,— сохранял завидное спокойствие.

Вечером того же дня в казарме Таганрогского полка собрались причастные к базальмированию офицеры, а также кучер императора Илья Байков и некоторые другие казенные чины, исключая самых важных: лейб-медиков Стофрегена и Виллие, генерал-адъютанта Чернышева.

— Господа! — полковой лекарь Васильев наполнил пуншем бокал и тут же залпом осушил его.— Мы все чертовски устали и нуждаемся в отдыхе. Мы тоже люди, господа...

— Вы совершенно правы, капитан,— поддержал Васильева доктор Фармаковский. Он встал, пошатываясь, со скамьи. В одной руке он держал бутылку вина, а другой опирался о плечо того самого фельдшера, который был так хладнокровен при бальзамировании императора и которого доктор взял по случаю из Таганрогского карантина.— Мы, господа, сделали все, что было в наших силах. И если император нынче не тот... Господа понимают, что я имею в виду? Если государь... Впрочем, прочь эти мысли! Смерть императора никому не опровергнуть: мы подписали акт о вскрытии. И что бы потом ни говорили...

Фармаковский не устоял на ногах — повалился на лавку и припал головой к плечу фельдшера.

— Послушайте, сударь... Император действительно не похож на себя...

Между тем внимание господ офицеров обратилось на придворного кучера Илью Байкова:

— Что ни говорите, господа, а кончина государя была предопределена. Его величество это предчувствовал. Как раз перед отъездом его из Петербурга было затмение. Государь сидел в полутемной зале, каменному изваянию подобен. И вот после некоторого затмения светило вновь появилось на небосклоне. Камердинер начал затушивать канделябры, а император возьми да и спроси его: «Зачем ты их затушиваешь?» — «Негоже днем при свечах, ваше величество...» Государь покачал головой: «Скажи лучше, что боишься приметы. Ведь днем со свечами — быть покойнику в доме!»

— Это чушь и мистика, господин Байков! — Фармаковский опять вскочил с лавки, схватил со стола свой бокал и что было силы грохнул его о земляной пол.— Да, мистика! Вы, Байков, с осьмнадцатого года в Белом Орле и потому верите черт знает в какие мерзости. Даже покойный государь не миновал сей слабости... Да что государь... вся Россия верит чудесам и знахарству! То ли еще будет, господа...

Чья-то сильная рука не дала Фармаковскому закончить речь. В следующее мгновение доктор оказался пригвожденным к скамье.

— Это вы?! — изумился Фармаковский, оборачиваясь к фельдшеру. Тот ничуть не смутился, подхватил рыхлое тело доктора в охапку и потащил к выходу из казармы.

— Извините, господа, ему плохо,— пояснил фельдшер офицерам и скрылся со своей ношей в дверном проеме.

Со стороны было невозможно понять: ведет ли фельдшер Фармаковского или тот движется сам по себе. Скорее — первое, потому что доктор то и дело вскидывал непослушную голову и спрашивал:

— Кто вы есть? И зачем вы утащили меня из казармы, так вашу так... Я протестую!

— Помалкивайте уж, коли третьего дня не сумели отличить первого встречного от подлекаря!

— Гм, в самом деле... Но вы находились в полковом лазарете! — Доктор искренне недоумевал, пытаясь лучше разглядеть в кромешной тьме лицо странного субъекта, столь отменно справлявшегося с обязанностями фельдшера при бальзамировании императора.

— На ловца и зверь бежит,— туманно пояснил незнакомец.

— Понимаю: вы хотели лицезреть императора. Поздравляю, вам это удалось. Чего не скажешь о прочих. Фь-ю-у...— Фармаковский присвистнул и зашелся истерическим смехом.

— Как понимать ваши слова? — Фельдшер остановился посреди дороги, отстранил от себя доктора, продолжая, однако, держать его за плечи двумя руками.

— А никак! — ответил Фармаковский.— Мертвые мертвы...

Раздосадованный фельдшер схватил доктора за грудки и тряханул что было сил.

— Нет уж, милейший, договаривайте до конца. Или я вышибу из вас всю душу... Ну!

Фармаковский едва устоял на ногах. Глянув на пустынную дорогу, он понял, что помощи ждать неоткуда.

— Я, право, не знаю... не уверен... Мне показалось, что внутренности императора...

— Да говорите же побыстрей!

— Мне показалось, что печень и желчный пузырь были не те...

— Не хотите ли вы сказать, что первоначально, при вскрытии, эти органы были другими? Что к моменту анатомирования их подменили?

— Я не ручаюсь. Последние три ночи я почти не спал.

— Значит ли это, что императора убили?

— Сумасшедший! Что вы такое говорите...

Фельдшер снова схватил доктора за отвороты мундира и притянул к себе.

— Если нет, то зачем было подменять органы на другие? А, может быть, вы бальзамировали вовсе не императора! Разве вы не видели, что лицо его совсем не похоже на государево?

Фармаковский уперся руками в грудь фельдшеру и попытался вырваться на свободу.

— Берегитесь, сударь, вы опасно шутите! Если на то пошло, у нас есть посмертная маска.

— Маску можно снять заранее. Императоры тщеславны даже при смерти! Они не дожидаются последнего часа, чтобы застолбить себе место в пантеоне великих, да и на тот свет стремятся не ахти как... Тело

Бонапарта упрятали в осьми гробах. Как тут душе свидеться с Богом? Нет, что ни говорите, а государь нынче совсем не тот...

— Вы ничего не смыслите в лекарских делах! — возмутился Фармаковский, с опаской поглядывая на фельдшера.— По станицам уже прошел слух, будто его величество убит. Если вы один из тех...

— Не пугайте, доктор! Кто хочет быть возле царя, тот всегда рядом со смертью.

В голосе незнакомца Фармаковскому послышался вызов и вместе с тем некая обреченность. Наконец фельдшер слегка оттолкнул доктора от себя.

— Ступайте... И не дай вам бог рассказать кому-либо о нашем разговоре!

Он провожал Фармаковского взглядом до тех пор, покуда тот не скрылся из виду. Затем быстрым шагом направился к ближайшему буераку, где его поджидала заранее оседланная лошадь...

Таганрог, 22 ноября 1825 г.

Начальник Главного штаба генерал-лейтенант Дибич, сопровождавший Александра I в путешествии по Крыму, находился в состоянии глубокого душевного потрясения. Ведь, кажется, совсем недавно здесь, в Таганроге, он и император тайно встречались с Шервудом и Виттом, двумя провокаторами, предавшими декабристов. Вместе они намечали план пресечения заговора... Однако сегодня Дибичу приходилось думать о новом повелителе — наместнике царства Польского великом князе Константине Павловиче. Девятнадцатого числа, сразу после смерти Александра, Дибич послал в Варшаву донесение, назвав в нем цесаревича «его императорским величеством».

После вчерашнего запоя у Дибича болела голова. В эту минуту он ступил тяжелой походкой к буфету, где стояли еще непочатые винные бутылки. Генерал чертыхался и проклинал все на свете: духоту в помещении, задрапированные черным шелком зеркала... Правда, в иное время Дибич наверняка бы посетовал на то, как много их в этом зале: зеркал он не любил. Не любил из-за того, что видел в них отражение своей неприглядной фигуры. Дибич был низок ростом, тучен; крупная голова сидела у него на плечах, как горшок на табуретке.

Будучи от природы интриганом, Дибич загодя размышлял о том, как отнесется новый монарх к его воинственно-антиреспубликанским взглядам. И хотя польский сейм и народ не особенно жаловали русского «вице-короля», женитьба Константина Павловича на полячке не могла пройти бесследно. Дибич считал цесаревича либералом. Либерализм же противоречил намерениям начальника Главного штаба. Он хотел наверстать упущенное время — дать ход репрессиям против инакомыслящих офицеров, чего не успел сделать покойный государь. Не успел или не пожелал? Сейчас Дибич предпочитал не размышлять об этом. Ему, любившему во всем и везде идти напролом, оставалось лишь сожалеть, что Александр излишне медлил там, где надо было действовать, действовать и действовать. Так в 1814 году Дибич встал на сторону Карла Толя и Петра Волконского, требовавших от Александра продолжать поход на Париж, в противовес осторожной политике Кутузова, который незадолго до смерти сетовал на усталость русских солдат.

В пятом часу утра, когда Дибич наконец задремал, его разбудил статский советник доктор хирургии Рейнгольд, занимавшийся вместе с придворным лекарем Мэквиллом и другими докторами бальзамированием Александра. Мундир на докторе был распахнут, манжеты сорочки болтались ниже кистей... От волнения голос Рейнгольда заплетался:

— Ваше превосходительство, простите за столь ранний визит...

— Что там у вас? — Дибич нехотя поднялся с постели.

— Ваше превосходительство, около получаса тому назад я послал доктора Доббернда в дворцовый погреб за льдом... Его там нет!

— Кого нет? — не понял Дибич и схватился рукой за гудевший от похмелья лоб.

— Вместе со льдом, в шкафу, находился серебряный сосуд, в котором лежали внутренности покойного государя. Ваше превосходительство, они исчезли! Вместе с сосудом...

Кажется, Дибич протрезвел окончательно. Неожиданно проворно для своего тучного тела он подскочил к Рейнгольду и прошипел:

— Болван... Вас следует расстрелять! — Дибич по обыкновению быстро свирепел. Часто несоответствен-

но ситуации. На этот раз, однако, дело было слишком скандальным.

— Кто из посторонних находился во дворце во время бальзамирования? — спросил далее Дибич, на глазах остывая от гнева.

— Никого, ваше превосходительство. Кроме разве что фельдшера, коего привел с собой доктор Фармаковский... Сие диктовалось острой необходимостью, ваше превосходительство,— добавил Рейнгольд в оправдание Фармаковского.

— Кому и зачем мог понадобиться этот сосуд? — спросил Дибич мрачным тоном, тяжело ступая босыми ногами по комнате.

— Ума не приложу, ваше превосходительство! Мозг, сердце... другие органы покойного были нами исследованы и по сему случаю составлен акт. Если злоумышленник украл сосуд, то он явно больной!

— Кабы так...— обронил Дибич и взял с туалетного столика остатки недопитого ночью вина. Выпив, поставил рюмку на прежнее место дном кверху.— Уж лучше бы душевнобольной! Если же кража совершена человеком нормальным, то какая-нибудь пакость вслед за сим поступком произойдет непременно. И обязательно с политическим уклоном! А посему надо срочно предпринять меры к поимке негодяя! — Дибич сделал отмашку рукой, показывая Рейнгольду, что он может идти.

К полудню следующего дня все лица, так или иначе причастные к бальзамированию императора, были допрошены. Приметы дерзкого фельдшера разослали по станицам и казачьим разъездам. Через три дня злоумышленника поймали на пути из Ростова в Новочеркасск. Он был возвращен в Таганрог, но для пущей секретности помещен не в тюрьму, а в отдельную комнату городского карантина. На все вопросы о похищенном сосуде арестант лишь непонимающе пожимал плечами.

Дибич приказал усилить охрану дома градоначальника. Для дежурств по городу были мобилизованы все свободные от неотложных дел генералы, штабные офицеры и унтера Донского войска. Потом было решено, что безопаснее содержать забальзамированное тело императора в городском соборе, куда его и перенесли под небывало большим конвоем.

На этом, однако, неприятности не кончились. Не

прошло и суток, как арестованный фельдшер бежал... Осатаневший от злости Дибич поклялся предать Фармаковского суду, но в тот же час ему доложили, что странным образом исчезнувший сосуд вдруг нашелся. Дибич почел за лучшее не ломать себе голову над этой чертовщиной, тем более что из Тульчина от Шервуда пришло сообщение о решительных намерениях заговорщиков из Южного общества. Скрепя сердце Дибич решил отложить принятие радикальных мер против фрондирующих офицеров до своего возвращения в Петербург, ибо первоочередной его задачей было сопровождать тело усопшего монарха в столицу.

Санкт-Петербург, 28 июля 1826 г.

Прогуливаясь по Невскому, придворный егерь Иванов дошел до каменного моста через Фонтанку и здесь был остановлен нищим, протягивающим руку для подаяния. Вид странного бродяги поразил Иванова: несчастный мало походил на тех уличных попрошаек, что в этот час облепили ограды церквей и подворотни богаделен. Скорее из любопытства, чем из сострадания, Иванов бросил в ноги нищему копейку и, перекинув трость с руки на руку, сделал шаг вперед...

— Ваше благородие, не уходите! Имею до вас дело государевой важности.

Иванов с удивлением выслушал мелодичную речь оборванца.

— Дело, говоришь? Тогда к чему сей камуфляж...— С брезгливой миной на лице егерь дотронулся концом трости до лохмотьев юродствующего мужика.

— Береженого бог бережет,— потупил взор попрошайка.

С колокольни Воскресения ударили к обедне. Егерь перекрестился. В голове его подобно молнии промелькнула цепь умозаключений, замкнувшаяся на начальнике III отделения собственной его императорского величества канцелярии... Десять лет назад Иванов повстречался с Бенкендорфом впервые. В то время генерал принял под свое начало 2-ю драгунскую дивизию, в которой Иванов по праву считался лучшим наездником. Увидев лошадь нового командира на параде, Иванов набрался смелости и сказал, что она подведет... Бенкендорф не принял совета во внимание, за что и был наказан: конь пал в самый неподходящий

момент, едва не придавив собой седока. С тех пор Бенкендорф не упускал Иванова из виду. Недавно он рекомендовал его в государевы егеря.

Вместе с окончанием колокольного звона к Иванову пришло осознание момента:

— Изволь объясниться, кто ты и откуда? — спросил егерь, поняв, что перед ним стоит отнюдь не нищий.

— Издалека...— уклончиво ответил попрошайка, боязливо оглянувшись по сторонам.— Кабы камердинер Федоров был нынче в Петербурге, то не искал бы я встречи с вами.

Услышав имя лакея покойного императора, Иванов не стал медлить. Взмахом руки он остановил пролетку, что-то сказал накоротке кучеру и взгромоздился на сиденье рядом с нищим...

На набережной Карповки, у неказистой с виду харчевни лошади встали. Расплатившись с возницей, егерь приказал нищему следовать за собой. Миновав задымленный куревом зал, они вошли в полутемную комнатенку.

— Изволь!..— Иванов показал нищему на свободный стул. Сам сел напротив, на лавку, положив ногу на ногу и держа трость и шляпу на коленях.

Лицо нищего разительно переменилось: стало красивым и гордым. Ноздри его нервно трепетали, а глаза настороженно и в то же время смело смотрели на егеря.

«Орел!» — подумал про себя Иванов, заранее предвкушая многообещающую интригу.— Ну-с, зачем я тебе надобен? — спросил он нищего равнодушным тоном.

Нищий разогнул согбенный стан, выпрямил плечи — стал вдруг похож на тех молодцеватых наездников, которых Иванову приходилось видывать в казачьих сотнях атамана Платова. Из-под крутых надбровий на егеря уставились все еще настороженные, но уже с примесью насмешливости глаза.

— Я уже сказывал, что имею дело к царю.

— Разве? — искренне удивился егерь.— Помнится, ты говорил, что разыскиваешь меня! А коли нужен тебе государь, то на это существуют известные правила.

Нищий смутился.

— Оно, конечно, так, но в моем деле без посредника не обойтись. А вы близки к императору. У меня к нему секретное письмо.

— От кого? — стараясь казаться беспристрастным, спросил Иванов.

— Роль моя двояка... Записка хотя и составлена мной лично, но принадлежит казакам сорока куреней. Показания чрезвычайной важности! Что касаемо вас... я уже говорил: случай помешал мне свидеться с камердинером. Я слышал: вы честнейший человек. Так говорили ваши бывшие однополчане.

— Ты, право, смутил меня своей откровенностью.— Иванов не лукавил. Он испытал нечто вроде угрызений совести, ибо никто из прежних сослуживцев егеря, исключая Бенкендорфа, не знал об истинной роли бывшего полкового наездника в теперешней его службе при императоре.— Но так ли уж важно твое письмо, чтобы я рисковал из-за него репутацией?

— Клянусь честью, не подведу! — нищий полез грязной ручищей за пазуху и вытащил оттуда пакет, перетянутый бечевой и снабженный разляпистой печатью с непонятным вензелем.— Здесь государь найдет сведения, сравнимые только с историей недавнего бунта!

От одного напоминания о прошлогодних беспорядках на Сенатской площади егеря передернуло.

— Коли так...— не без внутреннего сомнения произнес Иванов, протягивая руку за письмом. Взяв пакет, он, не без колебаний, рассмотрел его со всех сторон.

— Ваше благородие, сия записка составлена по всем правилам чистописания и в потребной для столь высокого лица форме,— нищий спешил рассеять последние сомнения Иванова и напоследок попытался сунуть ему в руку четвертной билет.

«Не взять нельзя!» — оценивал ситуацию егерь, но тут же сделал вид, будто факта взятки не было и в помине.

— Ваше благородие, надобно ли мне приходить в следующий раз сюда или мы свидимся где-то на стороне?

Иванов склонил голову набок, рассматривая жилистые руки нищего.

— Дело непредсказуемое. Впрочем, будь каждый шестой день недели в этой забегаловке. И, Бога ради, смени свое рубище!

— Благодарствую...— податель загадочного письма попытался приложиться губами к руке Иванова, но тот поспешно встал и надел шляпу.

— Прощай! — взмахнув тростью, егерь мигом исчез из комнаты.

Санкт-Петербург, 15 августа 1826 г.

Еще при Александре I Россия так прославилась доносами, что историки по праву нарекли ту эпоху «классическим временем доносов». Особенно это «ремесло» распространилось в последние годы жизни покойного императора. Пиком шпиономании можно считать деятельность небезызвестного Михаила Магницкого, который ради искоренения вольномыслия в Казанском университете предлагал «торжественно разрушить» университетское здание. Бывший губернатор Симбирска, а затем чиновник министерства духовных дел и просвещения, он доносил на всех окружающих без разбора, включая своего министра А. Н. Голицына и даже великого князя Николая Павловича — будущего российского самодержца.

При новом монархе доносительство из дела чисто профессионального начало все более и более превращаться в общегосударственное. Отныне любой служащий казенного ведомства был обязан сообщать в Третье отделение о тайных и явных умыслах против власть предержащих. Это правило коснулось и придворного егеря Иванова. С назначением бывшего командира драгунов шефом жандармов Иванов стал платным агентом Первой экспедиции Третьего отделения, ведавшей делами о государственных преступлениях.

По известной лишь ему одному причине Бенкендорф всякий раз испытывал двоякое чувство. С одной стороны, он не уважал человека, опустившегося до столь низменного поступка. С другой — поощрял его. Разгадка подобного двоедушия проста. В 1821 году сам Бенкендорф через одного из своих секретных агентов подал Александру список членов антимонархического кружка и настаивал на немедленном их аресте. Александр почему-то не принял донос Бенкендорфа во внимание. И все же справедливость, как ее понимал Бенкендорф, восторжествовала: Николай I по достоинству оценил тот документ...

— Ты уверен, что нищий совсем не тот, за кого себя выдает? — спросил Бенкендорф, принимая от Иванова пакет.

— Ваше превосходительство, я уверен в этом. Скорее всего, он казак. Думаю, не из рядовых.

— Что в пакете? — Бенкендорф проверял агента, хотя знал, что егерь честен до неприличия.

— Нищий сказывал, что там — записка к его величеству.

— О чем? — все та́к же по-лисьи вкрадчиво допытывался генерал.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

Ногтем мизинца Бенкендорф ловко вскрыл пакет и вынул из него записку, исполненную славянской вязью. Вощеный лист, как пойманная птаха, затрепетал в руках шефа жандармов.

Прочитав записку, Бенкендорф испытал разочарование. Письмо было составлено столь конспективно, что невозможно было понять конечную цель, которую преследовал доноситель. Из записки явствовало, что этот человек домогается личной встречи с Николаем.

По лицу Бенкендорфа скользнула тень недовольства, затем оно вновь стало непроницаемо-бесстрастным.

— Каков, говоришь, был у тебя с ним уговор?

— Ваше превосходительство, мы условились о встрече в харчевне...

— Этакие свидания ни к чему: оставлять его на свободе опасно. Но твоя служба на сем не заканчивается. Сдается мне, казак он или кто еще, не из простых смертных. Найди предлог свидеться с ним в полиции. В сношениях с полицейским начальством можешь ссылаться на меня. Однако не дай Бог, чтобы казак узнал об этом! В остальном поступай, как знаешь.

Преисполненный рабского трепета, Иванов откланялся. Очутившись за дубовой дверью генеральского кабинета, он подумал: «Сегодня в шахматы играть я бы с ним не стал...»

В тот же день нищего арестовали. Полиция действовала так, чтобы на Иванова не пала и тень подозрения. Формально казак был задержан за отсутствие вида на жительство и неспособность толково объяснить цель прибытия в Петербург.

Во исполнение приказа Бенкендорфа «выудить у нищего, зачем он домогается свидания с императором» Иванов начал было разрабатывать план нового разговора с казаком и то, под каким предлогом надобно появиться в полицейском участке. Однако дело

разрешилось самой собой, без усилий с его стороны. Егерь получил от нищего записку, переданную на волю через солдата охраны. Нищий приглашал Иванова навестить его в полиции, обещал открыть нечто очень и очень важное.

На этот раз «нищий» предстал перед егерем совсем в ином обличье. Это был чисто выбритый и щегольски одетый красавец двух с половиной аршин ростом и косой саженью в плечах.

Иванов не заметил, чтобы «нищий» был удручен своим новым положением. Всем своим видом он показывал, что попал в участок случайно и надеется на быстрое освобождение. Егерь тоже держал себя естественно, как и подобает человеку, ничуть не виноватому в чужом несчастье.

— Не буду скрывать, сударь, что я даже рад встретить вас тут, а не в образе нищего где-нибудь на мосту... Спешу сообщить, что письмо ваше подано мною через надежные руки адресату,— Иванов не заметил, как перешел с «ты» на «вы».— Речь идет об одном из членов высочайшей фамилии. Думаю, со дня на день письмо будет у его величества. Да вас теперь не узнать! — то ли с восхищением, то ли удивленно заметил егерь.— Кстати, начальник участка не видит надобности держать вас здесь сверх необходимого и готов отпустить, коли вы тотчас отбудете по месту жительства.

— Нет, нет! Я не могу уехать! — горячо возразил псевдонищий.— Меня ждут товарищи... Здесь, в Петербурге!

— Как! Вы приехали не один? — удивился Иванов.

— Разве я в прошлую нашу встречу не говорил вам, что на руках у моих друзей бумаги, удостоверяющие покушение на покойного ныне государя?

— Нет, сударь, вы ничего не говорили о «покушении»,— сердце егеря колотилось необычайно сильно, возбужденное необычным сообщением.— Что же вы сразу?.. Это меняет дело. Да знаете ли вы, что за такую весть император не поскупится на самые высокие награды! Даже рядовым...

— Я есаул! — гордо подчеркнул казак и добавил, поджав губы: — В отставке...

— Это сущий пустяк! Государю ничего не стоит произвести вас в майоры. Сегодня он щедр к защитникам престола. Чаша правосудия должна перетянуть

чашу зла. Слишком много несчастий! Слишком много...— Иванов с неподдельным чувством вознес глаза под потолок, обращаясь как бы к самому Богу.— М-да, новые обстоятельства ставят меня в тупик. Вы домогаетесь аудиенции у императора и в то же время не имеете на руках документов...

— Мы оба заложники обстоятельств! — выпалил есаул.— Коли письмо дойдет до императора, то вас либо призовут к ответу, либо вы поделите со мной славу разоблачителя врагов отечества!

— Да, но каким образом я приобщусь к «славе»? — удивился Иванов.

— Вы могли бы сегодня... сейчас встретиться с казаками.

— Вы отдаете себе отчет, чем я рискую?

— Еще бы! Мне ли не знать, как трудно простому смертному искать расположения у царей. Путь к ним труден, но у вас нет выбора. Итак, мои товарищи ждут нас на толкучем рынке. Для пущей секретности они изображают из себя торговцев рунами...

Егерь решился. Ссылки на Бенкендорфа оказалось достаточно, чтобы начальник полицейского участка освободил есаула под ручательство Иванова.

На толкучем рынке, оглушаемый кудахтаньем кур и визгом поросят, егерь едва поспевал за широко шагавшим казаком, продиравшимся сквозь разношерстную базарную толпу торговцев и барыг. Не прошло и получаса, как небо затянуло багровыми тучами. Стало темно, назревала гроза.

Иванов забеспокоился:

— Сударь, мы исколесили весь рынок... А ну как ваши товарищи уже отбыли в войско?

— Напрасны ваши волнения. Казаки хитры. Где мы их не увидим, там они нас все равно заприметят. Однако вы сопровождаете меня словно под конвоем. Это может их смутить. Оставшись один, я скорее нашел бы своих товарищей.

— Ни в коем случае! Вы хотите меня погубить?

— Как знаете... Экая напасть, ваше благородие! Только что я их видел... Стойте здесь, а я в момент договорюсь с казаками и призову вас к себе.

Не успел егерь что-либо возразить, как есаул был таков. Какое-то время Иванов видел его мелькавшую шляпу над головами торговок, но скоро потерял ее из поля зрения. Между тем ловкий обманщик был за

пределами рынка. Окликнув извозчика, он сунул ему в руку рубль и грозно крикнул: «За заставу!»

Санкт-Петербург, 20 октября 1826 г.

Вчера Николай получил записку от петербургского митрополита Серафима. Его преосвященство сообщал, что третьего дня к нему из Вологды поступил пакет, внутри которого был другой, предназначавшийся «по секрету» императору. Только что Николай ознакомился с содержимым этого послания. Недолго думая, он в ярости бросил письмо на пол.

— Доколе сумасшедшие будут преследовать меня доносами?! — визгливый голос Николая нарушил тишину дворцового кабинета. Вслед за тем император рванул стоявший на столе колокольчик...

— Дибича ко мне! Срочно! — приказал он вошедшему флигель-адъютанту. Офицер хотел поднять оброненное императором письмо, но, увидев на лице Николая свирепую гримасу, сделал «кругом».

Дибич недоумевал: зачем император вызвал его к себе, коли со времени их последней встречи прошло менее суток. Войдя в царские покои, начальник Главного штаба понял, что Николай в прескверном настроении. В его глазах Дибич уловил беспокойство, свойственное скорее простому смертному, нежели монарху.

И впрямь, Николай начал разговор как равный с равным:

— Я пригласил тебя, Иван Иванович, по делу совершенной секретности. На карту поставлено больше, чем репутация... Хочу поговорить именно с тобой, ибо в те дни ты действовал, как мне кажется, исключительно по долгу присяги!

Николай взял Дибича за локоть и проводил вглубь кабинета, где они оба сели на диван.

— Скажи, генерал, возможно ли, чтобы разум оставил сразу столько людей?.. Можешь ли ты поручиться хотя бы за себя? — Он испытующе посмотрел в глаза Дибичу.— Был ли ты во здравии у смертного одра брата?

Дибич ожидал худшего, и теперь у него отлегло от сердца. Он давно заметил: император болезненно пристрастен к слухам о насильственной смерти Александра. Некоторым образом в этом был повинен сам Дибич, не упускающий случая, чтобы информировать

Николая об очередной листовке, в которой так или иначе муссировалась таганрогская трагедия.

— Ваше величество, полагаю, здоровее меня в те дни не было человека во всей армии. Помнится, под Балаклавой я простоял на ветру без бурки целый час — и хоть бы что!

Николай покачал головой.

— Нет, Иван Иванович, я не о том... Чужие края, климат... смерть Саши... Согласись, все это тяжко для ума! И это письмо... Почему ты столь скупо изложил в нем матушке события последних дней жизни брата? Ведь ты был рядом с ним до смертного часа! — Николай исподволь наводил Дибича на откровенный разговор.

— Князь Волконский сделал это допрежь меня,— хотел было оправдаться Дибич, но император перебил его:

— При чем тут князь! На-ка вот лучше почитай...

Дибич ознакомился с письмом, полученным Николаем от Серафима.

— Абсурд! — император был явно расстроен.— Какой-то казак знает про «это» больше, чем весь штат придворных!

— Ваше величество, этот есаул был арестован мной еще в Таганроге, но, к сожалению, бежал... Я тогда же доложил о происшедшем его высочеству в Варшаву,— Дибич врал напропалую, считая, что Николай не придаст значения такой мелочи.

— Константину? — Николай пытался уразуметь, какое отношение ко всему этому имеет отрекшийся от престола брат, словно позабыл, что в недавнем прошлом сам присягнул ему как законному наследнику престола.

— Ваше величество,— продолжал Дибич,— измышления казака о таганрогских событиях не стоят выеденного яйца. Что касается другой части доноса, то в ней есть резон. Атаман Матвеев — плебей! — Дибич обрадовался случаю попрекнуть предводителя черноморских казаков в низменном происхождении. Заодно и уйти от щекотливой темы.

— Дался тебе сей атаман! Наши родовитые офицеры из Гвардии, чьи титлы идут почитай с рюриковых времен, показали себя под перстом великого Петра наихуже презреннейших из холопов! Я знаю: казачьи старшины самочинно жалуют себя казенными земля-

ми. Надо бы заняться ими, да все недосуг. Казаки — само собой, но есаул — это особо! Ты, кажется, со мной не согласен?

Дибич не хотел впутываться в дело очередного доносителя. Его интересовала интрига куда более значительная. В Главный штаб поступили сведения о том, что генерал Ермолов по-прежнему благоволит к декабристам, а посему стоит ли ему и далее оставаться в должности командующего Кавказом — тем более что после известных событий туда был отправлен крамольный Черниговский полк и полк, сформированный целиком из восставших солдат и офицеров.

Пока Дибич размышлял таким образом, Николай взял со стола тисненую золотом папку, куда дежурные офицеры ежедневно клали для ознакомления документы, и вынул из папки очередную бумагу. Дибич понял, что Николай не отпустит его за просто так.

— Давеча мне доставили еще один пасквиль... Прочти-ка его вслух, а то, я вижу, тебе нейдут на ум мои подозрения!

Дибич принял из рук императора лист, на котором в левом верхнем углу была сделана приписка: «Иван Соколов, 40 лет, уроженец Нижегородской губернии, из церковников. Капитан лейб-гвардии Казачьего полка. За упуск арестантов из гарнизона в 1808 г. бит шпицрутенами. В 1819 г. разжалован в рядовые за дурное поведение».

Дибич глянул мельком на императора. Тот стоял, опершись мощными ягодицами о край стола. Руки его лежали на груди крестом.

Дибич начал читать:

— «Уважаемый Ерофей Андреевич! Войско наше расположилось в сорока верстах от Москвы, по Петровскому тракту. Надобно сперва сказать насчет дороги, кою здесь строят... Каждая ее верста обходится казне по пятидесяти тыщ серебром. Солдату в день дают на вино и говядину...»

— Опусти это...— Николай недовольно поджал губы.— Читай, где подчеркнуто!

Дибич скользнул взглядом вниз по странице. Красная полоса начиналась с середины строки:

— «...я вам скажу по секрету об Александре Павловиче и кончине его. Все, что прежде вам сообщали, враки. От сержанта, который всегда находился при дворе, знаю доподлинно, что произошло на самом

деле. Не доезжая Таганрогу, мост на реке был подпилен, чтобы государю была кончина жизни. Но какие-то господа сказали ему: не езди, государь! Царь ослушался. Как въехал на мост — так и провалился. Все же кучер государев сумел назад повернуть. Но там его уже поджидали. Оглушили, иссекли грудь и тело — вот его кончина. Известно, куда след идет... Однажды граф Воронцов сказывал государю: что ваш род Романовых! Он существует двести лет, а мой столько-то сот. Так мне и должно быть царем, а ты самозванец. Этот граф установил закон масонской веры и закон республики. Он знал, что Константин Павлович не может быть государем, но хотел, чтобы солдаты присягнули преклоненному знамени, а потом это знамя развернули бы, а оно республиканское. Ничего возвернуть уже было бы нельзя, а солдатам гвардии прислали за верность по 500 рублей и вольные паспорта. Но этого Бог не допустил...»

На этом красная черта обрывалась. Дибич был в недоумении: ум его не привык выходить за пределы понятных определений о «врагах» и «друзьях», а в пасквиле и те и другие смешались воедино. Домысливать что-то сверх очевидного у Дибича не было ни желания, ни изворотливости ума.

— Не слишком ли много, Иван Иванович, совпадений в разных доносах? — Николай продолжал гнуть свою линию. Император заранее решил поручить дело есаула Дибичу, хотя само собой напрашивалось, что сподручнее было бы заняться им ведомству Бенкендорфа. Тут у Николая были свои мотивы... При всем уважении к шефу жандармов император помнил, что тот служил в юности флигель-адъютантом Павла I. Но молодого прапорщика опекал не столько Павел, сколько его властолюбивая супруга Мария Федоровна. Николай был неплохим психологом и понимал, что ранние привязанности очень крепки. Попечительство ныне вдовствующей императрицы вряд ли забыто Бенкендорфом, а посему Николай опасался, что от него подробности есаулова дела дойдут до матери. Против этого у императора были весьма веские основания.

Дибич продолжал молчать. В конце концов, это была личная проблема Николая. Между тем император вышагивал по кабинету, посматривая то на Дибича, то на портрет покойного брата на стене.

— Видишь ли, Иван Иванович...— Николай кашля-

нул в кулак.— Грешным делом я начал сомневаться в свидетельстве Виллие и Стофрегена. О прочих медиках уж и не говорю! Тело Саши прибыло в Петербург в таком виде... а тут еще этот фельдъегерь...— Николай имел в виду лейтенанта Маскова. В подметных листовках, имевших хождение в солдатских казармах, утверждалось, что в Петербург из Таганрога доставили тело не Александра, а названного фельдъегеря, умершего трагической смертью в Крыму в начале ноября 1825 года.

— Может быть, это не более чем домыслы, но не кажется ли тебе странным, Иван Иванович, что есаул столь уверен в своих показаниях? — Николай продолжал искать у Дибича поддержки, и молчание генерала начинало его раздражать.— Подробностей он не сообщает, но обещает открыть их при личной встрече. Кстати, что это за странная фамилия: Анцимирисов? Впрочем, в этом ли суть! Я хотел просить тебя, Иван Иванович, и просить приватно... да, именно так! — подчеркнул Николай,— чтобы ты нашел мне честного офицера, коему я мог бы довериться, как самому себе.

Император тотчас сел за стол, достал перо, бумагу и приготовился написать соответствующее распоряжение, но в следующий миг передумал:

— Нет, никаких следов в архивах! А главное — от подозрений не освобождается никто, включая и нас с тобой, генерал!

Решительный по характеру, как и сам император, Дибич тотчас стал перебирать в уме подходящих офицеров. Как истый пруссак и ревнитель расовой чистоты — в свое время он женился на племяннице Барклая де Толли,— Дибич предпочел бы вверить императорскую честь немцу. Однако таковых в известном ему списке предполагаемых кандидатов не нашлось. Острый ум вынес на поверхность мышления одно имя... Правда, в свое время этот полковник был дружен с вождем русских масонов Новиковым. Последний запятнал себя, в частности, тем, что в разгар войны лечил в своей усадьбе, под Бронницами, раненых французов. Впрочем, сам воображаемый визави показал себя в тот период отменно. Он рассекретил одного из самых важных агентов Бонапарта в Москве! Покойный император лично вручил ему Владимира...

Так и не дождавшись ответа на свою просьбу, Николай решил покончить с этим вопросом:

— Вижу, генерал, ты всерьез озаботился моим предложением. А посему даю тебе сутки на размышление! И вот еще что... Ты обещал доложить мне об унтере Корнееве!

— Ваше величество, позвольте вам напомнить, что вы передали дело этого злоумышленника на усмотрение великого князя Михаила Павловича. Вследствие чего оно поступит в распоряжение его высочества, как только будет завершено производством суда.

Николай упрямо тряхнул головой.

— Пусть так! А все же покажешь мне сие дело для окончательного утверждения. Что бы ни решил великий князь, но потомки взовут к моей совести.

Гатчина, 28 октября 1826 г.

Бенкендорф не жаловал Гатчину. Здесь все дышало первозданной природой, и даже осенью дворцовые парки были прекрасны. Они навевали покой и ощущение неземной идиллии. Бенкендорф предпочитал осени зиму, когда золотистые аллеи покрываются сугробами холодного снега, а деревья становятся похожими на серые скелеты, ощетинившиеся, как штыками, голыми ветками.

Стоит ли осуждать за такое пристрастие бравого вояку, который двадцать лет жизни провел в походах, сражениях, маневрах и парадах! Бенкендорф не тяготился новой должностью. Полицейская служба не слишком отличалась от службы армейской. Он лишь сожалел, что его фискальные способности не были оценены по достоинству раньше.

Принимая Бенкендорфа в гатчинском дворце, Николай сразу же выговорил ему:

— Я нынче недоволен тобой, Александр Христофорович! Отчего не доложил об есауле тотчас по появлении его в столице?

Слова императора застали Бенкендорфа врасплох.

— Мало того, ты умолчал про побег...— добавил Николай с укоризной.

Бенкендорф до боли в суставах сжал рукоять палаша, висевшего у него на бедре.

— Ваше величество, прошу покорнейше простить, но ошибка сия была не намеренной. Я почел за лишнее беспокоить вас до поры. Покуда не откроются все подробности заговора.

— Заговора?! Тебе не кажется, что сегодня любая листовка с упоминанием члена царской фамилии становится доказательством зреющего бунта? Этак мы с тобой половину России отправим на каторгу!

— Ваше величество, в побеге есаула повинен один филер. Он случайно открыл доносчика, но затем, вопреки моей воле, истребовал его из полиции...

Бенкендорф рассказал императору о встрече егеря и есаула на мосту, о том, что казак был арестован, а затем бежал с рынка. В то же время он умолчал, что фактически егерь действовал по его указанию.

— Верю тебе! — успокоил Николай Бенкендорфа, и его выпуклые глаза приняли прежнее холодное и бесстрастное выражение.— Делом есаула я займусь сам,— это означало, что из ведомства Бенкендорфа оно переходит в Главный штаб.— Ты сказал, что есаул уже пойман и находится в крепости. Препроводи туда же и своего филера. Бог знает, какие обстоятельства в будущем еще откроются!

В тот же день Николай принял рекомендованного ему Дибичем офицера...

Полковник Прозоров ожидал чего угодно, только не аудиенции у императора. За девять месяцев правления нового монарха Прозоров ни разу не был вхож в его апартаменты, хотя по роду службы часто курсировал между столицей, Царским Селом и Гатчиной. Тем удивительней был выбор царя.

...Беседа между ними длилась всего четверть часа. По мнению Прозорова, в речи императора не было абсолютно никакой логики. И все же полковник отметил для себя, что за частным интересом, который Николай проявил ко всему, что так или иначе касалось смерти брата, угадывалось нечто большее. Полковник не нашел в словах Николая ни единой «помарки», кроме несколько раз повторенного в течение беседы замечания, что любые сведения, которые, возможно, в будущем будут известны по данному делу Прозорову, не должны быть переданы вдовствующей императрице.

Формально Прозорову вменялось в обязанность провести тщательное расследование «дела есаула», на что он получил от Николая неограниченные полномочия. По сути же, прикрываясь этим «делом», полковник был обязан реконструировать события, связанные со смертью Александра в Таганроге.

Николай негодовал: какой болван придумал, что покойный был «русским Гамлетом» на престоле? Мучеником! Эти и подобные им мысли волновали Николая с того самого часа, как он узнал, что Константин отрекся в его пользу от престола. В этом поступке второго по старшинству брата было что-то загадочное. Вверяя Прозорову разгадку таганрогской трагедии, Николай питал надежду, что расследование выведет полковника на ранее неизвестные горизонты, о каковых Николай если и догадывался, то лишь в пределах мыслимой для реальной жизни фантастики.

Аудиенция у Николая побудила и полковника к воспоминаниям о не столь далеком прошлом. Несмотря на активное участие в «деле В. Ф. Раевского», Александр I колебался в принятии каких-то конкретных мер против членов Союза Благоденствия. Прозоров тогда пришел к выводу, что императора беспокоит не столько наличие под боком все возрастающего числа инакомыслящих, сколько утрата своей монополии на либерализм. То есть республиканские настроения в стране превысили уровень, выше которого не мыслил подняться сам Александр. И вот, в начале двадцатых годов, жизнь поставила императора перед жесткой дилеммой. Либо встать во главе радикальных либералов и в недалеком будущем дать России конституцию, либо окончательно порвать с розовыми чаяниями молодости и поддержать реакционнейший курс Аракчеева, митрополита Фотия и иже с ними.

В числе немногих Прозоров знал о подлой акции секретного агента Главного штаба Грибовского, который, через князя И. Васильчикова, донес Александру о тайном съезде в Москве членов Союза Благоденствия. Дибич уже в то время серьезно интересовался намерениями офицеров, входивших в многочисленные тайные кружки. И хотя в 1821 году он еще не был начальником Главного штаба, однако особая доверенность Александра вылилась в весьма щекотливое дело. Дибич поручил — тогда еще подполковнику — Прозорову проверить достоверность доклада агента Грибовского.

Прозоров выяснил, что по большинству пунктов означенного донесения Грибовский прав. Докладывая об этом лично Александру, Прозоров тем не менее высказал на этот счет своe частное мнение. Он полагал, что столь широкое участие в «тайных» кружках

генералов и офицеров, в строгом смысле слова, уже не есть тайна. К тому же Зеленая книга Союза основной своей целью ставила распространение просвещения и благотворительности...

Прозоров рисковал. Его расчет основывался на том, что Грибовскому не была известна так называемая «черновая» часть устава Союза, где провозглашалась борьба за свержение самодержавия и установление в России конституционной монархии. А если его предположение было ошибочным?!

По-видимому, Александр не поверил ни тому, ни другому. В его посмертных бумагах была найдена записка, составленная сразу же после разговора с Прозоровым: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обоих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии — Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, гр. Гурьев, Дм. Столыпин и многие другие из генералов, полковых командиров, сверх того большая часть разных штаб- и обер-офицеров».

Фраза «дух... либерализма» показывает, что Александр был теснимо именно ревностью к тем, кто не боялся этого духа, витавшего и в самом Александре в начальный период его царствования.

Ступив на престол, Николай долго ломал голову: кому бы могла быть адресована эта записка? С пристрастием обиженного недоверием человека он спросил об этом у Константина. Ответа из Варшавы Николай так и не получил.

Во исполнение императорского приказа Прозоров первым делом направился в Петропавловскую крепость...

Попав в одиночную камеру, егерь Иванов был в состоянии, близком к прострации. Со слезами на глазах он поведал полковнику трагикомическую историю, как бравый есаул обманным путем ускользнул от него на толкучем рынке. Важным в показании егеря было то, что «действовать по обстоятельствам» приказал ему лично Бенкендорф.

Прозоров не записывал показаний егеря, ибо действовал как бы негласно. Что до официальных допросов, то они были поручены одному из самых

доверенных адъютантов императора — генералу Левашеву. Прозоров сразу понял, что егерь — фигура в деле случайная, и если бы не дерзкая выходка казака, быть егерю и далее в чести у шефа жандармов. И все же некоторые детали сбивчивого рассказа Иванова показались Прозорову достойными внимания. Так, на каменном мосту нищий почему-то назвал егеря «паном». А в полицейском участке один из нижних чинов доложил Иванову, что доставленный туда есаул выбросил из-за голенища сапога нож. Правда, от предъявленных ему претензий есаул категорически отказался, сославшись на то, что нож уже перед тем валялся в арестантской.

Допрос самого есаула Прозоров отложил на ближайшие дни.

Царское Село, 30 октября 1826 г.

Мэквилл знал: ничто так не настораживает работодателя, как довольство подчиненных ему служивых своей карьерой. Чин асессора был, конечно, очень скромен для придворного лекаря, каковым Мэквилл числился при дворе вдовствующей императрицы. С другой стороны, он понимал, что год или даже два жизни в чужой стране — не срок, чтобы с исчерпывающей полнотой оценить способности заграничного доктора. Правда, Мэквилл мог обойтись и без придворного жалованья. Но служба требовала известной последовательности поступков, поэтому недавно Мэквилл посетовал статс-секретарю Марии Федоровны на возросшие издержки по проживанию в России.

Согласно уговору агент не должен был выходить на прямую связь с Мэквиллом. Но вчерашней шифровкой из Стамбула этот запрет был нарушен. Агент сообщал, что вынужден действовать в обход инструкции, так как время не терпит. Он докладывал, что из черкесских источников до него дошли слухи о некоем есауле, оказавшемся свидетелем бальзамирования Александра. Нынче есаул в Петербурге, но суть его приезда туда неизвестна. Известно другое: в прошлом есаул уже добивался свидания с покойным императором, чтобы рассказать ему о преступных связях казачьих атаманов с черкесами, которым они якобы продавали неучтенные казачьи земли.

«Ох уж эти азиаты!» — подумал Мэквилл, не имея

в виду турецкого агента, в свое время окончившего университет в Абердине. Если бы не восточное происхождение, этот человек наверняка достиг бы немалых успехов на политическом поприще...

Прервав размышления об агенте, Мэквилл вспомнил о предстоящем свидании с императрицей. Как хорошо, что при всем ее честолюбии старуха легко принимает чужие мысли за свои! Но долго ли так будет? Не переменится ли ее характер в преддверии старческого маразма? Это было бы потерей для Мэквилла и его начальства в Лондоне.

Доктор в последний раз посмотрел на себя в зеркало и прислушался... Нет, это был всего лишь кошачий визг. Последнее время Мэквиллу казалось, что мысли способны проникать сквозь стены и быть услышанными на стороне, за пределами его квартиры. В иное время материалист Мэквилл только посмеялся бы над подобной энтелехией — живительной силой, воспетой еще Аристотелем. Но сейчас доктор находился во власти несвойственной ему мистики.

Произнеся скороговоркой молитву, Мэквилл надел макинтош, шляпу и вышел на улицу. Повинуясь призывному жесту господина, извозчик понукнул застоявшихся лошадей.

Дибич, видимо, так и не проникся ощущением важности предпринятого Николаем приватного расследования таганрогской трагедии. Иначе как объяснить появление на свет довольно сумбурной записки, направленной им в Царское Село? Запоздалые угрызения совести подвигнули Дибича исповедаться перед матерью-императрицей о последних днях ее сына, чего он не сделал в ответ на ее просьбу в ноябре двадцать пятого, сославшись на то, что Волконский, мол, больше «пользовался счастьем быть приближенным к императору», а потому ему это и сподручнее. Ну что за ребячий каприз!

В конце записки Дибич совсем некстати обмолвился о заинтересованности Николая обстоятельствами исчезновения серебряного сосуда с внутренностями покойного монарха. Тут же Дибич пожаловался на судьбу: его, доброго вояку, втягивают в фискальные дела. Не расшифровав, что он имеет в виду под словом «фискальные», Дибич задал Марии Федоровне еще одну загадку.

Несмотря на свои шестьдесят семь лет, императрица живо интересовалась политикой и через доступные ей связи продолжала влиять на дела внутренние и внешние. А в свое время она отказала Наполеону в сватовстве к двум своим дочерям. Правда, женись он на русской царевне, самолюбивый корсиканец вряд ли пошел бы войной против породненной державы. Но что такое для Марии Федоровны судьба России, когда на первом месте неприязнь к тому, в чьих жилах нет королевской крови!

Вчера придворные были шокированы: императрица манкировала «Похищение из Сераля» — любимую ею пьесу на музыку Моцарта. А сегодня она долее обычного провалялась в постели, рассматривая через кисейный полог портреты сыновей, висевшие на стене против алькова. «Изгой!» — этот эпитет предназначался Константину, женившемуся вторым браком на смазливой полячке. Досталось и покойному Александру, в свое время попавшему под влияние польского аманата Чарторыйского, пришедшего на русскую службу ради сохранения своих земельных владений. Недобрым словом помянула мать и «монаха» Сперанского, очарованного Наполеоном. Что Бонапарт намеревался осуществить в России штыками, то владимирский «схимник» хотел протащить хитростью! Не подготовив умы политически и нравственно, подбивал Сашу к Республике...

Настроение императрицы было преотвратное, ее разъедала желчь. Присев к конторке, она набросала черновик записки к Николаю. В ней Мария Федоровна сообщала, что в Эрмитаже, на видном месте, висит портрет никчемнейшего из фаворитов Екатерины II... Императрица рассчитывала на нелюбовь императора ко всему польскому. Но суть была вовсе не в портрете, а во фрейлине Ланской — родственнице, по мужу, любовника Екатерины Второй. Перед отъездом Саши в Таганрог Ланская поделилась с Елизаветой Алексеевной грязной сплетней, та — с мужем... Сгоряча Александр устроил матери сцену, назвав ее «мессалиной». Интересно, знает ли эту историю Николай?

Мария Федоровна сунула руку в ложбину между тощими, отвисшими грудями и вынула на свет маленький ключик, висевший на тонкой золоченой цепочке у нее на шее. Она открыла им потайной ящик бюро.

В нем на красном бархате лежала перламутровая шкатулка. Пальцы старухи нащупали на одной из стенок шкатулки едва приметный выступ... Императрица взяла из шкатулки финифтяный портрет мужчины: продолговатое лицо, волосы до плеч, тонкие губы и прямой нос, глубоко посаженные глаза. Во избежание кривотолков Фрэнсис Уилсон сделал портрет не в Петербурге. Он заказал его в Чудовом монастыре, куда совершил «паломничество».

«Бог мой, как давно это было!» — подумала императрица, кладя портрет англичанина на прежнее место. Тотчас вспомнила Павла... В интимной жизни он был горяч, порой требователен до неприличия. Всегда и во всем спешил, словно знал, что проживет только половину...

Закрыв бюро, Мария Федоровна дернула за бахрому балдахина: пришла пора утреннего туалета.

Мэквилл был врачом, но не дипломатом, поэтому его удивило, что императрица назначила ему встречу в парадной комнате, а не в приличествующем для медицинского осмотра помещении. Она сидела за круглым столом, с веером в руке. И веер и поза — все было настолько неестественно, что вмиг бросилось Мэквиллу в глаза.

— Садитесь, Гарольд... Вы веселы? Погода вроде не балует...

В первых же словах императрицы Мэквилл уловил раздражение. Сегодня старуха выглядела на все семьдесят. Опытного врача не обманули ни румяна, густо наложенные поверх лица, ни искусственный блеск старушечьих глаз, куда Мария Федоровна закапала специальную жидкость.

С присущей ему находчивостью Мэквилл постарался скрасить мрачное начало свидания:

— Ваше величество, погода действительно прескверная! И если я выгляжу веселым, то прошу вас: не судите обо мне по внешним приметам. Душа моя — тайник скорби,— последнюю фразу доктор произнес по-немецки, полагая, что уроженке Штеттина будет приятен родной говор.

Он ошибся.

— Гарольд, сегодня мы с вами будем общаться по-русски! К тому есть важные причины... Я не хочу, чтобы некоторые моменты нашей беседы показались бы вам двусмысленными.

Теперь Мэквилл окончательно убедился, что старуха не в духе.

— Вы здесь неплохо зарабатываете, не так ли? Чин асессора, конечно, невелик. Смею, однако, надеяться, что не этой табелью мечтаете вы завершить карьеру в России?

— На то воля Бога, ваше величество,— смиренно ответил доктор.— Новый монарх милостив...

— Вы правы, друг мой. Никто и ничто не мешает вам проявить себя при дворе с лучшей стороны. Вы, как и все англичане, похвально трудолюбивы и рассудительны. Но я вызвала вас вовсе не для того, чтобы рассуждать о преимуществах той или иной нации. Известно ли вам, что тайна, о которой знали только мы двое, открыта?

От неожиданности услышанного Мэквилл пошатнулся. Лицо его стало белее снега, на висках проступили капельки пота.

— Это кле-ве-та!..— прохрипел доктор и схватился рукой за ворот сорочки.

— Успокойтесь,— веер прикрывал императрице почти все лицо, только холодные и усталые глаза внимательно следили за Мэквиллом.— Вы знали, что один из сосудов был украден? Почему я узнаю об этом лишь сейчас и не от вас?

Мэквилл был потрясен окончательно.

— Ваше величество, Дибич приказал под страхом смерти держать язык за зубами...

Императрица усмехнулась, но глаза ее были попрежнему холодны.

— За генералом оставался должок...

Мэквилл понял, что об исчезновении сосуда императрице поведал сам Дибич.

— Однако, доктор, не спешите извинять себя. Мне кажется, был украден как раз тот сосуд, который не должен был видеть никто!

— Ваше величество, я уничтожил его, как и было уговорено между нами. Не единожды после возвращения из Таганрога я домогался быть допущенным к вам для доклада, но всякий раз вы отказывали.

— При тогдашних обстоятельствах я отказывала не вам одному! — императрица имела в виду траур по сыну и смерть в начале мая в Белеве своей невестки.— И не забывайте, Гарольд: что можно лекарю, не к лицу императрице! Хотя бы и вдовствующей.

Императрица поднялась со стула и подошла к клетке с райскими птичками. Наблюдая за ними, она продолжала:

— Несмотря на удачно проведенную вами операцию, слухи о насильственной смерти Саши не утихают. Вы и представить себе не можете, как это для меня ужасно! Однажды я уже пережила нечто подобное... Это сущий кошмар! Вы врач, вы поймете... Ночи пугают меня привидениями. Бедный Александр! Он тоже страдал мнительностью. Раз в хлебе ему попался кусочек камушка, так он возомнил чуть ли не заговор. Доктор, меня не покидает предчувствие, что не все так благополучно, как вы говорите. Пока это лишь предчувствие...— Мария Федоровна грозным взглядом смерила Мэквилла с ног до головы. Но уже в следующий миг она поняла, что любые угрозы бессмысленны, ибо оба они одинаково зависимы от воли случая.

— Будет об этом, Гарольд! Несмотря ни на что, я доверяю вам совершенно.

— Ваше величество, неужели вы могли усомниться в моей преданности? — вслед за изменившимся настроением старухи Мэквилл также начал приходить в себя.

— Мой друг, вы молоды, а я уже почти у черты... Жизнь так устроена, что правда и ложь одинаково справедливы, если каждая из них идет своим путем. Вечность примирит их.

Мэквилл был не прочь поговорить об отвлеченном:

— Ваше величество, вы правы: применительно к политике это так. Законы же геометрии предполагают, что две параллельные прямые все равно когда-нибудь пересекутся.

— Доктор, я согласна, но и в теоремах бывают свои исключения. Гарольд, у нашей тайны появился свидетель. Он прибыл в Петербург и шантажирует императора. Не знаю, чего он хочет: славы, денег, чинов... Анцимирисов! Вы слышали эту фамилию?

Мэквиллу снова стало плохо. Если бы императрица знала, чем вызван его страх,— она либо упала бы в обморок, либо — хуже того — скончалась бы от сердечного припадка.

Доктор с трудом взял себя в руки.

— Ровным счетом ничего, ваше величество.

— Немудрено. Этого человека занесло в столицу из самой что ни на есть Тмутаракани. Нынче он в кре-

пости. Думаю, вы еще сыграете в его судьбе свою роль... Не впадайте в отчаяние! Все, что будет в моих силах, я сделаю непременно. А покуда скажу Виллламову, что в умении успокаивать нервы вы превзошли всех известных мне докторов и потому достойны нового чина.

— Благодарю, ваше величество! — прочувствованно сказал Мэквилл и с присущим ему достоинством откланялся.

В очередной раз доктор убедился, что царскую милость легче заслужить одним нечестным поступком, нежели годами упорнейшего труда.

Санкт-Петербург, 4 ноября 1826 г.

Поостыв, Дибич начал жалеть, что исповедовался перед Марией Федоровной о пропаже серебряного сосуда, а затем — о странном возвращении его на место. С одной стороны, Дибич действовал верно, зная, что императрица все еще имела немалое влияние на Николая и могла при случае замолвить слово. Однако в тактическом плане генерал поступил несколько опрометчиво. Ведь «дела есаула» как такового пока еще не было. Неизвестно, куда выведет его расследование Прозорова. И не встанут ли в противоречие друг к другу, после его завершения, интересы императора и его матери?

В то время как Дибич озадачивал себя этими вопросами, полковник Прозоров готовился к разговору с Анцимирисовым. Он заканчивал чтение копий допросов, проведенных в крепости «штатным» следователем есаула генерал-адъютантом Левашевым. Прочитав в последний раз бумаги от начала до конца, Прозоров остановил взгляд на факсимиле Анцимирисова, сделанном по старославянски.

Отложив папку в сторону, полковник прочел пояснительную записку Левашева, адресованную императору: «Донос есаула основан на многочисленных фактах и заслуживает особого внимания».

«Стало быть, казак прав!» — Полковник мысленно унесся в далекий Таганрог, куда, судя по всему, ему придется в скором времени совершить путешествие.

Когда пушка в крепости пробила полдень, караульный ввел в комнату для допросов арестанта...

Увидев незнакомого ему офицера, Анцимирисов

удивился. Между тем полковник коротко представился и перешел к делу:

— Я разделяю мнение генерала Левашева, что в Петербург вас привели действительно серьезные обстоятельства. Но вот что странно. Вы утверждаете, что ваши доносы «для лучшего чтения» переписывались неким печатником Библейского общества. Но ваша записка из Вологды отлична от той, что передали вы через егеря Иванова.

— Я человек военный и привык отвечать на то, о чем спрашивают.

— Ага! Значит, подпись под «вологодским» письмом сделана вами лично?

— Мной.

— Но почему по-старославянски? Разве за сорок с лишним лет жизни вы не выработали свою манеру подписывать документы?

— Это не относится к существу,— уклончиво ответил есаул.

— Как знать! — усомнился Прозоров, не настаивая, однако, на своем.— Яков Семенович, вы домогаетесь суда, который бы назначил лично император. Зачем? Вам мало генерал-адъютанта? Ведь следователь столь высокого ранга действует по указу государя!

— Господин полковник, мне ли не знать следователей! В шестнадцатом году я жаловался покойному императору на беспорядки в Черноморском войске — докладывал, как атаманы разграбили казну... Было следствие, но часть от трех миллионов ушла на утушение моих жалоб.

— Вы полагаете, что следователей подкупили?

— Конечно!

— То есть атаман Матвеев окружил себя врагами отечества?

— Это ясно, как божий день! — воскликнул есаул вдохновенно.— Возможно, что атаман «слеп», но полковник Табунец, майоры Журавлев и Дубонос — эти виновны несомненно. Они потакали чиновным старшинам урезывать у рядовых казаков наиплодороднейшие земли. Я знаю об этом не по наслышке, потому как сам — сотенный есаул, сиречь погоняла и держиморда в курене. Порядки известные, господин полковник... Простые казаки не чета знатным. «Панство» жалует земли друг другу в потомственное владение

безнадзорно. Барабаш — Бурсаку. Григорий Лях — Порохне. Сумич — Перекрест-Самарскому. Все одним миром мазаны! Даже его превосходительство генерал Власов, приятель уважаемого генерала Ермолова, с ними заодно. А вспомните, господин полковник, горские подвиги! Тысячи казаков были награждены государем Александром Павловичем серебряными медалями. Где те медали? Атаманами Котляревским и Бурсаком переплавлены в посуду и припрятаны по домам.

Прозоров понимал: есаул рассказывает о застарелых болячках. Атаманы Донского и Черноморского казачеств почти неподконтрольны верховной власти, хотя из Петербурга на юг направлялись командирами выдающиеся военачальники.

— Ну что ж, есаул, добро, если так! Но веры вашим словам немного, коли они не будут подтверждены свидетелями.

— Я уже говорил о своих условиях... Можно ли запросто подставлять людей, как подставил я себя!

Полковник был согласен с доводами арестанта. Но не в его силах было что-либо изменить. Прозоров знал: участь есаула решена едва ли не с той минуты, как в руках Николая оказалось его письмо, присланное из Вологды. И вряд ли миссия полковника повлияет на дальнейшую судьбу казака.

— Догадываетесь ли вы, Яков Семенович, зачем я здесь?

Есаул понимающе хмыкнул.

— Тайна государевой смерти многого стоит.

— Вы правы, Анцимирисов. Но не спекулируете ли вы сей тайной, чтобы обратить внимание его величества на беспорядки в Черномории?

Лицо есаула приняло странное выражение. Прозорову показалось, что в данный момент Анцимирисову было наплевать на дела в казачестве и даже на трагедию в Таганроге. В глазах у есаула было нечто более сокровенное, чем все тайны царского двора вместе взятые.

Заметив пристальный взгляд полковника, Анцимирисов ударил себя в грудь кулаком.

— Клянусь жизнью, я говорю правду!

— Не спешите, есаул. Есть вещи поважнее самой жизни! В самом деле, разве безумные проделки вовсе без причин? В порыве отчаяния человек может забыть

все на свете. Ему выход нужен, расслабление... И — вот случай избавиться от давления начальства, недругов и завистников, ростовщиков, болезней, плохой погоды. Один поступок порой меняет враз всю жизнь.

— Ошибаетесь, господин полковник. Я не испытываю отвращения к жизни. У меня четверо детей.

— Неужели? Однако вы не похожи на примерного семьянина. Да вот и ваша склонность к бродяжничеству.

Анцимирисов сделался мрачнее тучи.

— Господин полковник, вы словно вьете вокруг меня паутину!

— Такова служба,— с откровенным простодушием ответил Прозоров.— Император ждет от вас подробнейших показаний о происшедшем в Таганроге. Запирательство ухудшит ваше положение.

— Я уже говорил, что предпочитаю следствию беседу с его величеством наедине.

— Это невозможно! Император тоже упрям. И подозрителен. Необъясненный донос рассматривается им как ложный донос. Егерь, противу вас, повинен самую малость, но и он в крепости. Желаете убедиться? Не усугубляйте свою участь, есаул!

Анцимирисов сделал несколько шагов по комнате, похлопывая себя руками по плечам. В крепости было холодно.

— Господин полковник, почему вы не записываете наш разговор?

— Не беспокойтесь! О нем будет доложено императору.

— В таком случае, я — заложник вашей порядочности?

— Я на службе и принимал присягу.

— Ваш род известен?

— Да, я графского звания.

— Хорошо, господин полковник, я буду говорить.

— Меня интересуют только факты. Генерал Левашев чересчур очарован вами, но я готов согласиться с ним, коли вы перестанете делать из тайны молитву.

Прозоров вызвал караульного и велел подать есаулу шинель и горячего чаю. Отхлебывая из железной кружки кипяток, есаул начал свой рассказ.

— Это странная история...— Анцимирисов сделал паузу, освежая в памяти события годичной давности.— В то утро я зашел в помещение таганрогского

карантина, к знакомому лекарю, что обучал меня, из любви к искусству, своему ремеслу. Лекаря на месте не оказалось, и я хотел было уйти восвояси,— но тут появился доктор — из тех, что занимались покойным императором. Он принял меня за одного из карантинных фельдшеров и приказал следовать за ним в дом градоначальника.

Прозоров внимательно слушал, не упуская из виду малозначимых, на первый взгляд, деталей.

— По какому случаю зашли вы к лекарю?

— У меня разболелась старая рана.

— Вы воевали?

— Да. В отряде графа Милорадовича.

— А точнее?

— В четвертом пехотном полку генерал-лейтенанта Остерман-Толстого.

— Положим, вы правы. Но в справке о вас сказано «в сражениях не был».

— Я воевал партизаном. Об этом знает бывший адъютант Толстого, барон Остен-Сакен.

— Сей генерал теперь далеко от Петербурга: воюет с персами в Нахичевани. Впрочем, это не суть важно. Продолжайте.

— После бальзамирования в офицерской казарме была пирушка. Фармаковский — тот доктор, что принял меня за фельдшера — хватил лишнего и проболтался, что первоначально, при вскрытии, печень императора была не та, что при бальзамировании. Получалось, что в этот промежуток времени кто-то поменял органы? Нет, подумал я, легче было поменять сосуды. Ночью я проник во дворец и стал искать... Так и есть — в двух разных местах подвала я нашел серебряные кубки. Прихватив их, я поспешил к лекарю, о котором рассказывал давеча. Исследовав содержимое сосудов, лекарь признал в одном из них наличие отравленной печени. Он не смог определить яд... Но ведь в посмертном акте докторов об этом нет ни слова! Когда поднялся шум и на ноги была поставлена вся полиция, я так же скрытно вернул один из сосудов на место. А второй — «истинный» — оставил на хранение у лекаря. Я заклинал его сохранить кубок и поспешил в Петербург, но меня схватили...

— И все же вы бежали!

— Бежал. Но судьба улики мне неизвестна. Я собирался воспользоваться ею только в случае открытого суда, назначенного лично его величеством.

— «Открытого суда»? — Прозоров недоумевал: в уме ли этот человек! — Вы полагаете, что император способен предпочесть спокойствию России сомнительные показания? Напрасно.

— Я полагаю, что правда стоит того!

— Согласитесь, Яков Семенович, что все это похоже на искусную мистификацию.

— Вы не верите мне?! — Анцимирисов в отчаянии схватился за голову.

— Помилуйте! — развел руками Прозоров.— Кто ж вам поверит, когда под актом анатомического освидетельствования стоят подписи тайных и статских советников! Верно, доктора не назвали причиной смерти императора отравление. Пусть даже случайное. Но они ясно указали, что болезнью была поражена первоначально печень.

— Подмена была совершена знающим человеком! — продолжал настаивать на своем есаул.

— Допустим. Но всему миру известно именно это и ничто другое. А вы хотите одним признанием смутить миллионы людей!

— Я не думал об этом. Я жил подозрениями...

— Вы отчаянный человек, Яков Семенович. Да, кстати... Давеча вы обмолвились, что знакомы с бароном Сакеном.

— Мы узнали друг друга в деле.

— Отлично! Сказывают, барон азартный картежник. Так ли это?

— Мы больше общались на богословские темы.

— Неужели! Выходит, барон состоял в Библейском обществе не галочки ради? Вы часом не были членом одного из Библейских кружков?

— Был. В молодости я примыкал к священству и строил собор в Екатеринодаре.

— Интереснейшая вы личность, есаул! Кабы не срочные дела, я с удовольствием познакомился бы с вами поближе. Жизнь ваша, судя по всему, была полна приключений.

Есаул вскинул голову. Полковник обладал недюжинной волей, но и он поддался мистической силе, исходившей от Анцимирисова. — Даст Бог, свидимся,— глухо произнес казак, и Прозоров почему-то поверил, что так оно и будет.

— Может быть, вы и пророк, Яков Семенович,— не рискнул усомниться в словах есаула Прозоров,— но

теперешняя ваша участь трагична. А посему не усугубляйте свою судьбу новыми домыслами.

Лондон, 17 ноября 1826 г.

Следуя из Илфорда в столицу, Уилсон попросил возницу не гнать лошадей. Он хотел основательно обдумать предстоящий разговор с министром иностранных дел. Уилсон был незаменимым для Каннинга советником в политике, проводимой Англией в отношении России. Министр понимал, что если из запутанного клубка политических интриг вычленить неофициальные контакты членов Кабинета и сотен других министерских чиновников — с множеством частных лиц, «играющих на политику»,— от этого клубка остался бы один хилый каркас, способный в любую минуту развалиться.

В доме министра царил тот беспорядок, что присущ обычно человеку, сознающему тяжесть своей болезни и неотвратимое приближение рокового дня. Всюду в рабочем кабинете стояли пузырьки с лекарствами, лежали пилюли.

И все-таки Каннинг встретил Уилсона во фраке, из нагрудного кармана которого торчал кончик белоснежного платка, источавшего нежнейший аромат духов «от Бертрана».

— Сэр, как я рад нашей встрече! — Уилсон склонил перед министром голову и горячо пожал протянутую ему руку. Она была вяла и холодна.— Как врач, я должен был навестить вас много раньше... Виноват!

Каннинг был, как всегда, великодушен:

— О, Фрэнсис, не корите себя понапрасну. Доктора мне уже не помощники. Даже такие светила медицины, как Дженнинг и Коллуэй, не гарантируют мне жизнь более чем на месяц вперед. А потому, доктор, не будем тратить время попусту! Хотите сигары, кофе?

— Благодарю, сэр! Жизнь в России едва не отучила меня от старых, добрых привычек...

— Неужели! Разве русская императрица не пьет кофе? — лукавая усмешка скользнула по губам министра.

— Видите ли, сэр, когда я присутствовал на синклите докторов, то кофе не подавалось, в иных обстоятельствах у меня просто не было времени на такие пустяки.

Каннинг засмеялся и с чувством похлопал друга по плечу, по-достоинству оценив юмор доктора.

— Думаю, Фрэнсис, теперь вы с лихвой вознаградите себя за вынужденное воздержание. Скажите же, наконец, неужели никто из придворных Марии Федоровны не догадывался, что Павел — рогоносец? Дворцовые тайны так недолговечны!

Уилсон пожал плечами.

— Как это ни странно, но самым проницательным в царской семье был покойный император. Очевидно, это наследственное... В четырнадцать лет, когда юный Александр понял, что заговор против его отца необратим, он решил, что лучше «благословить» переворот, чем встать в оппозицию. Спустя двадцать лет он так же верно угадал, что партия Аракчеева сильней прожектеров, ставящих на конституцию. К сожалению, он не понял одного: Англия ради сохранения дружественных связей с Россией не поступится своими глобальными интересами.

Каннинг еще раз похлопал доктора по плечу.

— Вы правы, Фрэнсис! Присядем... Здесь, в моей тихой домашней обители, я все меньше и меньше двигаюсь. Но это вовсе не значит, что политика королевства замедлила свой ход. Напротив, она убыстряет события в мире! Вспомните: покуда Россию озабочивала роль «сторожевого пса» Европы, Англия ускоренными темпами плавила чугун и наращивала добычу угля. Последнего мы сегодня получаем на три четверти больше остального мира! Не скрою, Фрэнсис, я завидую здоровью короля. Природа несправедлива ко мне. Ведь впереди столько дел...

— Сэр, вы еще послужите отечеству! — успокоил Каннинга Уилсон.

— Спасибо, Фрэнсис, но я уже не в том возрасте, чтобы питать иллюзии. Король... один король мог бы продлить мою жизнь, но он — горой за Священный Союз.

Каннинг откинул голову на высокую спинку кресла, обтянутого крокодиловой кожей. Его бледные веки подергивались. Одутловатые руки министра слабо сжимали подлокотники.

Уилсон глубоко сочувствовал Каннингу, чья политика служила английским буржуа, не желавшим терять ни единого куска от существующей колониальной империи. По мнению Каннинга, король Георг IV не

понимал, что потакание полицейским устремлениям Священного Союза лишь усиливает политическую монополию России на европейском континенте.

Министр взял в рот пилюлю и приложился губами к хрустальному бокалу с водой. Сделав последний глоток, он сказал:

— Видите ли, Фрэнсис... Мы совершили ошибку, подписав в марте Петербургский протокол. Прошло почти восемь месяцев с того дня, и вот Россия предъявляет султану ультиматум! Каюсь, я пошел на поводу у Веллингтона, но вы-то знаете, что за спиной герцога стоял наш «умнейший» король. Веллингтон уверял меня, что этот протокол вправит Греции мозги: там наконец поймут, что не одна Россия — гарант ее независимости. Однако Нессельроде перехитрил герцога. Султан испугался и полагает, будто бы мы бросим его на произвол судьбы в случае кризиса и выступим против него совместно с «северным медведем».

— Простите, сэр, но ведь так оно и будет! — Уилсон не щадил самолюбия Каннинга.

— К сожалению, вы правы, Фрэнсис. Но об этом знают немногие. Что делать! Николай прямолинеен, как штык, и в его политике все больше слышится ультиматумов, чем согласия на диалог. Анкерманская конвенция — ярчайший тому пример. Турки слабы, а корабли королевства не способны воевать на суше. Мы рекомендовали Махмуду принять русский ультиматум и в то же время настоятельно советуем ему реорганизовать армию. Похоже, Веллингтон начинает понимать, что роль миротворца не всегда оправданна.

Уилсон сомнительно покачал головой.

— Если султан начнет воевать против России, он проиграет.

— Откровенно говоря, я тоже не верю в силы султана. Но и не вижу, как можно остановить его от самоубийственного шага. Махмуд не желает понять, что если Россия одолеет турок, то Николай получит преимущества на Балканах, и проливы станут свободны для выхода русских кораблей в Средиземное море, чего они лишены до сих пор. Вы согласны со мной? — спросил Каннинг, заметив, что доктор глубоко задумался.

— Сэр, я полностью на вашей стороне! Более того, мне пришла на ум интереснейшая идея. Я чувствую себя вновь на коне. Кажется, сэр, мы упустили из виду

одну женщину. А женщина может сделать то, чего не под силу целой армии! Особенно если это императрица...

Что-то вроде румянца появилось на бледных щеках Каннинга.

— Я вас понял, Фрэнсис. Но так ли уж велика ее власть, чтобы внушить сыну нечто против его убеждений?

— Вы забыли, сэр, о тайне, перед которой не устоят никакие бастионы! К тому же есть еще одно обстоятельство, в котором был замешан наш общий друг...

— Мы рискуем потерять одного из важнейших агентов в России! — Каннинг не фарисействовал. С годами он научился ценить преданных ему людей.

Уилсон потупил взор и надул губы, полагая, очевидно, что судьба отдельной личности ни в коей мере несопоставима с судьбой отечества.

— Не обижайтесь, старина! — умиротворенным тоном сказал министр.— Вы и впрямь в форме. Не так уж много среди моих друзей людей, которые не держали бы нос по ветру. Я согласен с вашим предложением. Посмотрим, прав ли был великий Шекспир, когда говорил: «Ведь в женщине любовь и страх равны... Где много страха, много и любви».

Царское Село, 20 ноября 1826 г.

После неожиданной аудиенции у императрицы Мэквилл послал срочную депешу в Лондон. Он ждал ответа, еще не зная, что Уилсон решил запустить его в более опасную игру, чем та, в которой доктор принял участие год назад.

Между тем полковник Прозоров готовился к отъезду в Таганрог. Алексей Дмитриевич не любил поспешать в серьезных делах, но на этот раз он изменил своей привычке. Прозоров понимал, что каждый день промедления чреват упущенными возможностями, ибо не исключал, что сведения о его миссии могут выйти из недр Главного штаба.

Покамест у полковника сложилось мнение, что казачий есаул стал случайным свидетелем подмены сосуда, однако он не исключал мистификации со стороны Анцимирисова, хотя она была для него равнозначна самоубийству. Непонятным оставался для Прозорова и факт доносительства. Что это? Отчаянный поступок или тайный ход гениального игрока?

Перед тем как покинуть Петербург, полковник внимательнейшим образом изучил документы о «Вояже их Императорских Величеств в Таганрог». Дело это было еще не закончено, и кое-какие бумаги продолжали поступать в канцелярию Главного штаба. Неожиданно для себя Прозоров открыл в них много такого, о чем вовсе не подозревал.

На пути из столицы в Таганрог полковника сопровождал один из правительственных курьеров, возивший в прошлом году почту для Александра I из Петербурга в Крым. Поручик Годефруа был веселым малым двадцати с небольшим лет от роду. Он прекрасно стрелял с обеих рук, фехтовал как заправский дуэлянт и мог без риска для жизни выпрыгнуть из кареты на полном ходу.

...В тот час, когда крытая бричка, в которой сидели Прозоров и Годефруа, миновала петербургскую заставу, в Царском Селе произошло событие, определившее дальнейшую судьбу опального есаула.

Несмотря на появление нежданного свидетеля «таганрогской интриги», Мария Федоровна продолжала верить, что все фигуры на ее стороне. Может быть, подсознательно, но с тех пор, как Николай встал на престол, Мария Федоровна стала относиться к нему со все большим предубеждением. В его основе было очевидное понимание того, что Николай не считал нужным прислушиваться к мнению матери, как это бывало с Александром. Ни для кого при дворе не являлось секретом, что Мария Федоровна болезненно властолюбива. Может быть, это было своеобразной компенсацией за отца, Фридриха-Евгения? Отпрыск древнего прусского рода, он так и не занял при жизни подобающего ему положения. Лишь под старость ему был присвоен титул герцога Вюртембергского...

У каждого из нас есть тайна, которую мы унесем нераскрытой в могилу. Что касается некоторых счастливчиков, избавленных от столь тяжелой ноши, то, бесспорно, они заслужили райскую жизнь на небесах. Вместе с тем они никогда не испытают чувства раскаяния, которое одно и может по-настоящему облагородить душу. В этом смысле Марии Федоровне было в чем каяться. Жизнь императрицы неуклонно близилась к концу, и с каждым последующим днем ее все больше снедала мысль: знает ли Николай о греховной связи между нею и Уилсоном?

После смерти Александра Мария Федоровна редко наведывалась в Петербург, предпочитая столице загородные дворцы. Это обстоятельство не могло обмануть Николая. Он знал, что мать в курсе всех дворцовых интриг, в курсе того, что творится за стенами Сената и Госсовета, в кружках столичной аристократии. Это раздражало его тем более, что из Варшавы столь же пристально за ним наблюдал Константин... Как ни ряди, а выходило, что «вице-король» Польши «подарил» брату престол.

С такими мыслями Николай вошел в покои императрицы. В комнате пахло настоями лекарственных трав, какими-то благовонными жидкостями, которыми прислуга только что опрыскала шелковые занавеси на окнах императорской спальни.

Николай нагнул голову, приветствуя мать еще с порога, и тут же увидел свое отражение в огромном — от пола до потолка — зеркале: черные голенища высоких сапог, мощные ляжки, обтянутые белыми рейтузами, мундир, распираемый сильной грудью...

Николай приблизился к высокой деревянной кровати, неловко согнулся в поясе, придерживая левой рукой палаш, поцеловал мать в дряблую щеку и присел на краешек стоящего подле стула.

— Вы нездоровы? — Он сочувственно посмотрел в глаза императрице.

Мария Федоровна выглядела не столько больной, сколько уставшей — от непомерных душевных тягот, переживаемых ею в течение последнего года.

— Пустяки,— она высвободила из-под пухового одеяла старческую руку, усыпанную пигментными пятнами.

Николай вдруг задумался о бренности всего сущего на земле... Он очнулся, когда Мария Федоровна заканчивала фразу:

— ...и мои нервы. Вокруг смерти Саши все еще столько сплетен, пересудов! Вы, верно, слышали о таковых? — императрица хотела показать себя наивной простушкой.

— Мне порядком надоели россказни о «таганрогских приключениях»! Год как брата нет, а существует тьма охотников вызволить его дух с того света. Ужели я не милостив к врагам престола! — с пафосом воскликнул Николай и стукнул ножнами об пол.— Можно ли огульно прощать всех и вся! Невежды полагают,

что монарх чересчур строг к бунтовщикам... Другие, напротив, взывают к отмщению. И те и другие считают, что ради «высших интересов» можно нарушить закон. Для попрания устоев империи бунтовщики пошли на крайние меры... Они создали законоуложение, по которому всю нашу семью, включая младенцев, ожидала гильотина!

— Да, это ужасно! — Императрица тяжело вздохнула и покачала головой.— Тем более немыслимы эти слухи... Сказывают, что какой-то казак досаждает вам небылицами о Саше. Вы не хотели тревожить меня по пустякам? — схитрила Мария Федоровна.

— Сей человек в крепости, идет следствие,— сухо ответил Николай.

— Не подумайте, право, что мне интересен какой-то бродяга! Однако не произрастет ли из его доноса зловредный плод?

— Сейчас многие страдают избытком воображения,— Николай не хотел углубляться в суть дела, но Мария Федоровна ухватилась за последнюю фразу:

— Так ли уж это безобидно? Не подумайте, что я хочу наказать безвинного... но не увлечет ли казака воображение в еще более нелепые стихии? Стоит, право, показать его докторам!

Николая тяготил этот разговор. Он искал случая покинуть покои матери. Услышав про докторов, поспешно согласился:

— Хорошо! Я отдам приказание коменданту крепости...

— Уж коли вы решили последовать моему совету, то было бы полезно включить в состав комиссии Мэквилла. У него отличная репутация по нервам. В прошлом месяце он излечил меня от сильнейшей меланхолии.

Императрица нервно комкала край пододеяльника. Ее блеклые, но все еще волевые глаза выжидательно смотрели на сына.

Николай встал, слегка наклонил голову и отрывисто бросил:

— Быть по-вашему!

Таганрог, 25 ноября 1826 г.

До Бахмута путники ехали без каких-либо приключений. Прозоров выбрал тот же маршрут, каким в прошлом году путешествовала на юг императорская чета.

Годефруа оказался развеселым малым. Он болтал почти без умолку, и это было единственным развлечением для обоих офицеров в столь дальней дороге.

...В Бахмуте Прозоров и Годефруа простояли около трех часов. Когда наконец лошади были готовы и оставалось только сесть в карету, над головой полковника просвистела пуля... В тот же миг поручик повалил Прозорова на землю, накрыв его своим телом. Вслед за тем раздался второй выстрел. Послышался звон разбитого стекла: пуля попала в окно кареты. Лошади взбрыкнули, рванулись вперед, но опытный возница осадил их и поставил карету так, чтобы она заслонила наших героев от повторного покушения. Однако новых выстрелов не последовало.

Оправившись от первого шока, Прозоров поднялся с земли, отряхнул пыль с мундира и молча пожал поручику руку.

— Едем! — скомандовал полковник, и карета помчала в сторону Таганрога, а за ближайшим холмом все еще клубился дым от ружейного выстрела.

Совершив героический поступок, Годефруа был тем не менее явно смущен:

— Господин полковник, я обошелся с вами неловко...

— Будет вам, поручик! Теперь я знаю, что вы умеете не только рассказывать смешные анекдоты. Как думаете: это был случайный выстрел?

— Господин полковник, я приставлен к вам отнюдь не для развлечений! Этого покушения следовало ожидать.

— Хм, значит, вам приказано не спускать с меня глаз?

— Господин полковник, вы поняли меня не в том смысле. Моя цель — уберечь вас от всяческих покушений.

— Ого! — рассмеялся Прозоров.— С каких это пор моя жизнь стала чего-то стоить? В двенадцатом году за нее не давали и ломаного гроша. Вы, поручик, делаете блестящую карьеру!

— Вы преувеличиваете, господин полковник... Меткий глаз и твердая рука — вот все, чем я могу похвастать.

— Прибавьте сюда вашу порядочность. Если вы действительно никому не служите корыстно, пожалуй, я сделаю вам одно предложение...

— Клянусь честью, господин полковник!.. Я не держу против вас тайного умысла. Мне приказано одно: стеречь вашу жизнь.

— Кто же так позаботился о моей голове?

— Государь...

— Он говорил с вами лично?

— Нет, сей приказ передан мне командиром правительственных курьеров.

«Однако! — подумал Прозоров, вспоминая встречу с Николаем.— Император хочет знать «всю правду». Но потерпит ли его величество живых свидетелей, коли правда эта будет не та, каковую создал он своим воображением?»

В Таганроге «гости из Петербурга» остановились в расположении Атаманского казачьего полка, чему способствовала бумага, подписанная лично Дибичем. Начальник Главного штаба обязывал оказывать его полномочным представителям всяческое содействие.

Таганрогский градоначальник поначалу выказал неудовольствие вторжением в его апартаменты столичного полковника. Впрочем, вызвано это было не принципиальными соображениями, а обычной завистью провинциального служаки: Прозоров был не бог весть какого звания, но общался с высшими армейскими чинами, а может быть, и с самим императором. Все же градоначальник согласился на тщательный осмотр своего дворца.

Первым делом Прозоров решил допросить Фармаковского. Годефруа доставил доктора в точно назначенное время:

— Господин полковник, их благородие противились вашему приказу, но я очень настаивал...— Поручик широко осклабился, и Прозоров понял, что имел в виду Годефруа.

— Ничего, я думаю, доктор изменит отношение к личному посланнику императора, когда вспомнит, что за глупость он совершил, взяв с собой во дворец лжефельдшера!

Фармаковский был вне себя от страха.

— Я уже давал пояснения по сему предмету...— пролепетал он едва слышно.

— Те показания не в счет! И не пугайтесь, как мальчишка. От вас требуется сущий пустяк. В Петербурге доктор Доббернд сказал мне, что вы хорошо ориентируетесь в подвалах дворца...

Спустя полчаса Фармаковский повел столичных офицеров по лабиринту подземных помещений дома градоначальника. Возле одной из кладовых Фармаковский остановился.

— Это здесь,— он показал рукой на овальную дверь.

В полутемном помещении было почти пусто. Слева стоял большой шкаф из красного дерева, а справа, прислоненный к стене, портрет покойного императора.

— М-да...— обронил Прозоров, увидев картину.— Ну, и где же находился сосуд?

— В шкафу, господин полковник,— пояснил Фармаковский и открыл створки стоячего ящика. Внутри его были две пустые полки.

— Гм, но ведь шкаф был заперт на замок!

— Господин полковник, вы путаете... Шкаф не имел замка. Мы то и дело ходили сюда за льдом.

— Хорошо! Ступайте наверх и обстоятельно изложите на бумаге все, что вы только что мне сказали.

— Это — рапорт? — Фармаковский испугался, что вслед за написанием показаний последует его арест.

— Нет. Изложите, как обыкновенную записку. Скажем, другу.

Когда Фармаковский ушел, Прозоров еще раз внимательно осмотрел шкаф.

— Вот ведь какая незадача, поручик... Если Фармаковский и Доббернд вкупе с Анцимирисовым не врут, то наше путешествие на этом не закончится. Ступайте за мной!

Полковник продолжил исследовать подвал, внимательно осматривая каждое помещение.

— Знаете, поручик, я сделал ошибку, не попросив есаула набросать мне план подземелья.

— Господин полковник, проще было взять его с собой!

— Это исключено! «Дело» Анцимирисова идет своим чередом... Скажите, Годефруа, вам не случалось вместо комнаты жены попадать спросонья, скажем, в библиотеку?

— Господин полковник, у меня нет жены. Но вот с моим отцом однажды произошло нечто подобное. Как-то раз на учениях в департаменте Канталь — это было на закате Директории — мой папа познакомился с хорошенькой вдовушкой. Каково же было его удивление, когда, проснувшись с сигналом трубы, он увидел подле себя не вдовушку, а... ее дочь!

— Уж не эта ли девица — ваша матушка? — язвительно спросил полковник.

— Нет, нет! Моя мама строгого нрава.

— Сочувствую вашему отцу... Смотрите! Здесь — еще одна дверь... Она заперта. Поручик, ступайте к дворецкому и возьмите у него ключи.

Годефруа исполнил приказ Прозорова. Открыв наружный замок, полковник обнаружил в кладовой точно такой же шкаф, как и там, где, по словам Фармаковского, находился сосуд с внутренностями Александра. Шкаф был заперт. Полковник внимательно осмотрел пространство между его створками, провел пальцем по краям, где находился замок. Вслед за тем он вынул из ножен саблю, вставил в прорезь и нажал на нее. Дверцы распахнулись.

«Ну что ж, есаул, в одном вы меня убедили»,— подумал про себя Прозоров, осматривая пустое чрево шкафа.— С вашим папашей, Годефруа, все ясно. Он получил то, чего хотел, ибо, судя по всему, дочь вдовы была не более целомудренна, чем ее мать. Что касается нашего дела... Этот шкаф усложняет мою миссию. Вы, конечно, безбожник, как и ваш любвеобильный отец. Стало быть, не верите в привидения. Тогда скажите: каким путем некто проник из зала, где происходило вскрытие императора, в подвал, коли попасть сюда можно только с улицы? Дело в том, поручик, что подмена сосуда произошла между семью и восемью часами пополудни. Именно столько времени сосуд с внутренностями императора находился в подвале в ожидании комиссии, составившей заключение о смерти. Даю вам сутки на размышление! Если наши мнения совпадут, то тогда мы одержим пусть маленькую, но первую победу.

— Осмелюсь спросить, господин полковник, над кем?

— О, поручик! Вы слишком многого хотите. Боюсь, до возвращения в Петербург я не смогу ответить вам на этот вопрос.

Екатеринодар, 13 декабря 1826 г.

Назначив Мэквилла членом консилиума для освидетельствования Анцимирисова, император поставил его выше штатных докторов Петропавловской крепости. Представ перед консилиумом, есаул продолжал

твердить о заговоре, своем дворянском достоинстве, каких-то землях, будто бы подаренных ему лично Александром I, и договорился до того, что он-де происходит от греческих князей и имеет чин генерал-лейтенанта... Многие из вышеназванных заявлений были сделаны им при священнике, то есть выше клятвы быть уже не могло. Посему даже самые осторожные из врачей поддержали диагноз Мэквилла: казак не в своем уме и потому его показания не стоят выеденного яйца.

Все, начиная с Дибича и кончая императрицей, были довольны таким исходом. Николай принял вывод медиков спокойно, не упуская, однако, из виду последнего разговора с матерью. Тем не менее он приказал ни дня более не держать арестанта в крепости и отправить его по месту прежнего жительства, чтобы снять там допрос о беспорядках в Черноморском казачьем войске. Сопровождать есаула на пути из Петербурга в Екатеринодар было поручено командиру царских курьеров подполковнику Васильеву.

В начале декабря Васильев прибыл к месту назначения и сдал Анцимирисова под расписку одному из флигель-адъютантов императора, полковнику Строганову. Граф должен был совершить вместе с есаулом поездку по казачьим станицам. Его намерению не суждено было осуществиться. Есаул бежал...

Через неделю усиленный наряд полиции нашел беглеца в станице Минской.

Прозоров раскладывал пасьянс. Полковник не любил обдумывать предстоящие дела праздно. Карты помогали сосредоточиться. «Его величество прав в своих подозрениях,— размышлял полковник, вынимая из колоды трефового валета.— Вопрос в том, кто изготовил второй кубок? Есаул — пешка, случайно оказавшаяся на королевском фланге. Несчастный! Похоже, сия история обойдется ему недешево. И все же, что скрывается за подменой сосудов? Годефруа молодец! Узнал, как попасть в подвал, минуя охрану... Остается выяснить, кто это сделал. Сосуд подменили, не успев или не сумев тотчас унести «негодный» из дворца. Если показания Анцимирисова верны, то получается, что доктора составили акт о смерти императора на основании подложных органов! Фармаковский понял это, но промолчал. И если бы не угрозы есаула...

Николаю не откажешь в чутье. Итак, кто?» Прозоров поименно перебрал в уме всех, кто присутствовал во время вскрытия и бальзамирования Александра. Он уже допросил по отдельности всех членов охраны, стоявшей в те дни на карауле при дворце градоначальника. Не забыл он и священников, читавших псалмы... Нет, никто из них не годился на роль злоумышленника.

Полковник бросил валета на стол, сдвинул груду карт на сторону, освобождая место для листа чистой бумаги, взял перо и обмакнул его в чернила... «Итак, остаются доктора и генерал-лейтенант Чернышев. Унтер-офицер из свиты покойного в преступники не годится: этот был предан императору как никто. Кажется, ему принадлежала идея использовать для сопровождения императорского кортежа воздушный шар? Кстати, уже не первая попытка такого рода. Помнится, кто-то из немцев убеждал Александра, что с Наполеоном можно покончить одним махом. Стоит только забросать с воздушного шара бомбами позиции неприятеля... Доктора? — Прозоров начал выводить на бумаге одну фамилию за другой: Доббернд, Рейнгольд, Мэквилл, Стофреген, Виллие...— Боже, сколько в императорском штате иностранцев! А что удивляться, когда «теневой королевой» России является немка. Дибич, Бенкендорф...» — по аналогии с врачами Прозоров начал подсчитывать немцев из Главного штаба. Сбившись со счета, он подытожил: «Недурное наследство оставил после себя Павел!»

Не найдя среди докторов особо подозрительного, Прозоров в отчаянии уронил голову на руки. В этот момент в комнату влетел запыхавшийся поручик:

— Господин полковник, Анцимирисов закован в ножные кандалы и отправлен в ростовскую крепость Святого Димитрия! После неудавшегося побега.

— Есаул?! Откуда вы об этом узнали?

— Из Екатеринодара возвращается подполковник Васильев. Он сопровождал есаула из Петербурга. Мы встретились с ним в полиции, случайно.

Сообщение поручика озадачило Прозорова. Некоторое время он бесцельно ходил по комнате, потом схватил со стола бумагу с фамилиями докторов и бросил ее в печь.

— Вот так сюрприз! — наконец сказал полковник.— Это меняет мои планы... Вы нашли фельдшера Траубе?

— Да, господин полковник. Он подтвердил, что захоронил Маскова близ Орехова. Четвертого ноября прошедшего года.

— Ага, значит, сам Александр был свидетелем гибели лейтенанта! Тем не менее слухи о подмене тела царя умершим за две недели до него Масковым упорно ходят по России. Вы что-нибудь понимаете в этом, поручик?

— Обыкновенная ложь, господин полковник.

— Видимо, так. Кому-то выгодно, чтобы слухи о смерти императора были самые фантастические. Сплетники утверждают даже, что он вовсе не умирал... Махнул за границу! Какой вздор! Едемте в Ростов. Я начинаю сомневаться в побеге есаула.

Анцимирисов выглядел на этот раз совсем не тем героем, каким был в Петропавловской крепости. Он нервно покусывал и без того кровоточившие губы. Как только Анцимирисов остался наедине с Прозоровым, он выпалил:

— Я не убегал, господин полковник! Меня украли...

Внутренне Прозоров ликовал: его предчувствие было верным. Но внешне он держал себя абсолютно спокойно.

— Скажу вам сразу, сударь, в любом случае я не смогу повлиять на вашу дальнейшую участь. Кто-то здорово навредил вам. Государь не хочет более внимать вашим показаниям и распорядился предать вас строжайшему военному суду. Однако честным признанием о случившемся вы могли бы помочь мне.

Анцимирисов закрыл лицо руками.

— Они меня пытали и пугали убийством... Пришли два казака... Один из них как две капли воды был похож на того, что обычно водил меня на допрос к графу Строганову. Я доверился... Когда подали карету, я подумал, что едем в станицы... Но за воротами крепости мне набросили на голову мешок. Куда повезли — не знаю. Били... ни еды, ни питья — только спрашивали, спрашивали, спрашивали...

— О чем?

— Зачем я прибыл в Таганрог.

— И что вы им отвечали?

— А что я мог! Вы не посвятили меня в свои планы.

— Резонно. Вам знакомы голоса пытателей?

— Нет. Один из них говорил с акцентом...
Прозоров встрепенулся.
— Немец, француз, англичанин?
— Нет, это был не европеец.
— Стало быть, китаец! — съехидничал полковник.
— Мусульманин. Он поминал аллаха.
Прозоров был обескуражен.
— Вот те раз!.. Значит, мусульманин? — в голосе его слышалось разочарование.— Ладно, коли так. А как он разговаривал?
— Тихо. Вкрадчиво до тошноты,— есаул приложил руку к разбитым губам.
— Оно и видно,— Прозоров сочувственно покачал головой.— Вы, Яков Семенович, молчали, потому как знать не могли, зачем я прибыл сюда из Петербурга. Но кто-то об этом знал! И решил припугнуть. Не вас. Меня!
Состояние есаула было, очевидно, тяжелым, но, несмотря на это, полковник задал ему последний вопрос:
— Вспомните, есаул... Что еще интересовало этих людей?
Анцимирисов зажмурил глаза. Из уха в ухо голову пронзала колющая боль. Обрывки сцен, пережитых им в плену, никак не могли сложиться в целую картину. Ему вспомнились удары в лицо, почему-то сочетавшиеся с гулом далекого колокола. И — сплошная тьма в глазах...
Полковник было отчаялся получить ответ, как вдруг есаул заговорил.
— Они спрашивали, каким образом я выкрал сосуд... куда дел его потом...
— Вы признались?
— Нет, я потерял сознание.
Прозоров был удовлетворен.
— Надеюсь, ваш организм справится... Помнится, вы предрекали нашу встречу. Сегодня это пророчество сбылось. Я начинаю верить в дьявола. Да храни вас Бог, Анцимирисов!

Чуфут-Кале, 21 декабря 1826 г.

Который день кряду Прозорова не покидала тревога. Сомнений не было: невидимый противник преследует его по пятам. К тому же вскрылось важное обсто-

ятельство. Лекарь, которого Анцимирисов ознакомил с содержимым серебряных сосудов, перед самым прибытием Прозорова и Годефруа в Таганрог найден в своей квартире мертвым. Исчез один из главных свидетелей таганрогской интриги.

Теперь в руках полковника была лишь косвенная информация. В полицейском участке Таганрога ему показали списки умерших с 19 по 21 ноября прошлого года. По преимуществу это были старики, скончавшиеся по вполне естественным причинам. Однако среди покойных нашелся один, содержавшийся перед смертью в городском карантине. Казак находился в расцвете лет и прибыл в Таганрог из Персии, где нелегально гостил у родственников. По всем признакам, он заразился там то ли холерой, то ли желтухой.

Оставив до возвращения в Петербург кое-какие вопросы, связанные с посмертными признаками этих болезней, Прозоров получил разрешение таганрогского исправника на эксгумацию трупа. Доверив это щекотливое дело главному медицинскому чиновнику Таганрогского карантина Лакиеру, полковник поспешил в Крым, взяв с озадаченного доктора письменное обязательство держать результаты эксгумации в тайне до востребования их лично Прозоровым.

Дувший с моря сильный ветер раскачивал карету, как утлую лодчонку. Поручик дремал, упираясь грудью об эфес сабли, и время от времени вскидывал голову от дорожных толчков. Полковник бодрствовал. Поглядев на часы, он окликнул поручика:

— Годефруа, проснитесь! Скоро будем на месте. Что ни говорите, а преодолеть четыреста верст за пять дней — недурно!

— Вы правы, господин полковник,— согласился поручик, стряхивая с себя дрему.— Но сколько несчастных животных мы загнали за это время!

— Иногда приходится жертвовать даже людьми,— с сожалением заметил полковник.

— Это ужасно! — Годефруа почему-то вспомнил Анцимирисова.— Не знаю, господин полковник, что хорошего может ждать нас в этой дыре?

— Видите ли, поручик, самые интересные события, как правило, происходят вовсе не там, где их ищут. Сказать по правде, я плохо знаю здешние края. Однако перед отъездом из столицы мне пришлось изрядно

потрудиться... Теперь даже во сне мне видятся окрестности Бахчисарая и Симферополя.

— В таком случае, господин полковник, почему бы мне не задать вам урок? Интересно, где был императорский кортеж в последних числах прошлого октября?

Прозоров принял вызов.

— Это совсем не сложно, поручик. Берите начальные буквы маршрутных становищ и складывайте из них слово... Так легче запоминается. Например, «кадюп». Это значит, что с 31 октября до 1 ноября император побывал в Контунгане, Айбаре, Дюрмене, Южуне и Перекопе. А теперь поговорим о серьезном... Из Таганрога государь отбыл двадцатого октября 1825 года. Путешествие проходило превосходно! И вдруг — болезнь... Простуда, перешедшая в жестокую лихорадку. Так, по крайней мере, считает генерал Дибич. Но давайте, поручик, отмежуемся от официальной версии. Дибич утверждает, что до отбытия на юг император находился в отменном здравии. Затем, в течение сентября и почти всего октября, император ни на что не жаловался. Между прочим, 24 октября он перенес бурю с дождем, но ни чуточки не простудился. Будучи здоров, он замечает болезнь за другими. Например, в Крымском пехотном полку, смотр коего Александр Павлович произвел в Симферополе того же 24 числа. Император ездил верхом...

— Я помню этот день, господин полковник! — вступил в разговор поручик.— В ночь с 24 на 25 его величество вызвал меня к себе и вручил очередную почту в Петербург. Император работал до двух часов ночи, а утром, когда я запрягал лошадей, он как ни в чем не бывало отправился в Алупку.

— Верно, Годефруа! В тот день государь много ходил пешком, осматривая Никитский сад, а затем обедал в своем новом имении в Ореанде. Было чрезвычайно жарко, но он не чувствовал усталости...

Прозоров какое-то время молчал, оживляя в памяти страницы архивного документа.

— Да так оно и происходило! С 27 по 28 император в Балаклаве... Оттуда, верхом, он поехал осматривать Георгиевский монастырь. Был налегке — без бурки и шинели. День спустя его величество — в Севастополе. Там он посещает полковой лазарет, морское училище, присутствует на спуске нового корабля, завтракает

прямо на берегу, катается по гавани на катере, поднимается на борт корвета... Госпиталь, лазареты, укрепления — все это он осмотрел в течение одного дня. И был отменно здоров! Но вот далее... Тут, поручик, случилось нечто неожиданное. Император пожаловался на слабость в желудке. Заметьте: не на жар и озноб, а на «слабость в желудке»! И произошло это 30 октября здесь, в Чуфут-Кале.

— Господин полковник, эта крепость населена по преимуществу караимами. А знаете, я встречал отпрысков этого племени в Литве! Говорят, виновником переселения был князь Витовт. Я не силен в истории, но сами караимы ни за что не признаются, что Витовт пленил их и частью вывез в Литву.

— Да, поручик, в южных народах сильны отвага и гордость. Однако порой эти качества странным образом уживаются в них со страхом смерти... Я самолично видел, как красавцы-джигиты падали в обморок при виде крови. Своей крови! Чужую многие из них проливают ни за понюх табаку.

Прозоров выглянул из окна кареты.

— А вот и крепость! Что-то подарит нам сие убогое местечко?

Предчувствие полковника было не напрасным. Как только карета въехала в крепость, ее обступила толпа грязных и оборванных мальчишек, просивших милостыню. В суматохе кто-то из них подкинул внутрь экипажа записку... Годефруа выскочил на площадь и сделал попытку побежать вслед за оборванцами, но Прозоров успел его остановить:

— Полно, поручик! Даже если вы его найдете, он ничего не скажет.

Развернув сложенный вчетверо клочок бумаги, полковник прочитал: «Бредовые показания есаула уводят тебя от истины. Коли хочешь знать таковую, приходи в час заката к минарету».

— Наконец-то! — воскликнул Прозоров.— Я был прав: они следовали за мной по пятам от самого Петербурга. И выстрелы, и смерть свидетеля — это не случайно. Сегодня, поручик, я пойду на свидание один. И не думайте возражать! Они не любят свидетелей.

Около восьми часов пополудни полковник был возле мечети. Он не заметил, как от темной и глухой стены отделился человек в белом. Поравнявшись с Прозоровым, он сказал ему на ломаном русском

языке: «Ступай следом...» Они двинулись по узким и кривым улочкам, зажатым между глинобитными стенами, за которыми вырисовывались односкатные черепичные крыши караимских жилищ. Вот справа по ходу им навстречу вышел невысокий караимец в курточке и коротких штанах, перетянутых на поясе куском широкой ткани. Он вел за собой криворогого буйвола.

Проводник увлек полковника в пещеру, из которой они вышли на узкое горное плато. С него вниз, в глубокое ущелье, вела тропинка...

— Стой! — произнес караимец и скользнул в темноту.

Ночь обещала быть ясной и прохладной. Прозоров поежился: не столько от холода, сколько от ощущения полной своей незащищенности. При нем не было ни пистолета, ни сабли.

— Приветствую вас, полковник! — услышал Прозоров за спиной приятный и чистый голос. Повернувшись лицом к незнакомцу, Алексей Дмитриевич увидел, что вплотную к отвесной стене стоит мужчина в мусульманском облачении. Его лицо было полуприкрыто черным платком.— Надеюсь, благоразумие не оставит вас и на этот раз,— продолжал мусульманин.— Вы хороший сыщик, но верно ли идете по следу? Если и дальше фантазия будет руководить вами так опрометчиво, то, поверьте, могут пострадать невинные люди. А между тем, полковник, найти истинных злоумышленников совсем просто!

— Не понимаю... Потрудитесь изъясниться менее витиевато.

— Не спешите, полковник. Вы и так наделали массу глупостей!

Прозоров решил действовать энергично.

— Сударь! Я понимаю, мы здесь не одни. И все же выбирайте выражения. Надеюсь, вам известно, что такое честь?!

Мусульманин отделился от стены и приблизился к полковнику на расстояние вытянутой руки.

— Мне дорого все, что дорого и вам: честь, друзья, родина... Правда, последняя — по ту сторону границы.

— Так вы иностранец! — скорее с разочарованием, чем удовлетворенно, сказал Прозоров.

— Какое это имеет значение! Главное в другом. И вы, и я — всего лишь посредники между сильными мира сего. Разве вы не хотите покоя своему отечеству?

Если да, то таганрогская трагедия расследуется вами не с того конца.

Прозоров рассмеялся.

— О, да вы, кажется, прозорливее самого Аллаха!

— Не трогайте Бога, полковник! Я волен лишь предостеречь вас от дальнейших ошибок. Есаул глуп! Своей безумной самонадеянностью он ставит вас в дурацкое положение. Опасное положение!

— Так это ваши люди выкрали его из-под стражи в Екатеринодаре! — догадался Прозоров.— Коли так, я готов принять разъяснения. Но, согласитесь, я был бы слишком наивен, если бы посчитал, что ваши «советы» ничего не стоят.

— Вы правы, полковник. В наше время за все надо платить. Впрочем, от вас требуется сущий пустяк: оставьте Крым... Ищите преступника в другом месте!

Прозоров несказанно удивился. Если «преступник» действительно существует, что он, Прозоров, только подозревает, то почему мусульманин так настойчиво выпроваживает его «в Россию»?

— Назовите имя...— Прозоров все-таки клюнул на приманку.

В ответ послышался хитрый смешок.

— Это было бы просто для вас и бессмысленно для нас. Знай я убийцу, сведения о нем уже давно поступили бы к Николаю.

— Тогда о каком «откровении» речь? — не понял полковник.

— А вот о каком. В начале ноября истекшего года калужский купец Золотарев отправил инкогнито в Таганрог партию чая, который предназначался князю Волконскому... Сопоставьте дату прибытия товара с началом болезни покойного императора.

— Вы намекаете на отравление?

— Я говорю, что знаю.

— Странно! Однако от кого принял Волконский чай?

— Формально, от купца. Мне не ведомы все участники сей «эстафеты». Надеюсь, вы восполните этот пробел, полковник?!

Прозоров слушал мусульманина и сожалел, что не может посмотреть ему в глаза. Алексей Дмитриевич сознавал: перед ним опасный противник. И, судя по всему, самые неприятные злоключения ожидают его впереди.

Надеясь, что мусульманин хоть в чем-то проговорится, Прозоров продолжал разговор:

— Понимаю, сударь, что вам нет надобности открывать передо мной все тайны. Но вы могли бы, хоть отчасти, предупредить меня о возможных осложнениях.

Не тут-то было. Мусульманин не собирался раскрывать свои карты:

— Полковник, вы не так поняли меня. Я говорил не о вашей безопасности. Скорее своими необдуманными действиями вы пошатнете российский трон!

«Ого, куда занесло! — удивился Прозоров. В то же время он подумал, что, возможно, угроза мусульманина имеет под собой какую-то почву.— Их беспокоит, что волны поднятого мною «землетрясения» дойдут до Зимнего дворца!»

— Сударь, вы задали мне трудную задачу. Условия игры небезупречны и могут завести нас в тупик. Вам известно, как это называется в шахматах?

— Будет хуже, полковник, если вы получите мат!

— Да, вы уверены в своей позиции! В таком случае не проще ли убрать «офицера»?

— Не исключено. Но это — крайний ход...

— Прекратите блефовать! — Прозоров сорвался на крик.— Вам невыгодно вывести меня из игры, вот вы и комбинируете... К счастью, время вами упущено. Надо было признать меня таким же сумасшедшим, как это сделали с есаулом, но поздно. Не переоценивайте себя, сударь! Вы всего лишь исполнитель чужих команд. Я не знаю, что замыслили ваши друзья в Петербурге, но теперь мне совершенно ясно, что их роднит причастность к «великой тайне». Да, мы оба — заложники чужих секретов. Но, в отличие от вас, я не собираюсь стеречь ничьи тайны!

Мусульманин поцокал языком.

— Сожалею, полковник! Аллах милостив... Желаю вам вернуться в Петербург живым и здоровым. И поверьте, игра далеко не закончена. Не вам решать судьбу королей!

А этот момент из темноты возникла знакомая Прозорову фигура в белом и встала на краю обрыва. Мусульманин сделал шаг ей навстречу... Тут полковник услышал звук падающей монеты, которая покатилась по камням и ткнулась о носок его сапога. Как только незнакомцы скрылись в темном ущелье, Алек-

сей Дмитриевич нагнулся. Повернувшись лицом к восходящей луне, он посмотрел на монету и сунул ее в карман.

22 декабря 1826 г.

Вчера, поздно вечером, полковник едва заставил себя заснуть: события дня истощили его физически и духовно. Однако сегодня, чуть свет, Алексей Дмитриевич был уже на ногах. Он вошел на половину дома, занимаемую поручиком. Годефруа чистил пистолеты...

— Да вы серьезно решили драться? — пошутил Прозоров.

Годефруа дунул поочередно в оба ствола.

— Мне кажется, господин полковник, в воздухе запахло порохом.

Прозоров отрицательно покачал головой.

— Вряд ли. Эти господа вчера великодушно обещали мне быть живу-здорову до самого Петербурга. С чего бы это, поручик? Ну-ка, пошевелите мозгами...

— Господин полковник, я теряюсь в догадках. Похоже, нас пытаются уверить, будто моська сильнее слона?

— Все не так просто, Годефруа. Они убрали таганрогского лекаря, чтобы я не узнал, зачем была сделана подмена сосуда. Анцимирисов, по их мнению, не в счет: петербургские доктора назвали его сумасшедшим. Основная интрига в другом. Почему они хотят выжить нас из Чуфут-Кале? Помните, я рассказывал вам, что именно здесь император впервые ощутил боли? Днем позже, в Евпатории, рези в его желудке усилились. Он соотнес их со стаканом «прокисшего» барбарисового сока. В имении графа Завадовского государю показалось, что от тамошнего пруда исходит неприятный запах. Скорее всего, дурной дух исторгал его желудок. Наконец, первого ноября император посетил древнюю мечеть... Там его просквозило. Заметьте, поручик, начало лихорадки приближенные императора сочетали не с пребыванием в Чуфут-Кале, а с непогодой в окрестностях Евпатории! Но между этими событиями прошло трое суток! В дальнейшем болезнь усиливается. Император с пристрастием спрашивает лейб-медика Виллие, чем опасны крымские лихорадки. Этот диагноз государь поставил себе сам. В дальнейшем он кочует из донесения в донесение... Я уверен:

мы сделали случайный, но точный ход. Наши недруги не хотят предпринимать против нас что-либо серьезное. В противном случае они показали бы, что мы идем по верному следу. Отсюда — странная встреча на плато в расчете на мои слабые нервы. Так вот, поручик, сегодня вы понадобитесь мне в роли истинного телохранителя. И чтобы ни одна живая душа не выследила, куда мы пойдем!

Переодевшись в караимское платье, Прозоров три часа кряду колесил по извилистым улочкам старой крепости. Он расспрашивал десятки незнакомых ему людей о, казалось бы, совершенно невинных вещах. Наконец, утолив любопытство, Прозоров постучал в крепкие деревянные ворота...

Калитку открыл благообразного вида старичок. Шепнув ему на ухо пару слов, Прозоров шмыгнул внутрь двора.

— Мир дому твоему, Джани-ага!

— Проходи, мил человек, гостем будешь...

Полковник охватил взглядом чистый и большой двор, сад — теперь сухой и скучный. Внутри дома он увидел множество ковров, серебряные русские самовары, картины, книги... Движения старика были скупы, лицо — приветливо, без подобострастия. Он хлопнул руками — в комнате появилась женщина в чадре. Она поставила перед мужчинами чашки с чаем и вазу с фруктами.

Полковник решил не тратить времени зря.

— Говорят, вы угощали императора не одним чаем, Джани-ага?

Последовал новый хлопок, и на этот раз на столе появилась пузатая бутыль с вином, оправленная сухой виноградной лозой. Полковник пригубил темно-бордовую жидкость, не отрывая глаз от старика.

— Славное вино, Джани-ага! Император действительно пил его?

— Да, благородный...

— Он был у вас вместе с караимским головой?

— Ты все знаешь, зачем спрашиваешь?

— Вы правы, отец. Именно такого мудрого человека я и надеялся встретить в вашем лице.

— Без ума не сваришь доброго вина. Мое вино — лучшее в округе!

— Стало быть, покойный государь остался доволен?

— Очень доволен.

— Скажите, Джани-ага, император пил только вино, или это было лишь частью обеда с закусками и другими блюдами?

— Зачем «одно вино»! Он кушал... Хорошего был настроения. Шутил...

— Может быть, вспомните, как шутил?

— Почему не вспомнить... Император сказал, что Петр Великий ошибся, выстроив Петербург на болоте. Он не знал вкуса караимского вина, а то бы приказал соорудить свой град здесь, в Чуфут-Кале! — старик осклабился, но глаза его были настороже. Он понимал, что полковник ждет от него не святочных рассказов и тостов.

Прозоров еще раз пригубил вина и спросил:

— Какие кушанья подавались императору в тот день?

— Много кушаний...— Старик закатил глаза и начал загибать один за другим пальцы руки: — Суп из бараньих языков... соленые орешки, виноград... еще одно кушанье: по-русски — ватрушка. Слаще халвы!

— А кто готовил все эти яства?

Старик с грустью покачал головой.

— Я знал, что ты придешь ко мне. Плохой был сон... Опоздал, благородный... Умер Риза!

— Умер? Когда? — встрепенулся полковник.

— Да кто ж его знает, досточтимый... Поехал в село мать навестить — и умер.

«Они опять опередили меня!» — посетовал полковник, вспоминая вчерашнюю встречу на плато.— Джани-ага, вы, конечно, помните всех, кто был тогда вашим гостем? Не было ли среди них человека, помогавшего Ризе разносить кушанья?

— Э-э...— покачал старик головой, прощая неискушенному собеседнику незнание местных обычаев.— Гость должен сидеть тут! — он показал рукой на коврик рядом с собой.

Поблагодарив хозяина за угощение, Прозоров откланялся. Он был твердо уверен, что Джани-ага сказал все, что знал. Правда, полковник не исключал намеренного сокрытия стариком обстоятельств смерти Ризы. Однако это было уже не суть как важно.

Выйдя на пустынную улицу, Прозоров осмотрелся — никого вокруг. «Поручик, как всегда, на высоте!» — подумал он с удовлетворением и пошел от

гостеприимного дома. Он миновал саженей десять, не более, как услышал оклик... В боковом проходе, у неказистой, приземистой сакли стояла женщина, в облике которой он узнал служанку, подававшую ему чай и вино. Она взяла полковника за руку и увлекла за собой в неширокую нишу между глинобитными стенами.

— Господин! Я слышала твой разговор с беком... Все правда, но он не сказал тебе то, что видела я. На кухне был человек... Он проверял, как готовит Риза.

Служанка сделала попытку уйти, но Прозоров схватил ее за бурнус.

— Подожди! Ты знаешь, кто был этот человек?

— Мне надо спешить, господин...

— Понимаю, и все же скажи, ради Бога, кто он такой! Ведь он приходил к беку не один...

— Да. Хозяин показывал приезжему господину наш сад.

— Это был император, понимаешь?!

— Да, император. Когда хозяин показывал сад, тот человек говорил императору от другого человека... Не знаю, как это назвать.

— Слушай! Ты, верно, рассказываешь о садовнике, речь которого императору переводил этот человек? Это он был у Ризы?

— Да.

Полковник сунул в руку женщине серебряный рубль.

— Ступай... И никому ни слова!

Москва, 27 декабря 1826 г.

Делая в сутки по двести верст, Прозоров и Годефруа прибыли в Москву. Поручик чертовски устал и надеялся, что полковник даст хотя бы день отдыха. Надеждам его не суждено было сбыться.

— Годефруа, вы заслужили полноценный отпуск, но я приказываю вам ехать вперед меня в Петербург! Перед тем, как расстаться, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы знакомы с фельдъегерем Винером?

— Очень плохо, господин полковник. Он был введен в штат за несколько дней до отбытия их величеств в Таганрог.

— А что, среди других фельдъегерей не было таких, кто владел бы английским достаточно прилично?

— Отчего же, господин полковник! Трейман и Вильде — урожденные англичане. Дибич, насколько мне известно, выбрал вначале именно их. Однако почему-то в последний момент он отдал предпочтение Виннеру.

— Хорошо! А каким вы нашли Виннера после трагедии в Таганроге? Ведь вам приходилось вместе ездить курьерами.

— Нет, господин полковник. Вскоре после возвращения императорской свиты из Таганрога в Петербург Виннер был отозван в Министерство иностранных дел. Счастливчик! Поговаривают, что его ожидает там блестящая карьера.

Прозоров был удовлетворен ответами поручика.

— Вот что, Годефруа... Сразу по приезде в столицу займитесь Виннером. Не спускайте с него глаз. Я напишу Дибичу записку, чтобы он освободил вас от прочих обязанностей. Оберегайте Виннера, как зеницу ока. О происшедшем в Чуфут-Кале никому ни слова! Равно как и о том, чем занимались мы с вами в Таганроге.

Проводив поручика до Петровской заставы, полковник направился в Кремль...

Вникая в суть прошлогодних событий в Таганроге, Алексей Дмитриевич начинал осознавать, что смерть императора была следствием чьих-то злонамеренных действий. Пока что истоки их скрыты где-то за семью печатями.

С Филаретом Прозоров познакомился еще до смерти Александра. Блестящий богослов, ставший в тридцать с небольшим лет епископом, Филарет был почитаем как петербургским митрополитом Серафимом, так и самим монархом. Серафим не единожды признавался, что если синодальные документы уже просмотрел Филарет, то он, Серафим, мог подписывать их не глядя. И вдруг — донос! Молодой, но влиятельный в аристократических кругах Петербурга архимандрит Фотий преподавал закон божий во 2-м кадетском корпусе... За спиной графини Орловой-Чесменской и графа Аракчеева он плел интриги отнюдь не безобидного свойства. Задолго до секретного агента Грибовского Фотий предрекал «революционную анархию»...

Зная истинное положение в Гвардии, Прозоров не усомнился в правдивости Фотия. Но при чем здесь Филарет! Разбирая подноготную доноса, Алексей Дмитриевич не кривя душой докладывал Александру,

что «навет сей основан на личной неприязни, проистекающей из зависти архимандрита к отменному благочинию и высоким талантам преуспевающего епископа...». Спустя три года Филарет стал московским архиепископом и архимандритом Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Узнав о прибытии Прозорова, Филарет не заставил себя ждать. Сопровождавший его неотступно монах тотчас исчез, повинуясь взмаху руки митрополита. Прозоров приложился губами к длани владыки...

— Не ожидали, ваше преосвященство?.. Извините за неурочный час и неприличное платье.— Прозоров развел руками, сетуя на весьма потрепанный за долгую дорогу штатский мундир.

— Рад свиданию...— Филарет сел в митрополичье кресло.— Что привело вас в первопрестольный град?

— Ваше преосвященство, миссия моя деликатная. Я исполняю наказ государя... Однако не буду лукавить: домогался встречи с вами исключительно по своей воле. Это вызвано обстоятельствами неожиданными, определившимися в ходе проводимого мною расследования. Могу лишь клятвенно заверить вас: сие вызвано желанием установить истину.

Прозоров произнес свой монолог на одном дыхании, вложив в него как можно больше почтения к уважаемому архипастырю.

— Власть царя от Бога! — заученно произнес Филарет.— Что есть выше этой истины? — добавил он, проницательно глядя на полковника.— Неужто опять донос?

— Ваше преосвященство, я посвящаю этому делу весь пыл моей души и всю полноту ума! Его предыстория восходит к дням трагическим в Таганроге...

Филарет помрачнел. Быстрее, чем прежде, он стал перебирать пальцами янтарные четки.

— Ваше преосвященство, меня интересует тайна престолонаследия...— Прозоров рисковал, понимая, в какие глубины императорской политики вторгается.

Брови митрополита взметнулись над переносицей. Сорокачетырехлетний владыко был старше Прозорова всего на восемь лет. Но дистанция между ними была преогромной.

— В какой связи сия «тайна» с таганрогскими событиями?

— Я этого не утверждаю, ваше преосвященство.

Но косвенные обстоятельства... Сознаюсь, они наводят на подозрения. Ужасные подозрения! О Манифесте говорят разное. Число знакомых с ним лиц, очевидно, невелико. Но теперь, когда прошло уже четыре месяца после коронации нового императора, прежние секреты утрачивают силу! — настаивая на своем, Прозоров был уверен, что Филарет не забыл о прежней их встрече.

Филарет поднялся с высокого митрополичьего трона, обитого красным бархатом, и вышел в смежную комнату. Вскоре он вернулся с серебряным ларцом в руках, инкрустированным разной величины изумрудами. Филарет открыл ларец и вынул из него свиток.

— Запомните этот день, полковник! Когда б не смерть блаженного государя, сия бумага лежала бы до сих пор невостребованной. В ней нет особой тайны. Кроме той, что при живом Александре разглашать ее было неприлично.

Прозоров взял от митрополита свиток и раскрыл его. Это был Манифест от 16 августа 1823 года, которым Александр I утверждал право на престол за Николаем...

Между тем Филарет достал со дна ларца еще два документа: письмо великого князя Константина Павловича от 14 января 1822 года о добровольном отречении от наследственного права на трон, подкрепленное согласием Марии Федоровны, и ответ на него Александра — опять же со ссылкой на мать-императрицу. Ответ датирован 2 февраля 1822 года. То есть на все раздумья об окончательном решении хватило одного месяца.

«Однако почему для появления на свет Манифеста понадобилось полтора года? — размышлял Прозоров, читая бывшие еще недавно секретными документы.— Почему Николай присягнул Константину? Это произошло через неделю после смерти Александра... Выходит, он не был посвящен в тайну отречения и передачи ему престола в случае смерти старшего брата?»

Голова Прозорова была полна противоречивых мыслей.

— Ваше преосвященство, кто автор Манифеста? Писал ли его сам покойный государь?

— Первоначальный вариант составил Аракчеев. Я же подал мысль, что надобно сделать с него копии для Синода, Сената и Госсовета. Оригинал хранился здесь, в Успенском соборе.

— Но почему не обнародовали? Сей документ — важнейший для России!

Филарет опять нахмурил брови. Перебрав половину четок, он ответил:

— Вы хотите знать больше, чем знаю я сам. Поговаривали, что обер-прокурор Синода Голицын посетовал императору на неудобство оставлять Манифест без оглашения... Государь будто бы ответил: «Положимся в этом на Бога. Он устроит все лучше нас, смертных».

— Ваше преосвященство! Знал ли о Манифесте нынешний император? Если нет, почему?

— В тайну Манифеста были посвящены Аракчеев, Голицын, великие князья Михаил и Константин и я. Разумеется, и мать-императрица. Вы знаете, дети Константина были лишены права наследовать трон. Окажись он царем, будущее России было бы трудно предугадать...

— Ваше преосвященство, Александр Павлович «раздумывал» полтора года. За это время могло случиться всякое, и вполне неожиданно. Но император умер не до Манифеста, а после его написания,— голос Прозорова дрогнул. Полковник испугался собственных слов.

Филарет проницательно посмотрел в глаза собеседнику и не спеша возвратил докукменты в ларец.

— Плох тот император, что в суете каждодневной не думает о вечном. У покойного была тонкая душа. Сдается мне, царь предчувствовал свой роковой час... За шесть лет до печальных событий император имел конфиденциальный разговор с Константином. По-моему, это было на пути из Варшавы в Петербург. Александр Павлович тогда признался, что хочет отречься от престола. Слышал я, будто император говорил о том же с Николаем Павловичем... Да, это было в 1819 году.

— Вы слышали это лично от императора? — Прозоров забыл о чинопочитании.

— Нет, то были слова императрицы.

— Марии Федоровны?! — изумился Прозоров.

— Да. Братья часто общались через мать. От нее почти ничего не скрывалось.

— Ваше преосвященство, простите за дерзость... Не мать ли государыня подала мысль о составлении Манифеста?

Филарет сомкнул веки и прошептал молитву.
— Не пытайте из меня больше того, что я знаю.

Санкт-Петербург, 3 января 1827 г.

Конфронтация между Турцией и Египтом с одной стороны и Грецией и Россией с другой не ослабевала, несмотря на подписанные ранее Англией и Россией соглашения, ограждающие греков от посягательств турецкого султана.

В этой дипломатической круговерти вопросы глобальные смешались с частными судьбами, и личные антипатии великих мира сего фатальным образом влияли на дела государственные.

Николаем владели сомнения. Причиной их был доклад министра иностранных дел графа Нессельроде... К нему поступило прошение от Димитриоса Ипсиланти, младшего брата героя Отечественной войны, генерал-майора и бывшего адъютанта Александра I Александра Ипсиланти. В 1820 году Александр Ипсиланти уехал из России в Грецию и там возглавил тайную националистическую организацию «Феликс Гетерия», которая ставила своей целью освободить Грецию от турецкого владычества. Весной 1821 года Александр Ипсиланти поднял в Молдавии восстание против султана, но была разбит и бежал в Австрию, где местные власти, симпатизирующие туркам, арестовали его и посадили в тюрьму.

Николаю было жаль генерала, но гордыня... Пока что он не мог унизиться до того, чтобы ходатайствовать перед Меттернихом об облегчении положения пленника, ибо презирал австрийского канцлера за беспринципность. И все-таки вопрос этот надо было решать.

Приход Дибича отвлек императора от этих мыслей. Предстоял разговор об окончательной судьбе Анцимирисова. Привыкший рубить с плеча, начальник Главного штаба не изменил себе и на этот раз:

— Ваше величество, докладывать о сей персоне для меня противно! Одно упоминание его имени губительно действует на мое пищеварение. Давеча, через одного из генерал-адъютантов, я уже имел честь докладывать вам, что есаул бежал из Екатеринодара. Он пойман и примерно наказан...

Дибич не уточнил меру наказания, ибо император и без того знал, что такое «примерно».

После мрачных раздумий предшествующего часа известие Дибича император воспринял скорее с любопытством, чем с негодованием.

— Бежал? Куда? — Николай подошел к настенной карте Российской империи и скользнул рассеянным взглядом по бескрайним ее пространствам.

— Ваше величество, судя по всему, негодяй намеревался бежать к туркам.

— К султану?! — удивился Николай и вдруг захохотал.— Нет, генерал, это уже слишком... Желая потрафить моему настроению, ненависти к султану, ты превзошел самого себя. Ну, скажи на милость, зачем есаулу к туркам, коли в станице у него жена и четверо малых детей? Не ври! Я наперед тебя знаю, что он скрывался в слободе Минской, покуда там не был найден графом Строгановым. Экий странный тип! — воскликнул Николай совсем не зло.— Снится мне по ночам какая-то чертовщина... Кстати, простила ли тебе матушка умолчание о последних днях Саши? Разве ты знал нечто, что заставило тебя беречь ее нервы?

Николай был почти весел. Но Дибича не обманула эта напускная веселость. В словах императора он усмотрел затаенный подвох.

— Никоим образом, ваше величество! Если о чем я и умолчал, то не умышленно.

Николай верил и не верил генералу. События прошлого ноября в Таганроге навязчиво не давали ему покоя. Причиной тому были его сомнения в истинности смерти брата. Конечно, убеждал он себя, все это мистика и только. Но почему тогда гроб с телом покойного так часто выставляли напоказ? Нарочито часто! Чем было вызвано вскрытие гроба возле Новгорода? У села Бабино, что в ста верстах от Петербурга? Обозревали тело брата и при подходе к Царскому Селу, и, день спустя, в Чесме. Там свидетелями оного были Голицын и Куракин, генерал-адъютанты... Что из того! Никто из них сегодня не хочет вспоминать о тех днях. Уж не ради ли любопытства столько раз тревожили прах брата?

Наконец Николай сбросил маску благодушия:

— Где беглец?

— В крепости Ростова...

— Надеюсь, у Строганова хватило ума наказать коменданту, чтобы содержал преступника в одиночестве?

— Да, ваше величество. Но я уведомил об этом тамошнее начальство дополнительно. Строганов докладывает, что некоторые беспорядки в Черномории действительно имеются. Оные и могли тронуть рассудок есаула. Однако, считает граф, не в той мере, как это трактуют столичные медики...

Дибич увидел в глазах императора недовольство, но все же закончил мысль:

— Полагаю, ваше величество, Строганов имел в виду не болезнь, а обман воображения.

Николай уставился взглядом на лакированные носки своих сапог. На одном из них он увидел чуть приметное грязное пятно.

— Экая мерзость! — сорвалось у него с языка.

Дибич понял императора по-своему:

— Ваше величество, я с самого начала понял, что сие ничтожество не заслуживает стольких хлопот.

— Это я и без тебя знаю! — Николай отошел от карты и заложил руки за спину.— Матушка мудра! Случай всегда решает более, нежели предполагает человек. А мы-то думаем по наивности, что все приуготовлено небесами заранее...

Слушая императора, Дибич не понимал одного: что есть неясного в этой жизни, когда для полного порядка нужно так немного — держать вожжи и не пущать...

— Ваше величество, пример «пятерки» не стал настоящим уроком для чересчур умничающих. А посему, ради спокойствия отечества, не стоит скупиться на крайние меры.

— Ты находишь? — с некоторым удивлением спросил Николай.

— Бог заповедовал изгонять бесов...

— Оставь всевышнего в покое! У него на всякого из нас найдется своя молитва. Ты, Иван Иванович, уведомь-ка немедля коменданта Ростовской крепости, чтобы привлек Анцимирисова без проволочек к строжайшему военному суду. Никаких показаний о таганрогских событиях от него не принимать! Дело закончить быстро и доложить мне. Егеря можешь из-под стражи освободить, однако оставь за ним негласный надзор.

Дибич с облегчением вздохнул. Кажется, дело Анцимирисова подходило к концу. Генерал хотел откланяться, но вспомнил о вопросе большого политического значения:

— Ваше величество, едва не выпустил из головы... Генерал Остен-Сакен сообщает из Нахичевани, что в армии персов замечены английские офицеры.

Николай от такой новости натурально взбесился.

— Мерзавец! Веллингтон обещал никоим образом не потворствовать султану в перевооружении его армии... Тем паче — помогать инструкторами! Вот что, Иван Иванович, завтра же представь мне об этом подробнейшую записку.

В этот же день вернувшийся из Москвы в Петербург Прозоров встретился с Годефруа.

— Итак, поручик, я жду доклада о фельдъегере.

— Господин полковник, здешние события обгоняют одно другое. Виннер больше не служит! Он намерен покинуть Россию в ближайшие дни. Корабль в Англию уходит через трое суток.

— Ну что же, у меня еще есть время поговорить с беглецом. А теперь расскажите мне о каждом шаге этого человека.

Поручик потупил взор.

— Господин полковник, за время моего наблюдения Виннер почти не отлучался из дому. Прислуга докладывает, что он жжет бумаги...

— Не может же он жить вовсе без общения?

— Вы правы, господин полковник, к нему дважды приезжал кто-то в карете. Я не сумел разглядеть лица.

— Какая жалость, поручик!

— Да, я не смог: оба раза дело происходило ночью. Но я проследил за ним. Его квартира находится на Пантелеймоновской, дом Оливье...

— Не может быть! Вы не обознались, поручик? — Прозоров не верил своим ушам.

— Господин полковник, это был именно дом Оливье.

— Простите, поручик, все мы ошибаемся. Но если вы правы, то дело принимает нешуточный оборот.

Кронштадт, 6 января 1827 г.

Английский бриг «Икар» готовился к поднятию парусов. Вахтенный бдительно следил за тем, чтобы никто из посторонних не проник на корабль.

— Эй, на судне! — крикнули с причала.

— Кто там? — спросил офицер, заметив внизу человека в шубе и с саквояжем в руке.

— Меня зовут Виннер...

— О'кей! — офицер приказал спустить трап.

Капитан «Икара» не был удивлен появлению Виннера на судне.

Справившись о самочувствии соотечественника, он распорядился проводить его в каюту.

Оставшись один, Виннер в изнеможении опустился на диван.

— О, дьявол! — он чертыхнулся в сердцах, вспоминая, как кошмарный сон, последние тревожные дни своего пребывания в Петербурге. Какой-то тип неотступно преследовал его, и Виннер был вынужден прекратить всякие контакты с внешним миром до дня отбытия в Кронштадт.

Англичанин запер дверь каюты на ключ, снял шубу и достал из саквояжа чернильный прибор. Он присел за столик и начал писать: «Спешу доложить вам, сударь, что я благополучно сел на корабль. Вопреки ожиданиям, странный субъект оставил меня в покое. Ваше письмо будет передано сэру У-у, как только моя нога ступит на берег Британии».

Не успел Виннер запечатать письмо, как из-за полога, прикрывавшего вход в альков, вышел человек в штатском. В правой руке он держал пистолет, а левую протянул в направлении Виннера.

— Давайте письмо! — голос его был решителен и не оставлял сомнений, что неповиновение будет иметь тяжелые последствия.

Виннер безропотно отдал письмо. Прочитав его, Прозоров потребовал послание, адресованное «сэру У-у». Получив его, он спрятал конверт во внутренний карман пальто, сел напротив Виннера и сказал:

— А теперь, лейтенант... бывший лейтенант, поговорим о кухне. И не надо лишних вопросов, если хотите, чтобы «Икар» отплыл вовремя.

Виннер проглотил застрявший в горле комок. Полковник положил перед ним таможенный документ, запрещающий выход «Икара» в море до особого указания.

Плечи англичанина поникли.

— Что вам угодно еще?

— Мы оба офицеры, сударь. Путь в Англию открыт... Но для этого вы должны ответить на некоторые вопросы. Первый из них касается прошлогодней трагедии в Таганроге. Советую отвечать быстро и кратко! Кто отравил императора?

Виннер втянул голову в плечи, как будто над ним был занесен топор палача.

— Повар...— выдавил Виннер из себя едва слышно.

— Так. И вы заходили на кухню, чтобы передать ему яд?

— Это неправда! — Виннер сложил руки на груди.— Умоляю вас поверить мне на слово! В то время я не знал, что повар подкладывает в пищу яд. Мне поручили проследить, чтоб такое-то кушанье непременно попало бы императору на стол. Я догадался об отравлении позже...

— Тогда кто передал повару яд?

— Это был турок... Он принес на кухню семена, почти неотличимые от пшеничных. Я не мог ослушаться: он зарезал бы меня, как овцу.

Виннер трясся от страха и все время поглядывал на пистолет полковника.

— Вы знаете название яда?

— Тогда — нет, а теперь знаю. Этот злак убивает человека медленно, но неотвратимо. То была уже вторая попытка отравить императора. Первая состоялась еще в Севастополе... Царь был гостем контр-адмирала Бычинского. Там его угощали мидиями. В осеннюю пору они очень ядовиты, и кто-то сказал императору об этом. Покушение не удалось.

— Ах, так! — Прозоров почти пожалел, что дал Виннеру слово не задерживать его.— И вы не сделали попытки предотвратить злодейство?! Кто организатор покушений? Отвечайте!

— Нет, нет, сударь, я не знаю...

— Может быть, сия тайна скрывается в этом конверте? — Прозоров похлопал себя по карману, имея в виду письмо к У-у.

Глаза Виннера бесцельно блуждали по стенам каюты. Пот градом лил с его бледных щек.

— Не знаю... Мэквилл просил передать письмо Уилсону. Больше мне нечего сказать. Лучше арестуйте!.. Если о нашем разговоре будет известно в Лондоне, я пропал.

— Успокойтесь, Виннер! И скажите: какова роль Мэквилла в «таганрогской трагедии»?

— Это для меня — тайна,— Виннер был неподдельно искренен.

— Вот как! Разве не вы докладывали ему о приведении приговора в исполнение?

— Конечно нет, сударь! — отвел подозрения полковника бывший фельдъегерь.

— М-да, ничего не понимаю... Так кто же посылал вас на кухню?

На губах Виннера появилась странная усмешка. Он сунул руку в карман и вынул на свет блестящую серебряную монетку...

— Что такое? — удивлению полковника не было конца: аналогичную монету обронил на плато загадочный мусульманин — турок, принесший яд повару Джани-аги.— Хм, этот десятипенсовик не так уж безобиден?

— Вы правы, сударь. Эта монета — знак масонства.

— Вы масон?

— Да, я член масонской ложи «Святого Георгия», что в Шотландии.

— Теперь понимаю... Вы действовали по приказу организации!

— Прошу вас, сударь, поверьте: я не знал, чей приказ выполняю. Он поступил ко мне анонимно. Я не был готов к такому повороту событий. Ведь генерал Дибич взял меня в переводчики к императору так внезапно!

Прозоров подозрительно покосился на Виннера. Уж не хочет ли он припутать к этому делу начальника Главного штаба?

— Вам известно, чем его превосходительство мотивировал свой выбор?

— Нет. Мне сказали об этом в день отъезда.

Прозоров спрятал наконец пистолет за пояс и запахнул макинтош.

— Значит, связь с Мэквиллом — простая случайность? Он попросил вас доставить письмо в Лондон, и только?! Но почему за последнюю неделю вы встречались трижды?

— Сударь, мы общались с ним и прежде. Я служу в России шесть лет, а доктор приехал сюда сравнительно недавно. Я рассказывал ему о Петербурге: здешних обычаях, нравах. Но только на днях мне стало известно, что он — в одной со мной ложе... Я не мог отказаться и не взять письма!

Прозоров достал свой десятипенсовик, подкинул его кверху и на лету поймал.

— А знаете, Виннер, кто-то очень недурно

придумал с паролем... Георг умер не так давно, и деньги с его изображением еще в ходу. Ваше счастье, что вы мало знаете! Советую вам, по приезде в Лондон, помалкивать о нашей встрече. В противном случае ваши хозяева узнают о том, что свидетель преступления проболтался.

Прозоров покидал судно в хорошем настроении. Правда, в истории с Виннером осталась одна загадка: кто надоумил Дибича заменить Треймана на Виннера? Сам начальник Главного штаба решил произвести такую рокировку? Не резонно... Прозоров был почему-то уверен, что и здесь не обошлось без Мэквилла. Однако доктор не имел контактов с Дибичем. Через кого он действовал?..

Петергоф, 15 июля 1827 г.

Появление полковника Главного штаба сначала в Таганроге, а потом и в Чуфут-Кале не столько обеспокоило, сколько озадачило Мэквилла. Ему казалось, что разгадка тайны подмены сосуда исключена. Разве что сама императрица проболталась? Но этого Мэквилл не мог допустить при самой буйной фантазии. Кто же? Кто открыл полковнику лазейку? Неужто император? Но он был далек от тех событий... Впрочем, сам доктор только догадывался о глубинных причинах таганрогской трагедии. Корни ее были в Лондоне. И кто бы нынче в Петербурге ни захотел нарисовать полную картину смерти Александра — ему будет недоставать «лондонского звена». А Лондон далеко...

Мэквилл сожалел, что согласился отправить Виннера восвояси. Лучше было бы избавиться от неугодного свидетеля здесь, в Петербурге. Но Виннер был племянником какого-то функционера в Адмиралтействе...

Депеша, полученная доктором из Лондона, требовала от него новых действий. Теперь уже возвращение самого Мэквилла на родину зависело от выполнения этого приказа. Лондон требовал от него почти невозможного. Но ситуация вокруг Греции складывалась таким образом, что военное столкновение Англии, Франции и России с Турцией было почти неизбежным. Каннинг хотел усидеть на двух стульях одновременно. С одной стороны, он подписал секретную статью Лондонской конвенции, согласно которой — если Турция

не откажется от военной акции против греков — державы «коалиции» должны были силой отогнать флот султана от берегов древней Эллады. И все же Каннинг надеялся на какое-то чудо... Глава Форин-офиса полагал, что Россия в конце концов воздержится от военного конфликта с Турцией. В Петербурге, очевидно, помнят, что начатая против турок в 1806 году война затянулась на шесть лет. Но, может быть, пережив потрясение от внутреннего заговора, Николай хочет испытать себя на врагах внешних? Верно, Николай, устами графа Нессельроде, настоял на подписании «секретной статьи». Но ведь можно и отказаться от нее! Видимо, Каннинг надеялся именно на это, когда через своего верного друга Уилсона решил поручить Мэквиллу новое и весьма сомнительное задание.

...Сегодня Мария Федоровна выглядела значительно хуже, чем во все предыдущие дни. Букли висели у нее за ушами, как свернувшиеся пожухлые листья. Кожа императрицы не впитывала в себя крем и румяна — они лежали у нее на щеках этакими «яблоками», как у бродячих клоунов. А красная роза на платье!.. Мария Федоровна напоминала «старую кокетку» Строцци. Видела ли она в Эрмитаже эту картину? Наверное, нет.

На сей раз Мэквилл был принят в парадной зале. Несмотря на светлое время суток, шторы на окнах были опушены, а все свечи на люстрах и канделябрах запалены. Императрица сидела на маленьком диванчике, облокотившись о горку подушек. На ней было строгое бархатное платье, в руках — веер, столь знакомые доктору по прежним встречам, и книга с перламутровой закладкой между страницами.

Мэквилл трусил и в то же время был готов к единоборству. Он понимал, что в случае неудачи с него спросится на этом свете. Внутреннее превосходство было на его стороне.

Пересиливая страх, Мэквилл ринулся в атаку:

— Ваше величество, сегодня я пришел к вам отнюдь не как доктор...— Он с достоинством поклонился, прервав фразу.

— В таком случае, сударь, мне придется выдержать правило частного визита. В вашем распоряжении считанные минуты!

Мэквиллу показалось, что старуха втайне злорадствует над ним.

— Ваше величество, я хотел бы первым делом поблагодарить вас за «надворного советника». А заодно полюбопытствовать, какова дальнейшая судьба есаула, внезапно нарушившего наше с вами спокойное существование?

Императрица пропустила последний вопрос мимо ушей.

— Вы благодарите меня за награду, и мне остается лишь радоваться собственному великодушию. Нет ничего проще, доктор, как осыпать кого-либо милостями. Право, это ничего не стоит!

Мария Федоровна ожидала от Мэквилла новых вопросов, но доктор многозначительно молчал.

— Ах, да, вы вспомнили о несчастном! Стоит ли он вашего беспокойства... Есаул под надежным оком. Но кто устережет самих сторожей? — почти с библейской философичностью спросила Мария Федоровна то ли Мэквилла, то ли себя.

Смиренно наклонив голову, доктор вкрадчиво произнес:

— Ваше величество, вы давеча верно замечали, что у всякой тайны — две правды. Ведомо ли вам, что Россия и Турция приближаются к опасной черте? Начинать войной царствование — добрый ли знак для нового монарха!

— Вы шутите?! — Мария Федоровна вздрогнула всем телом. Книга выскользнула у нее из рук и упала на пол.

Мэквилл поспешил ей на помощь.

— Отнюдь, ваше величество. Я лишь сообщаю вам как другу то, что завтра станет уделом поля брани.

— Война? Разве ссора вокруг Греции еще не улажена? Герцог обещал действовать с нами заодно. Я верю сэру Уилсону: он подтвердил, что отныне Веллингтон — друг России.

Мэквилл подивился наивности императрицы.

— Это так, ваше величество. Но греки не хотят платить туркам дань за ранее вложенные в их страну турецкие капиталы. Султан требует хотя бы частичного возмещения... Конечно, Англия верна своим обязательствам: генерал Черч надежно защищает Афины. Кроме того, мы предоставили грекам два займа и признали за ними право «воюющей стороны». Вопрос нынче в том, кто в конечном счете воспользуется

привилегиями победителя восстания? Английский кабинет готов и впредь поддерживать Ипсиланти и Маврокордато, но он столь же рьяно выступает против партизанской черни! Австрия и Пруссия не хотят войны с турками. Стоит ли его величеству разрушать Священный Союз ради призрачных надежд победить султана? Одна война породит другую. Восток будет надолго охвачен пожаром междоусобиц.

Императрица с трудом распрямила спину, желая придать своему телу величественную осанку.

— Кто вы? — произнесла она строгим голосом.

— Бывший врач королевского флота...

— Я не о том! — оборвала Мэквилла старуха.

Мэквилл понял, чего она от него добивается.

— Как гражданин своего отечества, я вправе болеть за него, ваше величество. Россия и Англия в равной степени желают свободы грекам. Однако еще раз подчеркиваю, если Николай Павлович хочет единолично решить судьбу Греции... Сэр Уилсон категорически против такой политики!

Услышав знакомое имя, императрица сникла.

— Я всего лишь мать,— голос ее дрогнул.

Мэквилл рванулся с места, чтобы подойти к Марии Федоровне поближе, и при этом задел башмаком за позолоченную ножку стула.

— Ваше величество, этого более чем достаточно! Повлияйте на императора! Я уверен: отношение к туркам навязано ему генералами, кои хотят иссечь в битве с ними офицеров-бунтовщиков, что сосланы на Кавказ. Это ли повод для войны!

Мария Федоровна вспомнила разговор с сыном и тот леденящий душу его взгляд, когда она попросила Николая включить в консилиум, обследовавший Анцимирисова, Мэквилла.

— Он перестал слушать меня,— вырвалось у Марии Федоровны против ее воли.— Если бы вы знали, Гарольд, в каком я трудном положении! Я любила и люблю Константина больше других сыновей. Но его брак с полячкой вынудил меня добиваться, чтобы Саша завещал трон другому...

— Ваше величество, все неестественное становится когда-нибудь уродливым.

Императрица не возмутилась, но и не оставила реплику без ответа:

— Нам не дано знать будущий ход вещей. Не

будьте циником, Гарольд! Да, император очень изменился. Кажется, он избегает меня, потому что боится отказать какой-либо из моих просьб.

Мэквилл подумал, что императрица хитрит.

— Ваше величество, я настаиваю... Вы должны уговорить императора не воевать против султана! Король и министр иностранных дел единодушны в этом вопросе.

Мэквилл лукавил. Георг IV находился в глубокой оппозиции к Каннингу. Но сейчас надо было врать. Глядя на императрицу, доктор не заметил, чтобы его слова решающим образом воздействовали на нее. Оставалось пойти на крайнюю меру...

— Ваше величество, ничто не может устоять перед высокой политикой. Даже дружба. Вам ли не знать, какое влияние может оказать на судьбу целой империи сущий пустяк?!

— Какой пустяк? — императрица почувствовала в словах Мэквилла подвох.

— Я имею в виду историю с подменой кубка,— твердо сказал англичанин, испытывая в то же время некоторые угрызения совести.

В следующее мгновение Мария Федоровна почувствовала, как в груди у нее возникла удушающая пустота. У нее заложило уши — весь мир поплыл перед ее глазами...

Мэквилл едва успел подскочить к императрице и подхватить ее падающее тело на руки. Он положил ее на диван, вынул из нагрудного кармашка миниатюрный пузырек с какой-то жидкостью и, накапав ее в платок, поднес к лицу Марии Федоровны. Вслед за тем доктор нащупал пульс... Сердце старухи билось сильней обычного, но крайней опасности в его ритме Мэквилл не усмотрел. Очевидно, у императрицы случился нервный припадок.

Придя в сознание, Мария Федоровна едва слышно произнесла:

— Зачем... зачем вы мучаете меня? Я совершенно невиновна перед памятью Саши. Если я и совершила глупость, то ради блага семьи...

Мэквиллу было жалко старуху, но дело требовало жесткости, даже жестокости.

— Мы все движимы благими порывами, ваше величество. Кассий тоже убил Цезаря из лучших побуждений. Но бог, как известно, не принял этой жертвы.

Кто знает, с какой целью вы приказали мне подменить сосуд!

Императрица с большим трудом встала с дивана и тут же наступила ногой на веер, который, в минуту бесчувствия, выпал из ее рук. Перламутровые лепесточки с хрустом разломились на куски... В глазах старухи стоял ужас. Она подняла анемичную руку на уровень глаз, как бы защищаясь от неправедных обвинений доктора.

— Нет! — вопреки ожиданию, голос ее прозвучал так сильно, что Мэквилл испугался, как бы не сбежалась дворцовая охрана.

— Ваше величество, я сделал лишь намек... И все же, как понимать ваше желание подменить сосуд, а после — объявить есаула сумасшедшим?

— Вы убийца? — руки императрицы беспомощно повисли вдоль туловища.

— Да нет же, клянусь честью! Ваше величество, здесь что-то не так... Нам надо объясниться. Из Лондона поступила информация — мне намекнули, что идея отравления исходила от вас. Что вы, в угоду одному человеку, решили посадить на трон Николая Павловича...

Мария Федоровна не могла сдержать слез.

— Что за мерзости вы говорите! На что намекаете?

— Ваше величество, может быть, это и не так, но ведь тайна престолонаследия стала известна в Лондоне задолго до того, как о ней узнали в России! Почва для преступления была готова.

Едва доктор произнес последнее слово, как императрица шатающейся походкой подошла к нему и влепила пощечину.

— Негодяй! Кто посмел сказать вам такое?!

Мэквилл прижал руку к горящей щеке.

— Сэр Уилсон, ваше величество.

— Фрэнсис? — императрица не заметила, как назвала бывшего фаворита по имени. Она не верила своим ушам. Нервы ее окончательно сдали. Она схватила Мэквилла за лацканы фрака и стала что было сил трясти его своими старческими руками.

— Вы лжец! Лжец...— восклицала она все тише и тише и, наконец, обессилев, прежней, шатающейся походкой возвратилась к дивану.

Кровь прилила к лицу доктора. Он был возбужден не меньше Марии Федоровны.

— Коли так... коли вы все отрицаете, я вынужден напомнить вам, как это было. За неделю до кончины императора я сказал вам, что, возможно, его величество отравлен. Я сказал, что весь ход его болезни говорит за это... И вот вы приказываете сделать два сосуда. Наверное, вы точно не желали пересудов. Вам казалось, что признание факта отравления возбудит нездоровые подозрения и пробудит в памяти людей события двадцатипятилетней давности... Я имею в виду насильственную смерть вашего мужа. До начала анатомирования я успел подменить сосуд. Вскрытие подтвердило мои подозрения. Хотим мы того или нет — мы оба связаны тайной. Она должна остаться таковой навеки. При одном условии... Вы уговорите императора не воевать с султаном!

— Уходите...— с мольбой в голосе произнесла Мария Федоровна.

Мэквилл понял, что выиграл поединок.

Санкт-Петербург, 4 августа 1827 г.

Далеко за полночь вдоль пустынной Большой Мещанской в сторону Мойки следовала карета. В ней сидели Прозоров и Годефруа. Полковник размышлял о чем-то своем, а поручик в последний раз проверял пистолеты. Возвращаясь мысленно к событиям позапрошлого года на Сенатской площади, Прозоров вспомнил слова Филарета: революции — при видимом успехе и прорыве вперед — в конечном счете отбрасывают общество назад.

Прозоров удивился, как много мистического вкупе с невежеством всплыло на поверхность российского бытия со смертью Александра. На изломе истории проявились две российские крайности: революционный порыв просвещенных романтиков-идеалистов и мракобесие аристократов, подпираемое кликушами из народа. На чьей стороне монарх — понять не трудно. И все же Прозоров недоумевал: чего ждет царь? В его власти было прекратить расследование «дела есаула», начатое Прозоровым, ибо оно не дало скорого результата. В «промежуточной» докладной записке полковник уведомил Николая, что он просит о продлении следствия. На что император дал благосклонное согласие. И сам полковник не спешил с развязкой этой истории, чувствуя, что финал ее будет совсем неожидаемый.

...Извозчик свернул на Пантелеймоновскую, и вскоре экипаж остановился неподалеку от дома Оливье.

Прозоров спрятал пистолет под пальто, достал уже известный нам десятипенсовик, перемешал его в пригоршне с другими монетами и спросил у Годефруа:

— «Орел» или «решка»?

— «Орел», господин полковник.

Не глядя на монетку, Прозоров препроводил ее обратно в карман.

— Не будем испытывать судьбу, поручик! Сегодня нам не дано проиграть. Итак, оставайтесь здесь и ждите... Чтобы со мной ни случилось, вы должны хранить абсолютное молчание. Мы с вами занимались не тайной императора, но — тайной России! А в случае неудачи нам останется утешиться, что королей чтут при жизни, а их слуг — после смерти.

Годефруа вымученно улыбнулся.

— Будьте осторожны, господин полковник: пистолет заряжен...

Миновав арку, Прозоров огляделся. В подвале горницкой горел свет. Полковник разбудил спящего татарина, сказал ему на ухо несколько слов, после чего смышленый мужик побежал закрывать черный ход. Войдя в дом, Прозоров поднялся на верхний этаж и осмотрел чердачный люк. Все в порядке, на крышке люка висел замок.

Полковник спустился по лестнице на два марша и взялся за стеклянную ручку двери. Закрыто. Он постучал — сначала слабо, потом сильней. В квартире мяукнула кошка. Полковник стукнул третий раз. Он услышал, как скрипнула дальняя дверь, затем раздались звуки шлепающих шагов. Чиркнула спичка — из-под двери к ногам Прозорова скользнул слабый лучик света.

— Кто? — спросили с той стороны по-английски.

— Ваш друг,— полковник наклонился и сунул за порог серебряную монетку.

Звякнула цепочка, хозяин квартиры повернул ключ.

Мэквилл встретил ночного гостя в ночной рубахе, со свечой в руке. В другой он держал поднятую с пола монетку. Взгляд его выражал дикое недоумение, однако серебряный десятипенсовик загипнотизировал его настолько, что доктор не вымолвил ни слова.

— Простите за ночной визит. Оденьтесь... Разговор будет долгим.

Скрестив руки на животе, Прозоров ощутил под пальто дуло пистолета. Мэквилл поставил свечу на тумбочку и молча ушел вглубь квартиры. Прозоров последовал за ним... Когда доктор скрылся в спальне, полковник внимательно осмотрел помещение. Справа, в глухом углу стояли два книжных шкафа. Между ними был узкий проход. Полковник вошел в него и затушил свечу...

Мэквилл вернулся из спальни, держа в руке шестисвечовый канделябр. Поставив его на край большого круглого стола, он с беспокойством поискал глазами полковника.

— Я здесь,— полковник вышел из укрытия. Сняв шляпу, он положил ее возле канделябра.— Вот мы и встретились с вами, господин Мэквилл! — сказал Прозоров то ли с радостью, то ли с насмешкой.— Стоило ли гоняться за мной по степям, когда мы могли спокойно побеседовать с глазу на глаз здесь, в Петербурге!

Мэквилл был на удивление спокоен.

— Прошу вас, сударь, садитесь,— он отщипнул от сигары конусовидный конец, прикурил ее от свечи и сел напротив полковника за стол. Небрежно бросив десятипенсовик на столешницу, спросил:

— Как прикажете понимать?

Прозоров усмехнулся.

— Это уж вам лучше знать, доктор. Вы клюнули на приманку, следовательно, Виннер был прав...

— Виннер?! — Мэквилл поморщился, проклиная в душе сбежавшего агента.— Вы пришли шантажировать?

— Упаси Бог! Мы знаем друг о друге столько, что нет нужды транжирить время попусту. Я пришел, чтобы уточнить, кое-какие детали преступления, совершенного в Таганроге. Сущие пустяки! — великодушно пообещал Прозоров и улыбнулся с нагловатостью победителя.

Мэквилл понял: отрицать глупо. Важно другое: сохранить в тайне то, что еще неизвестно полковнику.

— Вы знаете мое положение при дворе... Я близок к царским особам и мог ли я не слышать того, что при мне говорят! Слуги не вольны выбирать господ.

— Бросьте, Мэквилл! Вы не столько слушали, сколько подслушивали и провоцировали на откровения. Не исключено, что в этих целях вы пользовались гип-

нозом. Не правда ли интересно?.. Императрица думает, будто решает сама, в то время как исполняет чужую волю.

Мэквилл занервничал.

— Зачем вы пришли? — спросил он, вперив в полковника туповато-тяжелый взгляд и проклиная в душе тот день, когда принял предложение Уилсона заменить его в России.

— Я же сказал: кое-что уточнить... Но если вы так спешите, могу пойти вам навстречу. Боюсь, однако, вы пожалеете, что наш светский разговор приобрел черты делового! Итак, начнем с того момента, когда вы спешно возвратились из Таганрога в Петербург... Это было в середине ноября, верно? Император уже болел... Его отравили! К сожалению, исполнителя гнусного преступления не воскресить: повар отправился к праотцам. Но Виннер...

— При чем тут Виннер? — возмутился Мэквилл.

Прозоров улыбнулся.

— Неужели вы полагаете, что ваш подопечный упорхнул этаким ангелом, не оставив после себя и следа? Сэр Уилсон просчитался, назначив вас своим полномочным агентом. Что касается Виннера, то он отбыл на родину лишь после того, как ответил исчерпывающе на все мои вопросы. В том числе и о коварном яде... Это ваших рук дело?

— Неправда! — энергично возразил доктор.

— Хорошо. Если не вы, то кто?

— Не знаю...

— Пусть так, вы избрали не лучший путь к защите. Продолжим экскурсию в прошлое... Мы остановились на том, что вы прибыли в столицу и прямо с дороги направились в покои императрицы. Не знаю, как именно проходила ваша встреча, но в конце концов Мария Федоровна согласилась на подмену сосуда.

— Это не моя идея! — запротестовал Мэквилл.

— Допустим. Будем считать, что императрица, терзаемая самыми худшими предчувствиями, сама задумала скрыть следы отравления. Какое сердце способно дважды пережить одну и ту же трагедию! Но ведь вы знали истину и рассчитывали на то же самое... Может быть, повторяю, внушили... Ее величество таким образом спасала честь семьи, а вы — заметали следы преступления. Вы большой хитрец, доктор! В течение всей процедуры анатомирования вы не покидали

дворца. Так говорили мне все, кто стоял на страже в доме градоначальника. Вы провели стражу, потому что знали один ход. Из залы вы проникли в кабинет градоначальника, из него — в спальню генеральши, а уже оттуда в сад... Остальное совсем просто!

Мэквилл был сражен. Вся его злость обрушилась на Виннера, который благополучно попивал теперь кофе в Лондоне. Надо было покончить с ним еще в Крыму!

— Не хотите ли дополнить картину преступления? — Прозоров бил, что называется, наотмашь.— Нет? Тогда позвольте мне продолжить... Наверное, я упущу кое-что по незнанию, да уж не обессудьте: свидетелей почти не осталось. Итак, то ли вы уговорили императрицу подменить кубок, то ли она сама додумалась до такого, однако следствием этого стала замена органов императора на «потроха» несчастного казака, умершего от лихорадки, подхваченной им в Персии. Докторов в Таганроге хватало, но почему-то именно вам «посчастливилось» произвести вскрытие этого человека. Анцимирисов раскрыл подлог, но вы или кто-то по вашему поручению убили лекаря, коему есаул приносил на исследование оба кубка... Вам повезло, ибо есаул не рискнул оставить оба сосуда на попечение лекаря. А теперь признайтесь, куда вы дели оставленные под его присмотр истинные органы Александра?

— Я уничтожил их...— с ненавистью в голосе признался Мэквилл.

— Надеюсь, не псам, как это принято у варваров?

— Отстаньте! — огрызнулся доктор, потеряв самообладание.

— Так я и думал. Как это в вас, джентльменах, уживается высокая образованность и лощеные манеры с поступками самого низменного свойства?!

Мэквилл засуетился. Прозоров поймал его взгляд, направленный на стоявшие в простенке большие часы. Полковник встал из-за стола и подошел к ним. Часы не шли. Алексей Дмитриевич взялся рукой за стрелку и двинул ее вправо. На цифре «6» что-то внутри часов стукнуло, дрогнула дверка передней панели, приоткрылась. Прозоров потянул ее на себя. Часы искусно маскировали нишу в стене, которая вела, очевидно, на задний двор.

— Вот как! Вы предусмотрели и это... Поздно,

доктор! У вас нет ни малейшей возможности ускользнуть.

Мэквилл кинулся к окну, рванул штору и увидел возле своего дома карету и стоящего рядом с ней Годефруа.

— У вас нет и шанса,— повторил Прозоров.

Мэквилл понял, что окончательно проиграл.

— Что еще надобно вам? — спросил он безнадежным тоном.

— Я мог бы на этом закончить, но ведь у вас есть дети... Стоит ли брать на душу чужой грех и тем окончательно пятнать себя в их глазах! Я готов поверить, что не вы затевали убийство императора. Но кто?

...Час спустя Прозоров вышел из дому и сел в карету. Годефруа хотел было удовлетворить свое любопытство, но в этот момент откуда-то сверху раздался выстрел.

— Господин полковник, это там!..— поручик высунулся из окна кареты и показал на окна квартиры, из которой только что вышел Прозоров.

— Стреляют? — без всякого удивления переспросил полковник.— По-моему, вам это просто послышалось. Прикажите кучеру трогать. К заутрени мы должны быть в Селе!..

Царское Село, 1 октября 1827 г.

Не доезжая полуверсты до царского дворца, Прозоров остановил карету. Прежде чем выйти из нее, он вручил Годефруа письмо.

— Сударь, вы были мне добрым телохранителем и другом, так исполните мою последнюю просьбу. Скоро я буду у императрицы. Ее величество крута нравом, судьба моя непредсказуема. В случае моего ареста сегодня или в последующем под любым предлогом езжайте в Москву! Отдадите письмо митрополиту Филарету. Возможно, мы больше не встретимся. Прощайте! — Полковник обнял поручика и быстро, не оглядываясь, пошел в сторону дворца.

Камердинер ее величества принял от Прозорова записку. В ней было всего несколько слов. Не прошло и четверти часа, как полковника попросили проследовать в Зубовский флигель. Вид у Алексея Дмитриевича

был не из лучших: платье помято, лицо осунулось от бессонной ночи. Увидев императрицу, он забыл о субординации:

— Ваше величество, не совершайте опрометчивого поступка!

— В чем дело, полковник?!

— Нападение наших кораблей на турецкую эскадру неизбежно. Операция секретная! От ее исхода зависят судьбы Валахии, Сербии, Молдавии... Греки будут вот-вот свободны.

— При чем здесь я? — Мария Федоровна весьма искусно выразила недоумение.

— Ваше величество, я — солдат и обязан докладывать государю... Но ситуация слишком щекотливая. Затронута ваша честь!

Сердце императрицы екнуло. Неужели вчерашний сон сбывается? Судя по всему, полковник настроен решительно.

— Вы говорите загадками... и эта ваша записка... Почему вы не уведомили меня заранее?

— Ваше величество, у меня нет времени. Вообразите, что Мэквилл открылся — и тогда вам все станет ясно.

Императрица прикусила губу. Она была суеверна и поэтому посетовала на себя за то, что одела сегодня платье, в котором последний раз принимала Мэквилла. Как ни трудно было ее положение, она не собиралась сдаваться.

— Вы, полковник, из тех, кто поверил бредням сумасшедшего!

— Ваше величество, вы недооцениваете меня. Но, поверьте, я пришел к вам как друг!

Императрица вспыхнула:

— Здесь только и говорят, что о дружбе... Еще никто не приходил, чтобы заявить о войне. Кстати, вы верите в дружбу королей? — спросила она с чисто женской непосредственностью.

Прозоров смутился.

— Ваше величество, вы ставите меня в затруднительное положение. Я думаю, короли такие же люди...

— Нет, нет, полковник! Власть воспитала в нас особые качества. Мы слабы. Да, полковник, беззащитны, как дети. Все, что нас окружает — это суть оболочка, внутри которой хрупкий «плод». Он подвержен интригам, злобе, зависти, предательству. Подумайте:

зачем было есаулу писать донос? Он шантажировал... И теперь вы приходите ко мне с тем же?!

— Ошибаетесь, ваше величество! Я расследовал таганрогскую трагедию по приказу императора и хочу доложить вам об этом прежде, чем встречусь с его величеством... Государь не ошибся в своем предчувствии: Александр Павлович был убит. Убит по приказу сэра Уилсона!

— Этого не могло быть! Вы чудовищно лжете...— на этот раз гнев императрицы был всамделишный.

Прозоров подал Марии Федоровне письмо, которое Мэквилл намеревался передать Уилсону через Виннера. Руки императрицы тряслись. Подслеповатыми глазами она уставилась в бумагу. По мере чтения лицо ее искажала гримаса ненависти, сопряженная с отчаянием. Прозоров отвернулся, щадя ее самолюбие. Дождавшись, когда императрица закончила читать, он сказал:

— Ваше величество, оставьте это письмо у себя.

— Вы... вы не собираетесь показывать его императору? — с недоверием и нескрываемой радостью спросила Мария Федоровна.

— Нет. Его величество может истолковать письмо превратно, и тогда мне трудно было бы сохранить в тайне некоторые обстоятельства вашей частной жизни. Ваше величество, я не пуританин и способен понять женское сердце. Но поймет ли его государь?!

Мария Федоровна все еще сомневалась. Похоже, полковник порядочный человек. Тогда зачем он домогался у ней свидания? Не проще ли было уничтожить письмо!

— Вы пришли неспроста? — императрица решила, что полковник ждет награды. Она была готова отплатить услугой за услугу.

— Да, ваше величество. Я знаю, Мэквилл принуждал вас вмешаться в турецкие события... Не делайте это!

— Вы преувеличиваете мое влияние на императора.

— Ваше величество, не умаляйте своих достоинств. Ваша роль в противостоянии Наполеону известна...

— И что же, вы осуждаете меня? — Мария Федоровна вдруг почувствовала себя прежней властолюбивой матерью, исподтишка направлявшей Александра на «путь истины».

— Совсем напротив, ваше величество. Планы Бонапарта были более чем прозрачны. Женись он на одной из ваших дочерей — Россия была бы повязана с ним политическим браком. И тогда вся Европа легла бы к ногам корсиканца. Вы сделали правильный выбор. Что для Бонапарта женщина, когда он не ставил ни в грош все человечество!

— А вы, полковник, философ! — Мария Федоровна едва улыбнулась, но тут же опять помрачнела.— Это письмо... оно лишь бумага... Мэквилл — он, наверное, поспешил удрать из России?

— Доктор мертв, ваше величество.

— Вы пошли на убийство?

— Нет, ваше величество, он покончил с собой. Но вы ошибаетесь, думая, что Мэквилл — «альфа и омега» ваших несчастий. Вы с ним равно стали жертвой интригана. Его имя — Фрэнсис Уилсон!

— Замолчите! Прошу вас, полковник...

Императрица ушла в дальний угол комнаты, и оттуда до слуха Прозорова донеслись звуки рыданий.

Припадок длился недолго. Императрица, махнув рукой, позвала полковника к себе.

— Благодарю вас...— ее глаза были сухи, хотя всего лишь минуту назад Прозоров слышал неподдельный плач.— Вы спасли мою честь и честь России. Видит Бог, мне осталось недолго... Умоляю, не измените вашего намерения: не открывайте императору... вы понимаете, о чем я говорю...

Тон императрицы был просительным, но глаза... Прозорову не пришлось долго вспоминать, где он видел еще такой взгляд. Это было в октябре прошлого года, когда Николай напутствовал его на расследование таганрогской трагедии.

— Храни вас Бог! — сказала Мария Федоровна на прощание, продолжая сжимать в руках письмо Мэквилла.

Покидая царские покои, Прозоров мысленно посетовал: «Боюсь, одним «Богом» тут не обойдется. Беда для подданных, когда их начинают опекать сильные мира сего!»

Санкт-Петербург, 22 октября 1828 г.

Год тому назад Прозоров доложил Николаю об окончании своей миссии. В рапорте, составленном им в единственном экземпляре, он сообщал, что Александр I умер насильственной смертью, причины которой едва ли можно будет когда-нибудь установить ввиду того, что поиски злоумышленников были начаты слишком поздно. Что касается показаний есаула, то они остаются на совести этого человека, признанного, как известно, докторами умственно больным.

Николай в то время был занят войной и поэтому отнесся к сообщению полковника с прохладцей. Единственно, что он сделал тотчас,— это уничтожил рапорт, предоставив Истории самой разобраться в тайных лабиринтах царской власти.

Несмотря на победу, одержанную коалицией России, Англии и Франции в Наваринской битве, война с султаном не завершилась. Напротив, она усилилась. Прошло уже полгода с той поры, когда русская армия форсировала Дунай и вошла в соприкосновение с войсками Турции, а о победе над ней оставалось только мечтать.

Николай был недоволен, Витгенштейн едва овладел Варной, а Шумлу и Силистрию пришлось отдать туркам, сняв осаду. Император подумывал о смене командующего...

Мария Федоровна умерла три недели назад. Среди ее посмертных бумаг Николай обнаружил злополучное письмо Мэквилла... В свое время император не придал значения самоубийству доктора, но теперь, найдя это письмо, заново оценил участие матери в медицинском обследовании есаула. Подозрения самого разного толка гнездились в уме Николая. В конце концов все они замкнулись на полковнике Прозорове. Этот офицер либо бездарен, либо знает слишком много и скрывает...

Прошло полчаса с момента назначенной встречи, а император все не появлялся. С утра Николаю вздумалось пройтись по запасникам Эрмитажа, где в беспорядке валялись скульптуры и картины многих известных мастеров кисти и резца. Императора сопровождал придворный живописец Гаккель. Для него такие «экскурсии» являлись сущей пыткой, ибо солдафонский характер монарха определял и его отношение к ис-

кусству. Нелюбимых им живописцев он запросто отправлял на аукционы, где такие светила, как Ланфранко, Мумирон или Ван дер Меер, продавались порой за полтора рубля за холст...

Мрачные мысли Гаккеля были прерваны возгласом Николая:

— Что это?! — Император показывал рукой на беломраморную скульптуру философа. Мыслитель насмешливо смотрел на черные ботфорты самодержца.

— Я спрашиваю: что это? — повторил император.

Гаккель вздрогнул от нехорошего предчувствия.

— Вольтер, ваше величество...

Николай коснулся белой перчаткой лика великого сына Франции.

— Это отличнейшая скульптура! — с жаром произнес Гаккель, и ноги его начали наливаться свинцом.— Работа Гудона. Этого мастера, ваше величество, почитают не только в Европе. Он получает заказы даже из Америки! От Президента Вашингтона, например. Великий мастер!

— Не убеждай меня в его величии! Он был заодно с якобинцами. Отчего столь яростно защищаешь?.. Неровен час, у тебя здесь припрятаны портреты Дидро или Руссо? Самого Робеспьера!

— Но, ваше величество...

— Истребить эту обезьяну! — Николай ткнул пальцем в грудь Вольтера. Он отпустил художника и подозвал следовавшего за ним флигель-адъютанта...

Прозоров потерял было всякое терпение дождаться императора, когда дежурный генерал пригласил его следовать за ним.

Николай стоял у огромного полотна неизвестного художника, изобразившего Юдифь, поправшую ногой отрубленную ею голову библейского полководца Олоферна.

— Терпеть не могу фламандцев! — сказал Николай подошедшему к нему полковнику.— Каково твое мнение на сей счет? — Император с интересом ожидал ответа полковника, как будто от этого зависел дальнейший ход их встречи.

— Осмелюсь заметить, ваше величество, это — не «фламандия».

Николай поморщился.

— И ты туда же!.. Но я точно знаю, что это писано фламандцем! Все будто сговорились против... Догады-

ваешься ли ты, Алексей Дмитриевич, зачем приглашен во дворец? Вряд ли. Видишь ли, матушка, по рассеянности, забыла уничтожить одно письмо...— С этими словами Николай вынул из-за пазухи и помахал в воздухе неотправленным посланием Мэквилла к сэру Уилсону.— Итак, говори всю правду!

Прозоров слушал Николая и про себя проклинал императрицу за преступную беспечность. Что было делать? Неужели рассказать Николаю о том, чему дал зарок на всю жизнь? А может быть, покривить душой и свалить на покойника чужие грехи? Мэквиллу оттого хуже не будет, решил Прозоров.

Николай выслушал его с недоверием.

— Стало быть, подлец-доктор и осуществил заговор?

— Да, ваше величество,— еще раз солгал полковник.

— Врешь! — в голосе императора не было злости. Скорее, он походил на удава, знающего, что его жертве некуда деться.— Не понимаю: зачем? Верно, что Мэквилл адресовался Уилсону, но из сего послания вовсе не следует, чтобы он был вдохновителем и исполнителем злодейства одновременно! Не та фигура! Зачем, спрашиваю, все валишь на одного негодяя? Если тайна касается меня, то грешно умалчивать... Если нет, тем паче.

Прозоров услышал в словах императора подвох. Теперь он знал наверняка: Николай не ведал самой главной тайны Марии Федоровны.

— Ваше величество, доктор наказал себя... Надо ли было причинять ее величеству новые страдания? Ее состояние в то время вызывало опасения...

Николай не нашелся что-нибудь возразить. Его следующий вопрос прозвучал вполне миролюбиво:

— Известна ли тебе, полковник, тайна престолонаследия?

— Да, ваше величество.

— И что же?..

— Ваше величество хочет знать: был ли этот шаг Александра Павловича поводом к убийству?

— Пожалуй...

— Я допускаю это, ваше величество.

— Ясно: кто-то надоумил брата составить Манифест? — Николай вперил в Прозорова недоверчивый взгляд.— Может быть, Мэквилл напомнил матушке

страшную мартовскую ночь и подсказал подменить сосуд? Не повторилась ли история с Витвортом? — Николай имел в виду английского посла начала века в России, сыгравшего не последнюю роль в убийстве Павла I.— Я вполне допускаю, что Каннинг благословил заговор.

— Ваше величество, с мертвых спросу нет,— заметил Прозоров.

— С кого прикажешь взыскать? Уж не с есаула ли? Я держал его до последнего дня в ростовской тюрьме, полагая как безумца отпустить на свободу. А теперь вижу, что нет в этом деле всей правды. Коли так, то сей казак останется заложником твоего упрямства! К тому же он до сих пор не раскаялся. Пускай охолонится в Сибири... Что касается тебя, полковник, то в службе, я считаю, оставаться более ты не должен. Езжай-ка в деревню, на покой! До соответствующего приказа ступай на гауптвахту...

Кременчуг, 14—15 октября 1850 г.

Только что Россия подавила венгерское национальное восстание, до смерти напугавшее австрийского императора Франца Иосифа. Во главе русской экспедиционной армии стоял генерал Остен-Сакен, отлично зарекомендовавший себя в боях с персами еще в 1826—1827 годах. Он же в тридцать первом усмирял поляков.

Судьба благоволила Остен-Сакену. Он не получил за всю кампанию ни единой раны и возвратился в Россию в звании генерал-лейтенанта. Сакен не без оснований полагал, что впереди его ждут новые щедроты монарха, возлагая в этом смысле надежды на прибытие Николая в Кременчуг по пути на юг...

Отдыхая после обеденной трапезы, Сакен услаждал свой слух щебетаньем канареек и вспоминал, попыхивая трубкой, о недавних событиях в Венгрии. Его размышления были прерваны сообщением дворецкого.

— Неужто?! — в радостном изумлении Сакен вскочил с кресла.— Так проси ее тотчас! — Покряхтывая, генерал надел поверх сорочки халат и вышел в залу. Там, в крестьянском полушубке, подвязанном крест-накрест пуховым платком, стояла девушка...

— Вот ты какая!..— произнес Сакен, обходя девицу

вокруг, как некую диковину.— Пойдем, голубушка, побалакаем...— он радушно пригласил гостью к себе в кабинет.— Стало быть, ты — воспитанница Федора Кузьмича?! Святой человек твой старец. Сам император не единожды интересовался его подвигами.

Мистик от рождения, Остен-Сакен легко верил в чудеса и столь же благоговейно относился к юродивым и прокаженным, коими от века полна была Россия. Имя сибирского старца, появившегося четверть века тому назад в Пермской губернии, а затем сосланного в окраины Томска за укрывательство своей настоящей фамилии, год от года становилось все знаменитей. Оттого-то генерал и воспринял приезд в Кременчуг посланца старца как дар божий.

— Ну-с, рассказывай...

Девица вынула из котомки конверты, завернутые в тряпицу.

— Старче приказывали передать это вашему превосходительству,— пояснила она.

На одном из конвертов была надпись: «Его Императорскому Высочеству Александру Николаевичу». Сакен отложил конверт в сторону. Другой надорвал и вынул оттуда письмо... Часть его была написана по-русски, часть — какими-то «иероглифами». Генерал начал читать: «Ваше превосходительство, настоящим к вам обращается раб божий Федор Кузьмич, о коем вы, наверное, достаточно наслышаны. Превеликим открытием будет для вас узнать, что некогда мы встречались. Помните ли вы бои у Бородина? Багратионовы флеши, взятые французом... обход вражеской кавалерии батареи Раевского с флангов... Вы были рядом с генералом Лихачевым, павшим от укола штыка...» Сакен дошел до середины письма, где русский текст заканчивался: «Прочее, ваше превосходительство, вы прочтете при помощи ключа. Подобрать его будет легко, коли вспомните, как я учил вас шифровать тавро».

Всем своим мощным телом Сакен откинулся на спинку кресла. Так вот оно что!.. Выходит, этот старец и есть тот самый казак, что спас ему жизнь у Бородина, когда заслонил его своей грудью от пули гвардейского улана?!

Усадив девицу напротив себя, Сакен попросил:

— А ну-ка, голубушка, расскажи мне во всех подробностях о Федоре Кузьмиче!

Девица живописала о святости старца, его популярности среди сибирских обывателей; о том, как в течение восьми лет Федор Кузьмич воспитывал ее, сделав покорной восприемницей всех его заповедей. Сакен слушал и в процессе рассказа не раз вытирал набегавшую слезу.

— Из доброго родника пьешь,— подытожил он свои впечатления.— Послушай, красавица, что скажу! Есть у меня на примете один майор. Холост и привередлив по женской части, но на тебе, думается, гордыня его падет. Днями отправлю тебя в Киев... Вернешься в Сибирь майоршей! С умом ежели жить, то быстро в гору пойдешь. А теперь — ступай с богом! Завтра императора встречать будем.

Проводив гостью, Сакен поспешил в кабинет, где достал заветную ореховую шкатулку. В ней он хранил ценные бумаги и дневник, начатый им в двадцать втором году. Порывшись среди документов, Сакен нашел клочок застаревшей бумаги, на которой без малого сорок лет назад он записал ключ к «иероглифам»... Ими по старому казачьему обычаю клеймили на Кубани скот.

Сакен склонился над письмом старца. Оно состояло из букв старославянского алфавита, расположившихся в строке в виде нескольких ромбовидных фигур. Положив поверх письма шифр, генерал начал читать...

Час спустя Сакен пришел к выводу, что является обладателем наиважнейшей государственной тайны. Сведения старца были очень правдоподобны. В обмен на откровенность старец просил Сакена всеми возможными путями передать цесаревичу конверт.

Сакена так и подмывало отобразить сенсацию последнего дня в дневнике. И все-таки он поостерегся доверить бумаге столь крамольные сведения. Он хотел уничтожить и письмо старца, но потом передумал и положил его до поры в ореховую шкатулку. В то же время генерал кинул в печь бумагу с шифром.

На следующий день, по прибытии императорского кортежа в Кременчуг, Остен-Сакен стал изыскивать способ передать цесаревичу секретное послание сибирского старца. Принимая высоких гостей вечером у себя дома, Сакен улучил момент, когда Александр Николаевич остался один, подхватил его под руку и повел через анфиладу комнат в кабинет для игры в карты.

— Ваше высочество, верно ли говорят, что вы азартный игрок? — Сакен начал разговор с далеко не юным наследником престола издалека.

— Коли судачат, стало быть, не зря,— обронил Александр и замедлил шаг.— Уж не пари ли хотите держать, генерал? — спросил он свысока, как игрок, знающий себе цену.

— Неплохая мысль, ваше высочество. В случае проигрыша готов пожертвовать отличнейший персидский кинжал!

— Да, слышал: ваши трофеи способны украсить Оружейную палату. Ну, а коли выпадет проиграть мне?

— О, ваше высочество, в таком случае я хотел бы рассчитывать на самую малость... Ваша милость к изгоям известна. Речь идет о несчастном, оказавшемся волею случая в Сибири. Я обязан этому человеку жизнью!

Цесаревич размышлял недолго:

— Что ж, я готов... С одним условием, генерал. Не будем испытывать судьбу. Вы настолько соблазнили меня обещанным оружием, что боюсь рисковать. Ведь и вам это, пожалуй, ни к чему! Так совершим обмен полюбовно, без лишних церемоний!

В это время появился император. Сакен гостеприимным жестом уступил ему дорогу, приглашая занять почетное место за карточным столом.

Прошение бывшего казачьего есаула о помиловании Александр Николаевич удосужился прочесть лишь через две недели после разговора с Сакеном. Мотивировка этого послания цесаревичу не понравилась: он не увидел в нем настоящего покаяния. И все же наследник престола решил, что трон не рухнет, если семидесятилетний казак вернется в свой курень. А посему в левом верхнем углу прошения он начертал: «Военному министру! Податель сего достоин снисхождения уже потому, что слаб рассудком. Александр».

Санкт-Петербург, 16 ноября 1850 г.

Новый случай вмешался в судьбу Анцимирисова, которому надоела личина «святого старца», хоть и знаменитого по-своему, но обреченного до конца жизни скрывать свое настоящее имя. Виновником это-

го явился адъютант цесаревича Александра Адлерберг, сопровождавший своего патрона в путешествии по Кавказу.

Возвратившись в Петербург, Адлерберг должен был передать письмо Анцимирисова с резолюцией цесаревича военному министру Чернышеву. На беду опального есаула, министра в столице не было, а посему важный для его судьбы документ оказался в руках заместителя военного министра князя Василия Долгорукова. Этот генерал стремительно продвигался по службе и был одним из самых доверенных людей Николая.

Император умел ценить верных присяге подданных. 14 декабря 1825 года, перед тем как выйти из дворца, Николай остановился возле лейб-гвардии корнета, исполнявшего караульную службу. Холодея сердцем в преддверии недобрых событий, Николай спросил его:

— Можно ли на тебя положиться, корнет?

Вытянувшись во фрунт, тот молниеносно ответил:

— Я из рода Долгоруких, ваше величество!

Теперь у князя появилась возможность еще раз доказать императору свою преданность престолу. Долгоруков, минуя военного министра, решил доложить Николаю о прошении Анцимирисова.

Выслушав генерал-адъютанта, Николай не без труда оживил в памяти события четвертьвековой давности. Отправив есаула в Сибирь, он, помнится, не обрел желанного покоя. Записка придворного лекаря Мэквилла породила в нем ощущение страшной тайны, обладателями которой была мать-императрица и ее бывший личный врач Фрэнсис Уилсон. После неудавшейся попытки выведать у полковника Прозорова всю правду Николаю начали сниться жуткие сны. Его навещали пятеро повешенных... Они были в белых саванах с лавровыми венками в руках. Каждый из них надевал Николаю свой венок, который тут же превращался в змееподобную тварь...

И вот — есаул! Император полагал, что несчастный давно умер. Как ни противно было возвращаться к прошлому, Николай не мог оставить это дело без внимания.

— По-твоему, Василий Андреевич, цесаревич поспешил? — Внешне Николай выглядел совершенно спокойным.

Долгоруков не догадывался о душевных муках императора. Он вел свою игру.

— Ваше величество, эта история давняя... Александр Николаевич были тогда ребенком. Могут ли они судить о былых прегрешениях есаула?

«Так-то оно так,— думал Николай,— но гоже ли собственной рукой подрывать авторитет наследника! Хотя...»

— Ты прав! Есаул хитер. И труслив! Затеял тяжбу в обход меня... Однако в «прошении» нет и намека на раскаяние. И потом, что это за земля, коею будто бы брат жаловал его «за заслуги»? Чепуха!

Николай подзавел себя настолько, что мог перейти к главному и весьма деликатному вопросу:

— Скажи, Василий Андреевич, каким образом письмо Анцимирисова попало к Саше? — Николай понимал, что сим вопросом ставит Долгорукова в щекотливое положение: задним числом как бы благословляет на фискальство за собственным сыном. Но он знал, с кем имеет дело. Не зря, незадолго перед своей кончиной, он будет рекомендовать Долгорукова в преемники Орлову на посту начальника III отделения. Однако император недооценил своего визави. У Долгорукова не было сомнений относительно того, стоит ли показывать монарху полную меру своей полицейской предприимчивости.

— Ваше величество, прошение было передано цесаревичу генералом Остен-Сакеном в Кременчуге.

— Однако! — вырвалось у Николая противу его воли. Он вспомнил было забытое членство Остен-Сакена в Библейском обществе. Император давно считал оное прибежищем смутьянов. Боже, что подумают потомки! Кто скажет им правду о смерти брата? Не нарекут ли они наследника, занявшего престол «по Манифесту», братоубийцей? К тому есть причины: слухи... Якобы Александра заставили подписать Манифест заранее, «на случай».

Николай нервно тряхнул головой.

— Верно, князь, безумцы много опасней, чем те, кто действует по уму, хоть и во зло. Не будем утруждать министра сим делом. Разберись с ним сам. Запроси-ка по секрету начальство Тобольского приказа о ссыльных, почему прошение Анцимирисова

оказалось в Кременчуге. И что бы ни открылось, доложишь мне немедленно!

Напоследок, стараясь смягчить впечатление от своей заинтересованности никчемным есаулишкой, Николай произнес как можно мягче:

— Видишь ли, князь, многих, кто знал сию историю, сегодня нет в живых. Новых посвящать не хочу.

Гатчина, 13 января 1851 г.

Запрос Долгорукова в Тобольск по поводу ссыльного есаула дал неожиданный результат. Человек по фамилии Анцимирисов не значился в списках отбывающих наказание с 1840 года. Но и до этого времени вместо Анцимирисова в Тобольске проживал отпетый разбойник Федька Базлов. Последний признался под пыткой, что он бежал с каторги и «обменялся местом» с неким казаком...

Долгоруков поспешил в Гатчину.

Николай прогуливался по дворцовому парку, занесенному снегом, в сопровождении двух отменных борзых. Заметив спешащего к нему князя, он вверил собак егерю и медленно пошел вдоль аллеи. Услышав за спиной дыхание Долгорукова, император остановился и бросил через плечо:

— Право, князь, неужто так приспичило, что мчишься ко мне ни свет ни заря?

— Ваше величество, известие из Тобольска...

— Ну! — Николай резко повернулся лицом к помощнику военного министра и, наклонившись к нему всем корпусом, стал похож на бульдога, изготовившегося к прыжку.

Долгоруков рассказал Николаю о загадочном исчезновении есаула, не прибывшего к месту ссылки. Николай внимательно выслушал его, а затем резюмировал сообщение генерала на свой лад:

— Предчувствие меня не обмануло. Слишком милосердно обошелся я с этим сумасбродом! Все довольны, когда царь милует... Но был ли случай, чтобы хоть один из подданных справился: каково императору? — Николай медленно пошел по аллее, по обе стороны от которой возвышались сугробы.— Ищи теперь ветра в поле! — буркнул он себе под нос, и это замечание,

как ни тихо оно было сказано, не миновало ушей Долгорукова.

— Ваше величество, это не совсем так...— князь забежал на полшага вперед Николая.— Я узнал интереснейшие подробности. Кто бы мог подумать! — задыхаясь от переполнявших его чувств, тараторил Долгоруков.— Давеча, ваше величество, я рассказывал о разбойнике... Он, будучи в бегах, случайно встретил есаула в окрестностях Томска. К сожалению, оный каторжник недавно умер.

—Что ты говоришь?!— Николай остановился как вкопанный.— Так, так, так... Ты что-нибудь понимаешь в этой истории? Уж не сам ли Анцимирисов писал прошение, а затем передал его Сакену?!

Долгоруков усмехнулся, довольный тем, что знает более всех на свете о странном есауле.

— Да, ваше величество, сия бумага была составлена Анцимирисовым. Но Сакен получил ее из рук некой девицы, прибывшей из Сибири в Почаев якобы на поклонение древней иконе. Она дождалась приезда богомольной супруги Сакена, и уже вместе они поехали в Кременчуг. Девица и по сей день там. По-видимому, дожидается ответа. Интересно, ваше величество, что за прошедшее время Сакен успел обвенчать ее с одним майором в Киеве!..

— Хм, прелюбопытная получается оказия!

— Очень прелюбопытная, ваше величество. Однако это еще не все...— Долгоруков подал императору шифрованное письмо Анцимирисова. То самое, что собирался и не уничтожил Остен-Сакен.

— Что сие означает? — Николай с недоумением рассматривал непонятные знаки.

— Ваше величество, это письмо Сакен получил от девицы вместе с прошением. Соль, однако, в другом...— Долгоруков осмотрелся по сторонам. Вокруг стояли подпушенные снегом голые липы, и где-то вдали слышался лай царских борзых. Генерал понизил голос: — Ваше величество, Анцимирисов есть никто иной, как «благословенный старец» Федор Кузьмич, коего чуть ли не вся Сибирь почитает за святого и божьего проповедника!

Долгоруков спешно перекрестился, отгоняя от себя призрак дьявольщины. Николай отстранился от генерала и подозрительно прищурился.

— Да ты в своем уме, князь?!

Долгоруков приосанился с видом оскорбленного самолюбия.

— Ваше величество, кабы одно это... Скажу вам больше: старец соблазняет томских обывателей непотребными слухами... Он выдает себя за приснопамятного монарха — вашего брата!

— Довольно ереси! — Николай замахал руками и отошел в сторону.

Долгоруков услышал его злобные выкрики:

— Дураки... кругом одни дураки! Преклоняться перед каторжником... Вот пример российского невежества. И этих-то людей трубецкие и рылеевы хотели облагодетельствовать конституцией! Когда последний бродяга им милее божьего помазанника... Сия болезнь не излечима никакими конституциями. Сакен дурак! Не много же ума надобно, чтобы воевать. Чрезмерное увлечение мистикой помутило ему разум. Оному генералу вредно быть вне армии!

Николай снял перчатку, зачерпнул пригоршню жесткого снега и растер им разгоряченный лоб. Вытерев его затем наспех платком, он подошел к Долгорукову.

— Ну, а что в этих каракулях?

— Ваше величество, шифр не поддается отгадке. Я использовал лучших чиновников министерства...

— Вот видишь! Безумец хитрее твоих буквоедов. Впрочем, пенять на дурака грешно: он — загадка природы. Да, генерал, злой рок преследует мой род. Умереть в срок — едва ли не счастье для русского императора. Послушай, а каким таким образом оказалась у тебя шифрованная записка? Ведь она была в руках Сакена...

Лицо Долгорукова снова озарилось самодовольной улыбкой.

— Ваше величество, как вы знаете, посланница старца обвенчана с майором... Офицер этот пригласил Сакена в посаженные отцы. И все же верность престолу в нем превыше всяких симпатий. Он оказал мне одну услугу...

— Верно, заслужил подполковника?

— Заслужил, ваше величество.

Николай качнул головой в знак согласия и, понуря голову, пошел ко дворцу. У входа в него он в раздумье остановился. Долгоруков угадал его сомнения:

— Что делать со старцем, ваше величество?

— Со старцем? — удивленно переспросил Нико-

лай, как будто и не было между ними разговора об этом человеке. Император посмотрел вглубь парка, словно бы ожидал оттуда видения гениального мистификатора.— Скажи, князь, разве из прошения Анцимирисова следует, что он находится в «родстве» с Федором Кузьмичом? И не грешно ли будет лишать сибирских мужиков «великого праведника»? Давай уж, Василий Андреевич, доведем эту игру до конца! Ответь есаулу от имени аудиторского департамента своего министерства, как положено в таких случаях.

Долгоруков вздохнул с облегчением:

— Простите, ваше величество, но куда надобно отослать сие мнение?

Николай размышлял недолго:

— Ты говорил, что Сакен вручил прошение цесаревичу... Очевидно, будет по правилам, коли ответ на него уйдет в Кременчуг. Копию оставишь в архиве! И не забудь сделать в оном приписку, что за старостью следовало бы есаула поместить в богадельню, по месту проживания. Так оно будет добрее по чувствам и правдоподобнее по форме.

Настроение Николая вдруг улучшилось.

— Я не ослышался, князь, Сакен ведет дневник?

— Да, ваше величество. Бравый майор нашел его вместе с письмом в шкатулке... К сожалению, в дневнике ни строчки о Федоре Кузьмиче.

— И слава богу! Уж то хорошо, что в этом не сглупил. Негоже оставлять потомкам всю правду!

Месяц спустя Остен-Сакен получил из канцелярии цесаревича ответ на прошение Анцимирисова о помиловании. Он был краток: «Просьба не заслуживает внимания...» И подпись: «За военного министра генерал-адъютант князь Долгоруков».

Томск, 20 января 1864 г.

Третьего дня протоиерей Афанасий, следовавший с Камчатки в Петербург, к новому месту службы, остановился на кратковременный отдых в Томске. Здесь он встретился с игуменом Алексеевского монастыря архимандритом Виктором, знавшим о том, как нелегка судьба священника-миссионера. В процессе беседы зашел разговор о болезни старца Федора Кузьмича, слава о котором достигла и берегов Камчатки.

...Заканчивая свой рассказ о добродетелях старца, Виктор вдруг сконфузился:

— Одно обстоятельство, касаемое Федора Кузьмича, ставит нашу общину в тупик. Он упорно отказывается от исповеди. Странно, ибо доктора признают его в полном умственном здравии! Правда, в прошлом и другие его поступки вызывали удивление... Может быть, брат, ваш опыт поспособствует выяснению странного поведения старца?

Возле усадьбы купца Хромова, где последнее время квартировал Федор Кузьмич, стояла внушительная толпа народа. У многих в руках были иконы, какие-то дары, завернутые в полотенца. Над этой многоголовой толпой кружил пар, исторгаемый сотнями неумолкавших глоток. Ревели старухи, им подвывали детишки, мужики хмуро помалкивали, поглядывая недобро на запертые ворота. Заметив священника, толпа расступилась. Хромов пустил Афанасия в келью и тут же захлопнул дверь у него за спиной, оставшись на морозе, как верный цепной пес.

Старец лежал на широком деревянном топчане, накрытый большущим овчинным тулупом. Грудь его часто и неровно вздымалась. При каждом выдохе воздух вылетал изо рта старца с недобрым присвистом. Губы Федора Кузьмича имели оловянно-синий цвет, а глаза уставились в потолок без видимого смысла.

В комнате старца почти не было мебели. Лишь у печки — корчага с водой. Афанасий подошел к ложу... В келье стоял полумрак. Афанасий раздвинул ситцевые занавески и подбросил в печь пару поленьев.

— Мир дому твоему! — сказал протоиерей, но в ответ на лице старца не дрогнул ни единый мускул.

Афанасий наклонился над старцем: посмотреть, в сознании ли он. Наклонился — и тут же отпрянул в изумлении... Пока Афанасий приходил в себя, старец неожиданно заговорил:

— Зачем пришел? Ежели за исповедью... не дам...— Высвободив с трудом руку из-под одеяла, Федор Кузьмич слабо махнул ею, как бы изгоняя из кельи «нечистых».

— Негоже православному без исповеди! — настаивал Афанасий.

— Ты кто? — слабая тень любопытства скользнула по лицу старца.

— Протоиерей Афанасий, из Петропавловска.

— Какими ветрами?..

— Проездом. Наслышан, старче, о ваших подвигах, но не ожидал, что мы с вами знакомы. То было давно... Вы сильно изменились, но продолжаете мистифицировать?! Отказываетесь исповедоваться... Сей грех — соблазн другим! Может быть, вам неугоден православный священник?

Нездоровая гримаса исказила лицо старца. Афанасий кинулся к двери, набросил крючок на петлю и, находясь еще у порога, крикнул:

— Предчувствие не обмануло меня!.. Я-то думал: что за причина столь странного упрямства? Ан есть причина...

Протоиерей разгорячился, сбросил с плеч шубу и широкой поступью стал расхаживать по скрипучим половицам избы, то и дело бросая гневные взгляды на Федора Кузьмича.

— И кто бы мог подумать! Прошло без малого сорок лет... Да, да! Если б вы знали, сколько я претерпел из-за вас...

Внешне бессмысленным взглядом старец наблюдал за передвижением священника по келье. Наконец слабо попытался отмежеваться от обвинений нежданного гостя:

— Мир велик и лики людские схожи...

— Согласен, старче, лики схожи. Но не душа, что видна в ваших глазах! Помните ли наши встречи в Петербурге и на Кубани?

— Ты?!— слабо воскликнул Федор Кузьмич и попытался привстать с топчана. Память понемногу вытаскивала ему из своей копилки призраки прошлого, среди которых все более отчетливо проступал один... Федор Кузьмич схватил Афанасия за руку. Ладонь старца была холодна. В глазах было все: от животной ненависти до безумного отчаяния.

— Неужели это ты? — все еще питая слабую надежду на обман, произнес он.

— Да, старче. А вы — тот самый бравый есаул, что возмущал царя крамолой. Удивительно, как удалось вам перевоплотиться из арестанта в знаменитого страстотерпца?

Лицо Федора Кузьмича дышало отчуждением. По всему было видно, что жизнь в нем поддерживалась одной гордыней.

— То одному Богу ведомо! В чем моя вина перед тобой?

— И вы еще спрашиваете? — возмутился Афанасий.— Разве мое настоящее обличье вас не удивляет? Полковник — иерей...

— Я устал удивляться,— голос Федора Кузьмича прозвучал отрешенно, но тем не менее он не гнал Афанасия прочь.

— Нет, вы все же послушайте...— Афанасий был не по-христиански жесток к умирающему, однако понять его можно: тридцать восемь лет носил он в своем сердце чужую тайну, стоившую ему карьеры и обыкновенного, мирского счастья.— Последствия вашего доноса были таковы, что император удалил меня от службы. Лишь вмешательство преподобного Филарета предотвратило худшее... Я был отправлен в Тотьму, в ссылку. Там приютили меня монахи Спасо-Суморина монастыря и там же, пять лет спустя, был я посвящен... Последние годы миссионерствовал на Камчатке. Знаете ли вы, старче, какую смуту посеяли в душе Николая? Он подозревал многих, даже Дибича. Только смерть успокоила его. Так покайтесь же!

— Не могу! — с отчаянием прохрипел Федор Кузьмич.

— Не желаете исповедоваться?! Тогда скажите о себе правду как человек светский...

Внушение Афанасия было столь сильным, что старец сжался в комок и сдвинулся на противоположный край топчана.

— На кой ляд тебе нужна моя правда? Свою славу я заработал честно. И что такое «правда» в сравнении с легендой!

— Лукавите, Федор Кузьмич! — энергично возразил Афанасий.— Ваша слава взращена на страданиях... Подумайте, что станет с легендой, если я обнародую истинное ваше обличье? Вы беглый каторжник, и это — самая малость. Оказывается, вы здесь пустили слух о мнимой смерти Александра Павловича... Очистите душу, старче!

— Поклянись...— произнес вдруг все тем же хриплым голосом Федор Кузьмич.

Афанасий поцеловал висевшее у него на груди распятие.

— О Иисус, выслушай меня! Укрой меня в ранах

своих! — произнеся по-латыни молитву, старец впал в беспамятство.

Афанасий зачерпнул ковшом из корчаги воды и окропил ею лицо Федора Кузьмича, поправил подушку... Наконец старец очнулся.

— Так вы иностранец?! Католик... Ну что ж, пускай гражданская исповедь зачтется вам вместо церковной.

Федор Кузьмич попросил пить; смахнул остатки влаги с губ непослушной рукой и начал свою исповедь:

— Мой отец, Симеон Лихацкий, был католическим священником, родом из Богемии. Когда мне исполнилось два года, наша семья переехала в Вену, а оттуда в Варшаву. Да, он читал проповеди, но год за годом его влекли иные стихии. В Польше отец познакомился с известным литератором Выбицким. Вскоре он оказался в лагере Костюшко... Восстание провалилось, оба мои родителя пали на баррикадах. Тогда мне было тринадцать. Не знаю, по приказу ли Суворова или самой Екатерины,— только нас, детей польской шляхты, отправили в казачьи поселения. Через зуботычины, плети и надругательства я всегда помнил о своем родстве... Искал случая отмстить...

Старик закашлялся, его растрескавшиеся губы снова просили пить... Сделав несколько слабых глотков, Федор Кузьмич продолжал:

— Да, отмстить! Это стало моей навязчивой идеей. До войны с французом я проживал в станице Елизаветовской, откуда и бежал... Был партизаном в армии, потом скитался, а в пятнадцатом решил жениться. Подал прошение о зачислении меня в ростовские мещане. Сказался казаком Елизаветовской станицы, где жил в юности и проходил жестокую науку казачества. Казенная палата запросила из сей станицы: был ли такой в списках ее жителей? Ответили: был, но бежал... Мог ли я сознаться в сем поступке? Забили бы. Пришлось назваться Анцимирисовым. Все же судим был за попытку присвоить чужое имя. То есть свое исконное. Вот и посуди, брат, легко ли мне теперь говорить правду! Пробуждение совести страшнее смерти.

Старец умолк, лишь его дрожавшие губы свидетельствовали, что он продолжает свой неслышный монолог. Последняя фраза прозвучала более явственно:

— Игумен хитер: вместо лекаря прислал шпиона...

— Что это вы такое говорите, старче! — возмутился Афанасий.— Или не верите моим сединам? Полно!

Скажите лучше, зачем писали донос, когда наверное знали, что замысел ваш обречен?

— Один Бог ведал мой план. Легко ли изгою добраться до царя! Нужен повод... Смерть Александра и подмена сосудов, чему свидетелем я нечаянно стал,— вот счастливый случай! Покуситься на цареву жизнь можно и в одиночку...

По спине Афанасия поползли мурашки.

— Полно, старче...

Старик облизнул синюшные губы.

— Не веришь? Ладно, не бери в ум. Может, Александр вовсе не умирал? Посмотри-ка получше... Ну, как — похож? Смекай, кто перед тобой лежит!

Гений мистификаторства не оставлял Федора Кузьмича и на краю смерти. Его притягательная сила была настолько велика, что Афанасию стоило большого труда совладать с собой и трезво оценить ситуацию:

— Будет юродствовать, старче!

Федор Кузьмич согласился:

— И то верно, какой из меня царь! Каюсь, хотел посягнуть на Николая. Он не имел и толики разума Александра. Что предвещало Польше его правление? Не тебе рассказывать, брат, сколько бед понесли поляки. Не мне суждено пошатнуть царев трон. Дом Романовых крепок...

Слушая Федора Кузьмича, Афанасий поражался его ненависти к самодержавию. Она испепеляла старику душу, но она же придавала немощному телу подобие жизни.

Федор Кузьмич настолько обессилел, что уже не мог вести связную речь. Однако в глазах его Афанасий прочитал немой вопрос, задать который без понуждения со стороны старец был не в состоянии.

— Вы хотите знать, кто убил Александра? — спросил Афанасий, положив руку поверх седой головы Федора Кузьмича.

Старик согласно прикрыл веки. Его блеклые глаза увлажнились, он снова взял священника за руку, боясь прервать связь с далеким прошлым, олицетворением которого был этот человек, разделивший с ним знание «таганрогской тайны». Ведь Афанасий нуждался в исповеди не менее Федора Кузьмича. Он ничем не рисковал: старец был при смерти.

— Да, старче, царь был отравлен. Нет, не князем Воронцовым, как утверждали сплетники. Его убил ту-

рок по наущению личного лекаря императрицы Уилсона. Мария Федоровна была слишком доверчива, да к тому же любила этого негодяя. Но главная тайна, старче, в том, что идеей Уилсона было посадить на российский престол своего внебрачного сына... Через альков Уилсон узнал от Марии Федоровны, что Александр отрекся в пользу Николая. Но ведь это отречение было чисто символическим, останься государь жив многие лета! Маньяк понял, что путь злодейству открыт. Уилсон рассчитывал вершить политику России путем шантажа своего незаконнорожденного отпрыска или, на худой конец, его матери... Отчасти ему это удалось.

— Не страшно тебе носить сию тайну? — прошептал Федор Кузьмич.

— Всевышний возложил на меня это бремя, он же и снимет. Теперь о вас, старче... Не хотите ли сообщить что-нибудь своим детям? Иначе ни в Польше, ни в России никто и никогда не узнает ничего о продолжателе рода Лихацких. Это ли судьба!..

— Принеси свечу...— попросил умирающий.

Афанасий исполнил его просьбу: нашел свечу, зажег ее и вложил в коченеющие руки старца. Дыхание Федора Кузьмича было таким слабым, что совсем не касалось пламени.

— Чужую жизнь прожил не своей волей... Посему душа моя вопиет об отмщении. Пророчествую, трон Романовых содрогнется от зол их. Ради сего остаюсь навечно бродягой. Сей исповедью снимаю с себя грех. Не имай зла...

Последний, тяжелый вздох вырвался из груди старца. Афанасий провел рукой по его холодеющим векам и спешно покинул келью.

Федор Кузьмич был похоронен на погосте томского Алексеевского монастыря. Вскоре по личному указанию начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии князя Василия Долгорукова немудреное имущество старца затребовали в Петербург.

Долгоруков помнил о своем участии в судьбе Анцимирисова. А посему досмотр вещей старца был произведен без ведома Александра II. В посылке, присланной из Томска, лежал католический молитвенник, несколько записок и костяное распятие. Одна из этих

записок являлась точной копией шифрованного послания Федора Кузьмича к генералу Остен-Сакену. Другая, написанная старославянским шрифтом, гласила: «Видишь, на какое молчание жажда мести обрекла. Но коли ради сего молчат, правды не оглашают».

Распорядившись вернуть немудренное наследство старца в Томск, Долгоруков с легким сердцем поспешил в Казанский собор. Там он пожертвовал на панихиду по усопшему бродяге двадцать пять рублей. Князь полагал, что остался единственным свидетелем перевоплощения ссыльного есаула в знаменитого подвижника церкви. Он не знал, совладельцем какой тайны был на самом деле Федор Кузьмич.

ПОСЛЕДНЯЯ АВАНТЮРА БОНАПАРТА

БЕГСТВО

И в тайне — ты почиешь, Русь.
Александр Блок

Семлево, 23 октября 1812 г. *

Вчера Милорадович попытался отрезать арьергард Даву от остальных сил французской армии, растянувшейся на добрые пятнадцать верст от Вязьмы до Федоровского. Не дожидаясь исхода событий, Наполеон вместе с гвардией ускакал в Семлево, распорядившись, чтобы Понятовский и Богарне вернулись из Вязьмы на помощь попавшему в беду Даву.

Император остановился на ночлег в семлевской церкви. Недалеко от алтаря на каменном полу потрескивал костер. Дым поднимался под самый купол и висел там сизоватым облаком. Сам император устроился на хорах, украшенных изящной балюстрадой. Этой ночью он не сомкнул глаз. Наполеон пребывал в том оцепенении, которое порой охватывает даже деятельных людей. Он сидел в золоченом кресле похожий на замерзшего воробья.

Впервые бессонница овладела Наполеоном после московского пожара, когда, едва вырвавшись из охваченного огнем Китай-города, император ускакал в Петровский дворец. Москва застопорила триумфальную поступь его армии. Почему именно русские разбили его честолюбивые замыслы? Размышляя сейчас над этим вопросом, Наполеон в душе уже сознавал, что этой войны ему не выиграть, а его обещания дать русским решительное сражение — обман, предназначавшийся тем, кто еще верил в счастливую звезду завоевателя Европы.

Наполеон вдруг вспомнил, что до сих пор не отправил письмо в Париж Марии-Луизе, хотя написал его еще третьего дня в Вязьме. Письмо это кроме

* Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

обычных успокоительных известий содержало и жалобы на то, что пальто, которое он носил в России, годится лишь для парижских бульваров...

Наполеон хотел отдать приказание насчет письма, но не успел: в глаза ударила яркая вспышка. Император вскочил с кресла и бросился к окну. Пренебрегая опасностью, он выглянул во двор, забитый экипажами; неподалеку от них рвались гранаты и, падая, бухали ядра. Всполошившиеся возницы пытались оттащить лошадей из зоны обстрела, ругались на чем свет стоит, и от этого сумятица только усиливалась... Наконец берейторам удалось справиться с лошадьми и отвести их за церковное кладбище, до которого ядра не долетали.

Забрезжил рассвет. Наполеон схватил подзорную трубу и навел ее на лес, пытаясь разглядеть, откуда стреляли по церкви. Из-за высоких сосен то и дело подымались клубы дыма...

Первая растерянность прошла. Французы поняли, что пальба по ставке императора — всего лишь дерзкая вылазка небольшого отряда бомбардиров, как вдруг новое ядро ударило в большой стопудовый колокол. Звон его произвел настоящую панику. Штабные генералы бросились к Наполеону, уговаривая его немедленно продолжать марш. Мистически настроенный император готов был тотчас последовать их совету, но одно дело удерживало его в Семлеве. Оно требовало обсуждения, поэтому Наполеон созвал генералов в алтаре на совет.

Никто из свиты не смел сказать и слова, покуда император стоял с поникшей головой у стола. Со стен на него скорбно взирали лики святых. Не поднимая головы, император сделал признание, стоившее ему немалых усилий:

— Господа, я не могу более рисковать нашими знаменами. Потерять хотя бы одно из них — позор для великой армии!

Дюрок поспешил успокоить Наполеона:

— Ваше величество, половину их мы уже отправили в безопасное место...

— Я не знаю, Дюрок, где теперь такое место. Оставшиеся знамена распорядитесь раздать гвардии. Пусть гвардейцы несут их в ранцах, а еще лучше... на поясах под мундирами.

Как раз в эту минуту прискакал от Даву ординарец

с донесением. Император с тревогой принял пакет из рук посыльного офицера, торопливо надорвал его, развернул и углубился в чтение.

— Что с Нагелем? — спросил Наполеон, не отрывая глаз от письма.

— Ваше величество, бригада генерала разбита. Положение маршала Даву тоже тяжелое. Виной тому раненые и обозы. Одному богу известно, как мы выберемся из окружения.

Донесение Даву вынудило Наполеона действовать решительно. Он отдал приказ отступать на Славково. И все же император не смог на этом совете отказаться от прежнего намерения дать русским генеральное сражение. Что касается последнего поражения под Вязьмой, то на сей раз император пожелал узнать, что думают по этому поводу генералы. Их мнение выразил Коленкур, бывший посол Франции в России. Рискуя навлечь на себя гнев Наполеона, он все же осмелился обратить внимание императора на неудобства, причиняемые присутствием в армии множества обозов.

— Мой император, вы сами видите, что несчастья Даву произошли из-за обозов. Если мы не предпримем срочные меры, чтобы защитить их и ускорить их движение, то русские и дальше будут отсекать от нашей армии большие куски. Париж не увидит ни трофеев, ни самой армии.

Наполеон вскинул голову:

— У меня нет лишних солдат... К тому же, маркиз, вы сошли с ума, если полагаете, что я иду в Париж! Мои трофеи будут там раньше, чем закончится кампания. Я не изменю своих планов, дам русским решающее сражение и — если только после этого они не пожалуют ко мне с предложением мира — стану до весны на квартиры в Смоленске. Коли Александру мало Москвы, я буду в Петербурге! Без добычи нет войны. Почему вы молчите, господа? Разве каждый из вас не обременен десятками фур с русскими трофеями? Ваша добыча принадлежит вам, моя — Франции! Вы хотите что-то сказать, Сегюр?

— Если позволите, ваше величество... Самые тяжелые орудия отягощают нас не менее трофеев. Начальник артиллерии просит дозволить ему уничтожить часть пушек, иначе мы не довезем трофеи до границы.

— Никогда! — воскликнул Бонапарт.— Пока есть

орудия, мы — армия. Если бы не пушки, Даву был бы уже разбит. Я оставлю в Семлеве часть трофеев с условием, что потом их можно будет легко найти... Скажите, Нарбонн, что слышно о тех фурах, что были посланы мною в начале октября по коммуникационной линии? — Наполеон имел в виду весьма незначительный груз, отправленный по его приказу в польское селение Валевицы, где жила графиня Мария Валевская.

Нарбонн отвечал нехотя:

— Ваше величество, русские спешат к Березине...

— Вы не ответили на мой вопрос! — Наполеон сверлил взглядом стушевавшегося генерала.

— Последнее донесение получено мною из-под Минска,— выдавил наконец Нарбонн.

— Когда?

— Вчера поздно вечером.

— Граф, вы достойны разжалования в солдаты! Я просил вас докладывать мне о важных делах в любое время дня и ночи. Позор! Очевидно, что теперь только чудо спасет этот обоз. Дидевиль, подготовьте приказ: мы оставим в Семлеве самые обременительные для нас трофеи и, возможно, какие-то бумаги канцелярии. Позже мы дополним его списком предметов. Граф, разыщите генерала Гранье! —Наполеон повернулся к Сегюру.

Отправляясь выполнять приказ императора, Сегюр столкнулся в алтаре с Коленкуром:

— Скажите, маркиз, чем объяснить такую сговорчивость императора? Я имею в виду трофеи...

Коленкур лишь пожал плечами, уклонившись от прямого ответа:

— Не знаю, генерал. В любом случае это недурно придумано.

Обоз Главной квартиры, казна, трофеи — все это до последнего дня двигалось впереди основной армии, охраняемое баденскими гренадерами. Если обоз с казной и бумагами канцелярии стоял возле семлевской церкви, где была ставка Наполеона, то его добыча находилась в трех верстах отсюда, в имении помещика Бирюкова.

Имущество императорского обоза было упаковано в зарядные ящики, пеньковые мешки и бочонки из-под пороха и надежно укрыто от постороннего глаза. Никто из шестидесятитысячной армии Бонапарта не знал,

что именно находится в той или иной повозке. Лишь один человек легко ориентировался во внушительном количестве ценностей, которыми оскорбленный император хотел «подсластить» горечь московского похода. Звали этого человека Пьер Куперен...

Московская добыча императора сравнительно легко перенесла многодневный переход к Вязьме. Потери ее были незначительными — не то что у остальной армии, которую даже в относительно спокойные для французов дни постоянно беспокоили летучие отряды казаков и партизан.

Генерал Гранье прибыл в ставку почти одновременно с Кcallупереном. Наполеон ждал их с нетерпением.

— Господа, я пригласил вас поговорить о деле, которое не терпит промедления. Вы, полковник, нужны мне для исполнения особого задания, суть которого изложена в этом приказе.— Наполеон передал Куперену пакет.— Кстати, Пьер, вы знакомы с генералом Гранье?

— Нет, ваше величество,— ответил Куперен не моргнув глазом.— Не помню...

— Помилуйте, ваше величество!..— не удержался от восклицания Гранье. Ему было отчего удивляться. Ведь Куперен, как и сам Гранье, в оккупированной Москве состоял при муниципалитете: один — поручиком по особым поручениям, а второй — дежурным офицером.— Я никак не предполагал, что за две недели можно пройти путь от поручика до полковника!

— В моей армии, генерал, возможно и не такое! — Подобие улыбки снова мелькнуло на губах императора.— В иное время, господа, эта история могла бы стать сюжетом для занимательной пьески, но сейчас всем нам не до водевилей. У нас затруднения с лошадьми: они едва тянут орудия. Я уже отдал приказ уничтожить часть фур с продовольствием, чтобы высвободить лошадей для пушек. Смоленские склады имеют запас хлеба на всю зиму, а сейчас для нас пушки важнее хлеба. Но трофеи!.. Они также препятствуют нашему движению вперед. Я напрасно не отправил их неделей раньше из Москвы.

— Ваше величество, у всех на устах было слово «мир».

— Полно, Пьер! Каждому из моих подчиненных есть чем оправдаться. Все вы скрываетесь за моей спиной. Ну, хватит об этом! Вы, генерал, примете от

полковника обоз с трофеями. В вашем распоряжении, господа, один день. Кстати, Пьер, что говорят в Москве о кресте с колокольни Ивана Великого?

— Ваше величество, в народе ходят слухи, что вы увезли его с собой. Власти закрыли Кремль для посторонних. Очевидно, боятся бунта черни.

— Что ж, Пьер, я рад, что ваши слова соответствуют истине. Я уже написал в Париж, что «слава России» следует за мной в обозе. Лучше я утоплю ее где-нибудь в Днепре, чем верну русским! Теперь обратимся к карте. Итак, вот место, где вам, генерал, надлежит сокрыть московскую добычу императора Франции! — Наполеон ткнул пальцем в лесной массив в окрестностях Семлева.— Точнее определите сами. Вы, Пьер, пока свободны... Обождите внизу, у меня еще будет к вам несколько вопросов. И поспешите ознакомиться с новым приказом.

Оказавшись наедине с Наполеоном, Гранье преисполнился особого трепета, который охватывал его всякий раз, когда он оставался с императором с глазу на глаз.

— Скажите, генерал, как велики ваши личные трофеи? — неожиданно спросил Наполеон.

Гранье вынул из ножен кривую саблю с золоченым эфесом.

— Это все, ваше величество, что я позволил себе взять у неприятеля. У меня нет никого, кому бы я мог оставить наследство.

Наполеон усмотрел в словах генерала намек, оскорбивший его.

— Я шел в Россию не за золотом. Моя цель величественна! Как только мы овладеем Петербургом, я сделаю Россию свободной. Я не грабитель, барон! И запомните, генерал, отныне любой мой приказ должен исполняться вами беспрекословно, каким бы странным он вам ни показался! — Наполеон сделал ударение на последних словах.

Тут дверь храма с шумом распахнулась. Два дюжих француза вели под руки здоровенного мужика в разорванном зипуне, без шапки. Ординарец императора взбежал на хоры:

— Ваше величество, гусары поймали крестьянина, помогавшего партизанам стрелять по церкви. Он легко ранен, говорит, что из местных — семлевских...

— Почему не удрал вместе с остальными? — Брови императора сошлись на переносице.

— Он хотел посмотреть на вас...

— Барон, каково мне это слышать? — посетовал Наполеон, обращаясь к генералу Гранье, и горько усмехнулся: — В то время как Александр всячески избегает говорить со мной о мире, этот мужик добровольно является в ставку... Впрочем, в России нас ждут еще и не такие сюрпризы. Отпустите его, Потье, ко всем чертям: сегодня я великодушен!

— Ваше величество!..— Гранье осенила идея.— Нельзя ли использовать этого мужика для известного вам дела? Наверняка он знает каждый куст в здешнем лесу.

— В таком случае, барон, вы подписываете ему смертный приговор!

— О, ваше величество, он заслужил его троекратно, и если бы не ваша милость...

— Хорошо, я согласен... И вот еще что...— Император присел на край кресла, взял чистый лист бумаги и поставил внизу свою подпись.— Это карт-бланш, барон. Распорядитесь им по своему усмотрению, если потребуется.

Часом позже карета императора в сопровождении голландских гусар понеслась в направлении Славкова. Наполеон словно спешил опередить судьбу, доставившую ему в последние дни так много неприятностей. Однако эта капризная «дама» прочно обосновалась на запятках императорского экипажа.

23 октября 1812 г., окрестности Семлева

Усадьба была оцеплена плотным кольцом гренадеров, внутрь не пускали даже высших офицеров. Здесь стояли подводы, груженные московскими трофеями. К полудню Куперен завершил отбор груза, назначенного к захоронению. Документы на наго полковник вручил генералу Гранье, сам же, не мешкая, покинул Семлево вместе с другим обозом, состоявшим из нескольких десятков фур. Всем, кто имел к ним какое-то отношение, было объявлено, что фуры идут со съестными припасами. Куда и кому они предназначались, оставалось тайной.

Растянувшийся на четверть версты обоз генерала свернул со Смоленского тракта на Ельнинскую дорогу. Рядом с бароном ехал крестьянин, взятый Гранье к Семлевскому озеру, обозначенному на их картах тремя

верстами южнее одноименного села. Гранье возмутился:

— Да тут совершенно невозможно подойти к воде: кругом трясина! — Он гневно посмотрел на мужика.

— Не извольте гневаться, господин француз... Вы сами указали на семлевское болото.

— Ну хорошо! — отрезал Гранье.— А есть ли тут поблизости другое озеро, где бы имелся твердый спуск к воде?

— Извольте, господин...— Мужик тронул поводья лошаденки, на которую его посадили французы.

Гранье с недоверием посмотрел в немигающие глаза мужика...

Обогнув болото с западной стороны, обоз двинулся вдоль кромки леса. Версты через три проводник слез с коня и повел его в узде, раздвигая широкой грудью засохший кустарник. Впереди показался березняк... Миновав его, колонна вышла к озерку... Подождав, пока подтянутся остальные фуры, Гранье пошел следом за мужиком к старому деревянному помосту, по которому, минуя заиленный берег, можно было подойти к чистой воде.

Не мешкая, Гранье отдал приказ промерить в этом месте глубину. Она оказалась достаточной, и барон отдал соответствующее распоряжение, но тут к нему подскочил командир конвойного отряда:

— Господин генерал, велено передать вам в последнюю минуту! — Он вынул из-за отворота мундира голубой пакет с печатью. Гранье отошел в сторону, и вскоре до офицера донеслось его восклицание:

— Не может быть! Нет, я не верю своим глазам...

Письмо, которое читал Гранье, было написано рукой императора. Генерал понял, что Наполеон заготовил его заранее. Тем более странным показалось барону содержание этого письма: «Гаспар, вы должны понять и простить меня, ибо даже сейчас — в роковых для меня обстоятельствах — я не могу пойти на поводу у случая, посягающего на мою честь. Не удивляйтесь, коли случайно узнаете, что в обозе, который вам надлежит утопить, не будет трофеев. Я надеюсь на Куперена и думаю, что богатства Кремля не постигнет участь тех скромных подарков, что отправлены были мной в Валевицы. Думаю также, что другая часть моей московской добычи вместе с казной и найденными в Арсенале Кремля знаменами благополучно доедет со

мной до Парижа. Сегодня победу решает не сытость солдат, а пушки. Именно поэтому я распорядился подменить ценности вверенного вам обоза провиантом. Я вполне доверяю вашей преданности ко мне и тому обязательству, которое вы приняли на себя для исполнения моего приказа.

Наполеон».

23 октября, 7 часов пополудни

Французы бежали из Вязьмы, потеряв убитыми и ранеными более четырех тысяч человек. Поздно вечером из ставки Главнокомандующего русской армией в Вязьму с оказией прибыл капитан Хмельницкий. Он доставил Милорадовичу поздравление фельдмаршала с победой и вручил приказ о дальнейшем преследовании французов. Генерал расположился на отдых в доме, где за сутки до того жил Наполеон.

— Как думаете, капитан, почему командующий не ответил на мое письмо, в котором я сообщал ему о планах нападения на неприятеля?

Хмельницкий ждал этого вопроса.

— Фельдмаршал просил меня, ваше высокопревосходительство, возвратить вам его в том виде, в каком оно было передано вашим курьером дежурному генералу Коновницыну...

Разорвав пакет, Милорадович разразился громоподобным хохотом: в пакете ничего не было. Продолжая смеяться, он встал со стула и обнял Хмельницкого за плечи:

— Вот ведь как везет Бонапарту! Кабы не моя рассеянность — быть ему битым основательно еще сегодня. Жаль, не пришлось принимать мне шпагу вице-короля, а мог бы! Вас, капитан, я запомню: не всякий офицер приносит такие известия. Кстати, почему до сих пор в малом чине?

— На военной службе я недавно, ваше высокопревосходительство...

— Уж не потомок ли вы, сударь, знаменитого Богдана?

— Да, ваше высокопревосходительство, хотя не унаследовал от него и десятой доли его ратного духа. Более склоняюсь к сочинительству...

В это время, прервав Хмельницкого, в комнату вошел штаб-офицер и доложил:

— Весьма срочно, ваше высокопревосходительство... Сегодня ввечеру нами пойман бродяга... Уверяет, что поутру виделся с самим Бонапартом.

— Давай его сюда, голубчик. Капитан, останьтесь!

Едва мужика ввели в комнату, как он грохнулся генералу в ноги. Шапка и зипун на нем отсутствовали, кровь запеклась на щеках и бороде. Рубаха и порты держались бог знает на чем.

Милорадович сидел, опершись рукой на эфес шпаги.

— Ну, дружок, говори кратко: кто ты и что хочешь?

Мужик ударил лбом об пол:

— Как перед богом... верь слову, барин! Знаю, где француз золото припрятал, числом несметно... Сам место указывал. Думал, туды и меня... на дно, как есть, да вишь матерь божья спасла. Палили в спину отчаянно... Добро спасать надо! Слыхали мы, что дюже пограбил Москву супостат. Может, то и есть трофеи басурманские? В Лужковском озере они... в пяти верстах от Семлева...

Когда мужика увели, Милорадович подошел к печи и прислонил к ней руки. Обращаясь к Хмельницкому, он начал вслух размышлять:

— Признаюсь вам, капитан, речь этого разбойника сгодится скорее литератору, нежели нашему брату, военному. Не тот еще Бонапарт, чтобы оставить награбленное без баталии. Немало повозок отбили мы у него... даже и с трофеями, но ни одна из них не была еще из обоза самого императора, а все — офицеров да генералов, кои тщатся довезти свое добро до дому. Видно, правду говорят у нас: ворованное сено — коню не в корм. Прощайте, капитан!

26 октября 1812 г.

Перед тем как последовать вслед за Купереном по старой Смоленской дороге, расскажем вкратце об этом человеке, сыгравшем столь заметную роль в судьбе Бонапартовых трофеев...

Сын жирондиста, казненного якобинцами по решению революционного трибунала, Пьер Куперен бежал из Парижа в Тулон, где в то время молодой Бонапарт освобождал город от монархистов и англичан. Тогда же Куперен сменил фамилию и стал Пьером Жеро-

мом. Предпочитая мраку неизвестности риск, он все без утайки рассказал о себе будущему императору Франции...

Наполеон определил Куперена рядовым в один из батальонов. Став бригадным генералом, он уже не выпускал из поля зрения храброго солдата. В битве при Маренго Наполеон пожаловал ему чин поручика, а пять лет спустя — полковника.

Изучив русский, Куперен-Жером едет с рекомендательным письмом в Россию. На первых порах он служит гувернером у одного частного пристава, а по прошествии двух лет, тоже по протекции, поступает на службу в Московскую почтовую экспедицию, где в то время работал Адам Брокер — давний друг отца будущего генерал-губернатора Москвы Федора Ростопчина.

Не без помощи Жерома в экспедиции были вскрыты серьезные злоупотребления... В награду за усердие Брокер назначается полицмейстером Москвы. В свою очередь, он благоволит к усердному французу, протежируя его в секретари Московской городской управы.

Любопытный и вездесущий секретарь начал усиленно интересоваться русской стариной. Он день за днем составляет опись наиболее замечательных московских древностей, хранившихся в соборах и монастырях «первопрестольного града». Судьба многих из этих раритетов в недалеком будущем оказалась в руках зауряд-поручика Пьера Жерома, коего в управе называли запросто Павлом.

Возможно, с подачи Жерома Брокер внушил Ростопчину мысль, что никоим образом не следует оголять стены соборов от икон и прочих драгоценностей, покуда положение Москвы не будет безнадежным... Позже, оправдываясь перед потомками за похищенные сокровища Кремля, Ростопчин будет уверять, что все ценное заранее вывезли в безопасные места...

Оккупировав Москву, Наполеон поручил Куперену сформировать императорский обоз из награбленных сокровищ. В их числе, согласно прихоти Бонапарта, должен был находиться золотой крест с колокольни Ивана Великого в Кремле.

На третий день после своего отъезда из Семлева Куперен миновал Смоленск и возле деревни Ляды догнал карету, сопровождаемую небольшим конвоем. Начальник конвоя узнал Куперена.

— Господин полковник? Позвольте поздравить вас с блестящей карьерой... Простите за откровенность, но с какой стати император так щедр на чины при столь плачевном положении нашей армии?

Куперен ответил холодно, едва сдерживая норовистую лошадь:

— Вы недобро судите, капитан...

— Господин полковник, поверьте, я не хотел обидеть вас! Но обстоятельства...

— Вот именно, капитан! Обстоятельства сейчас таковы, что мне не до шуток. Скажите лучше, не слышали ли вы что-нибудь об отряде, следующем из Москвы вдоль коммуникационной линии с кое-каким грузом?

— Смотря с каким грузом, господин полковник... Я знаю, что из Парижа следует обоз с кофемолками. Подумать только! Они скорее сгодятся на то, чтобы перемолоть наши кости.

— Вы забываетесь, капитан! В иное время я арестовал бы вас за измену...

— Вы правы, господин полковник: всему свое время. В начале кампании я мечтал о собственном имении под Москвой и чудесных русских рысаках. Теперь же, полуголодный, я везу в Париж пленного русского генерала...

Кончиком шпаги Куперен приподнял штору, закрывавшую окошко кареты. Внутри на обшитом красным бархатом сиденье он увидел генерала Винценгероде. Генерал был взят в плен при весьма интересных обстоятельствах. Узнав о намерении маршала Мортье взорвать Кремль, он явился к нему парламентером и заявил, что, если хотя бы одно из кремлевских строений будет разрушено, все французы, находившиеся в плену у русских, будут расстреляны.

— Узнаете ли вы меня? — спросил Куперен пленного не без злорадства, ибо был знаком с ним еще в ту пору, когда работал секретарем Московской городской управы, выполняя в России секретную миссию по личному заданию Бонапарта.

Увидев полковника, Винценгероде опустил голову и зло ответил:

— У меня нет и не может быть знакомых среди вашего воинства!

С нескрываемым раздражением Куперен опустил штору.

— Так как же, капитан... Вы что-нибудь слышали об этом обозе?

— Вряд ли смогу чем-то помочь вам, господин полковник. Впрочем, сегодня поутру я оставил в смоленском госпитале одного из моих людей... Рядом с ним лежал унтер-офицер, кажется, курьер. Он бредил и говорил о фураже, который нужно доставить какой-то польской пани...

— Упоминал при этом город или деревню? — Куперен схватил капитана за руку.

— Кажется, Несвиж...

Куперен вздыбил лошадь.

— Спасибо, капитан! И впредь поменьше говорите о чужих костях, если вам дороги свои...

Предостережение Куперена оказалось ненапрасным. Через несколько дней карета с пленным Винценгероде оказалась в руках флигель-адъютанта Чернышева. Обрадованный таким исходом дела, Винценгероде поделился своей озабоченностью в связи с появлением в глубоком тылу французов поручика Жерома — под этой фамилией ему был известен Куперен,— настоящая роль которого в Москве стала для него более чем ясной. Чернышев велел доложить Чичагову, командовавшему Дунайской армией, о новоявленном полковнике и возглавляемом им обозе.

Несвиж, 1 ноября 1812 г.

Наполеон продолжал отступать из Смоленска в сторону Красного, где его ожидало новое кровопролитное сражение...

В это время Куперен прибыл с обозом в древний Несвиж. Первым делом он учинил разнос старому коменданту за царившее в этом городе благодушие. Затем, сбросив с ног отяжелевшие от сырости сапоги, полковник устало опустился прямо на пол возле затопленной печи и сбавил тон:

— Если бы вы знали, господин комендант, как я рад нашей встрече! Вы немец?

— Нет, господин полковник. Австриец, из Миттерзилля. Мой сын... мой мальчик в Шеннбруне, в дворцовой охране, а я...— комендант едва не плакал.

— Вы еще увидите своего сына! На войне выживают те, кого ждут,— добродушно сказал Куперен. Он с удовольствием ощутил, как по его телу разливается приятное тепло.

Но вот с городской площади донесся тревожный

голос трубы. В ту же минуту в комнату влетел сержант из дозора:

— Господин комендант, у города русские!..

...Лошади, яростно понукаемые конвоирами, выбивались из сил под тяжестью груженых подвод. Обогнав обоз, растянувшийся на четверть мили, Куперен проскакал по ветхому деревянному мосту, перекинутому через глубокий оборонительный ров, и соскочил с лошади у ворот Несвижской крепости. Внутри возвышался великолепный по красоте дворец, выстроенный более трехсот лет тому назад польскими магнатами Радзивиллами, выбравшими местом своей резиденции город Несвиж.

— Именем императора!..— рявкнул Куперен, и после некоторого молчания кованая калитка отворилась.

— Какого черта!..— только и успел произнести тщедушный поручик, у которого при одном взгляде на свирепое лицо Куперена пропал дар речи.

— Где ваш командир? — грозно спросил Куперен, переступая порог калитки.

— Месье, мне приказано... господин полковник в казарме...

Минуту спустя навстречу Куперену выскочил заспанный полковник Шеридан, командир того самого обоза, что был отправлен Наполеоном в Валевицы.

Куперен словно бы не замечал, что разговаривает с офицером, равным ему по званию:

— Теперь, полковник, ваши солдаты будут подчиняться мне! Вот-вот в городе появятся русские. Его величество надеялся на вас, а вы не спешите исполнить его приказ, безмятежно отдыхая в крепости. Вы верно полагаете, что наш император остался в Москве? Спешу огорчить вас: он, по-видимому, уже во Смоленске!

Обескураженный неожиданным известием, Шеридан начал лихорадочно застегивать мундир.

— Что делать? Это так невероятно...

Тем временем до слуха офицеров донеслись орудийные залпы. Лицо Куперена стало мрачным.

— Они уже в городе! Прикажите разобрать мост и выставьте как можно больше солдат на башнях. Если силы русских велики — бежать бессмысленно. Где ваши повозки?

— Господин полковник, они в смежном дворике, а лошади в подземной конюшне.

— Хорошо! Все тридцать фур, что прибыли со

мной, поставьте на площади перед дворцом. Есть ли здесь кто-либо из хозяев крепости?

— В данный момент, господин полковник, за хозяина — комендант...

— Пусть явится ко мне тотчас!

В отсутствие владельцев Несвижского замка Радзивиллов всю власть в нем осуществлял комендант крепости Бургельский. Слушая теперь свалившегося на его голову как с небес Куперена, он еле сдерживал возмущение — француз вел себя в высшей степени надменно:

— В данных обстоятельствах, господин комендант, мои приказания для вас — закон! Возможно, скоро здесь будут русские. Но — клянусь честью! — они ворвутся в крепость лишь в том случае, если в живых не останется ни одного из моих солдат!

Быстро обойдя территорию крепости, Куперен нашел фуры с подарками императора, предназначавшимися пани Валевской. Затем приказал коменданту проводить его во дворец, еще надеясь на какое-то чудо, которое может спасти от русских злополучную добычу Наполеона...

Ружейная пальба, разрывы гранат, крики «ура» — все это внезапно нарушило тишину дворцового парадного зала. Куперен подбежал к окну...

Положение осажденных в крепости французов было безвыходным. Подступившая к ней русская кавалерия в ожидании саперов обстреливала дворец из легкого стрелкового оружия. Между тем Бургельский понял, что прибывший вместе с грозным французом груз имеет исключительную ценность. Иначе зачем весь этот переполох?

Несмотря на опасность, Куперен был внешне спокоен.

— Господин Бургельский, я могу лишь сожалеть, что пути наши пересеклись так неожиданно. Я не имел намерения стать причиной ваших несчастий. Но я солдат и не могу не выполнить возложенного на меня приказа. Русские ворвутся сюда не раньше, чем я буду мертв!

— Прекрасно понимаю вас, господин полковник... Но чем я могу вам помочь? Наш дворец... добро... Оно нажито веками. Что скажет пан Доминик? Он ушел на Москву вместе с вашим императором. Боже

благословенный, каково ему там сейчас! — Бургельский заломил в отчаянии руки.— Пан полковник, я решился... у меня нет иного выхода...— Комендант перешел на шепот.— Да, пан полковник, этот час настал. Я открою вам тайну, которую знали только двое: мой старый хозяин и я. Умирая, старый пан завещал мне ее как святыню. О, это жуткая история! Когда-то Несвиж был сущей Меккой для иезуитов...

Похоже, комендант испугался, что сказал лишнее, и поспешил увести разговор в сторону.

— Какой беспечностью было с моей стороны впустить в крепость пана Шеридана! Кто мог знать, что враг рядом? Пан полковник, ваш обоз...

— Это обоз, Бургельский, принадлежит императору Франции!

— Тем более, пан полковник, тем более... Нам надо спешить! Если русские взломают ворота, будет поздно...

Бургельский сбросил с плеч кашемировый халат и решительно направился к стоявшему в парадном зале камину. Под его карнизом в зверином оскале застыли две бронзовые львиные морды. В зубах у них были бронзовые же кольца. На глазах у удивленного полковника Бургельский повернул одно за другим оба кольца... Верхняя часть камина стала отделяться от стены, в то время как нижняя медленно уходила под пол. Из отверстия на Куперена повеяло сыростью и холодом. Сняв со стены факел, Бургельский зажег его и пригласил полковника следовать за собой в подземелье...

Оно заканчивалось просторным помещением. Справа Куперен заметил окованную свинцовыми полосами задвижку.

— Это старый люк, пан полковник,— пояснил комендант.— В прежние времена подвал сообщался с улицей. Туннель выходил на поверхность в том месте, где сейчас находится каскад прудов.

— Значит, хода отсюда наружу нет?

— Нет, пан полковник.

— Зачем тогда было устраивать этот лаз?

— В прошлом он не раз выручал жителей крепости... Позже кому-то пришла мысль соорудить за крепостным валом пруды, как это стало модным в русских усадьбах. Пришлось сделать плотину на Уше, а здесь поставить заслонку, чтобы вода не затопила подвал. Но заслонку можно поднять...

— Где же лебедка?

— Мы прошли мимо нее. Это двумя маршами выше...

— Прекрасно, Бургельский! Будьте уверены: император не оставит вас без милости, когда узнает, каким чудом нам удалось спасти его груз. А где хозяйка дворца? Разве ее тоже нет?

— Пани с паненкой в Берлине... Они гостят у пана Антония — брата моего хозяина. О, он очень талантливый человек! Вы, может быть, слышали, что сам великий Гёте поручил ему писать музыку к «Фаусту»?

— Я рад, Бургельский, что вы служите таким достойным господам. Однако время не терпит! Надо перенести в подземелье все вещи с повозок, которые стоят на площади. Думаю, ваши слуги справятся с этой задачей не хуже моих солдат?

— Ни в коем случае, пан полковник! Никто, кроме нас с вами, не должен знать тайну подземелья.

Куперен резко схватил коменданта за плечо:

— Вы, верно, забыли, что солдаты великой Франции предпочитают умирать в честном бою... Я не хуже вас понимаю, что живых свидетелей нашей тайны быть не может. И все же мои люди умрут за императора на крепостных стенах! Пан Бургельский, ваши слуги — истые католики, не так ли? Чем скорее они свидятся с богом, тем быстрее исполнится для них желанная благодать! Я уверен, всевышний воздаст им по заслугам!

Вскоре челядь пана Доминика начала перетаскивать в подземелье ящики с награбленными в Москве трофеями. По приказу Куперена щели в ящиках заливали воском. Для этой цели расплавляли и пускали в дело восковые фигуры польских вельмож и королей, стоявшие в зале. Бургельский распорядился также перенести в подземелье наиболее ценное имущество пана Доминика. В том числе серебрянные фигуры апостолов.

Сильнейший взрыв потряс стены крепости. В окнах дворца лопались стекла, на ореховый паркет пола сыпалась с потолка лепнина. Выстрелы звучали совсем рядом: русские солдаты проникли во внутренние покои дворца. В воздухе висели пыль и дым. Один за другим падали сраженные пулями французы...

Эхо взрыва донеслось до слуха коменданта.

— Пан полковник, они уже здесь!..

5 Заказ 2518

— Спокойно, Бургельский! Велите вашим слугам спуститься в подземелье. Я буду у решетки... Как только они окажутся по другую ее сторону, я закрою дверь.

Несчастные слуги пана Доминика исполнили приказ коменданта, полагая, что тем самым обретают в подземелье спасительное укрытие от русских солдат. Тем временем с помощью лебедки Куперен поднял задвижку... Вода хлынула в подвал, одну за другой накрывая ступени каменной лестницы. Все еще слышны были крики тонущих, когда в подземелье стало вдруг темно.

— Бургельский, где вы? — Куперен кинулся вверх — туда, где только что стоял комендант. Перед ним была глухая стена.

— Проклятый поляк! Он решил похоронить меня вместе со своей челядью и сохранить тайну дьявольского подземелья!

Командир казачьего отряда въехал на территорию крепости, когда сражение между русскими и оборонявшими ее французами подходило к концу. Казачий полковник продиктовал срочную депешу в штаб армии, но ни словом не обмолвился о канувшем как в воду обозе. Он сомневался, что таковой вообще существовал, хотя на площади перед дворцом стояли пустые повозки. Его не разубедило даже то, что молодой ротмистр обнаружил на одной из фур, что стояла в смежном с дворцовой площадью дворике, кованый сундучок, который впопыхах слуги пана Доминика не успели перетащить во дворец. В том сундучке вперемешку с нитями жемчуга и золотом лежали серебряные табакерки, медальоны и даже обломок архиерейского посоха, усыпанный бриллиантами, а также много другой золотой и серебряной мелочи.

Однако больше ничего обнаружено не было, и полковник сказал ротмистру:

— Не кажется ли тебе, что бедняга Венценгероде сделал из мухи слона? Три недели плена вполне могли помутить его разум. Опиши все, что есть в сундуке, да представь мне! А что говорит по этому поводу комендант?

— Он утверждает, что обоз точно существовал, но что в нем везли фураж. Куда и откуда, толком объяснить не может. Советует обратиться за разъяснениями к полковнику Шеридану.

— Хм! Но ведь он убит нами в перестрелке...

— Так точно.

— А ну, ротмистр, давай сюда эту бестию!

Ничего вразумительного, однако, комендант не сообщил.

Три дня спустя адмирал Чичагов лично осмотрел захваченные в Несвиже драгоценности, предназначавшиеся любовнице Наполеона Марии Валевской. Корпусной казначей оценил их в миллион рублей серебром. Между тем Чичагову донесли, что возле Муровщины русскими войсками отбит обоз Доминика Радзивилла с награбленными в Москве ценностями, которые пан Доминик спешил доставить в свое имение в Несвиже. Узнав об этом, адмирал страшно разгневался:

— Черт возьми! Екатерина совершила роковую ошибку, милостиво простив его отца... У нее было слишком пристрастное отношение к полякам!

Вскоре в Петербург ушло письмо, в котором Чичагов информировал Александра I о реквизированном обозе пана Доминика. Адмирал сообщал императору, что он учредил особую комиссию для того, чтобы определить, какая часть имущества несвижского имения Радзивиллов может быть изъята в Российскую казну для возмещения ущерба, нанесенного ей пребыванием пана Доминика в Москве. Сундук с драгоценностями был отправлен в Бобруйск до особого указа из Петербурга.

На пятый день после описанных событий жена Бургельского разбудила его среди ночи:

— Вставайте же! — сказала она громко, после чего прошептала ему что-то на ухо.

— Ты с ума сошла! — Бургельский вскочил с постели.— Где он?

— На кухне. Три дня ничего не ел...

В полуподвале, где располагалась дворцовая кухня, какой-то человек жадно поглощал холодный ужин. Это был телохранитель пана Доминика Скабневич, чудом спасшийся вместе с хозяином после боя у Муровщины.

— Боже, на кого вы похожи, Людвиг! Где князь? — спросил Бургельский.

— Лучше не спрашивайте... Мы попали в такой жернов... Положение Бонапарта аховое. Или он переправится через Березину, или... Хозяин послал меня

сюда, чтобы узнать, каково положение в крепости и цело ли имущество, оставленное им на ваше попечение? Боже, какая кара... Мы везли сюда кучу добра... Все отбито русскими...

Бургельский перебил Скабневича:

— Послушайте, Людвиг! Вам нельзя оставаться здесь долго. Пейте и ешьте, покуда я пишу князю записку... Передайте ему на словах, что я денно и нощно молюсь о его здоровье.

Утром в окрестностях Несвижа конный дозор русских остановил подозрительного всадника. У него нашли записку Бургельского к Доминику Радзивиллу, содержание которой было тотчас передано начальнику Несвижского гарнизона. В записке говорилось, что созванная Чичаговым комиссия реквизировала имущество Несвижской крепости, однако: «...многое, дорогой князь, я успел припрятать так, что вряд ли кто сыщет. Я имею в виду шестьдесят пудов столового серебра, то серебряное чудо, что всегда было вашей гордостью, и еще много такого, о чем сам не имею пока ясного представления, но знаю с очевидностью, что цены немалой.

Ваш навсегда, Бургельский».

Самонадеянный комендант гарнизона не посчитал нужным уведомить Чичагова о записке Бургельского и употребил все усилия на поиски указанного в записке имущества Радзивиллов, но безуспешно. Комендант Несвижской крепости стойко перенес пристрастные допросы, но тайны подземелья не выдал. Разъяренный командир драгун приказал расстрелять его вместе с пойманным телохранителем пана Доминика у крепостной стены.

Бобр, 12 ноября 1812 г.

Приказ Бонапарта уничтожать частные обозы, а высвобождавшихся из-под них лошадей отдавать артиллеристам под пушки выполнялся из рук вон плохо. Отряды военной жандармерии первыми нарушали этот приказ, поддаваясь искушению заработать несколько золотых с каждой повозки, и намеренно исключали их из числа тех, что подлежали уничтожению. Тем самым они выносили алчным держателям сокровищ смертный приговор: несчастные лишались главного своего преимущества — скорости...

Бессонница снова мучила Наполеона, но на этот раз она была кстати: он ждал ночного посетителя. Император вышагивал по комнате. Он дал выход охватившему его раздражению:

— Проклятая страна! Кажется, Коленкур был прав, отговаривая меня идти на Москву. Что ж, история отведет ему роль пророка...

— Ваше величество, прибыл генерал Гранье! — Плечи дежурного офицера были белы от снега.

— Пусть войдет. Ко мне никого не пускать — даже особых курьеров!

Едва Гранье переступил порог комнаты, Наполеон шагнул ему навстречу, держа на вытянутых руках свою шпагу.

— Возьмите, генерал, вы заслужили ее! Время показало, что я сделал верный выбор, доверив вам важное поручение. Эта шпага будет залогом нашей будущей дружбы. К сожалению, дорогой Гаспар, от Куперена нет никаких известий. Если он погиб, то вы и я останемся единственными, кто знает семлевскую тайну. Я не хочу расширять круг людей, знакомых с ней. Надеюсь все же, что посланные с Купереном трофеи избегут плачевной участи. Иначе это стало бы настоящей трагедией для Франции! Думаю, вы понимаете, что как только русские завладеют трофеями, у них будет предлог потребовать от Парижа контрибуцию, грозящую опустошить подвалы Тюильри, где хранится триста восемьдесят миллионов моих франков. Я знаю, как это делается! Я сам разорял музеи Венеции и Рима, вытурив оттуда австрийцев.

Наполеон подошел к карте. Взгляд его упал на местность, отмеченную синим флажком.

— Кажется, барон, я был прав, приказав вам спрятать тут некоторые из моих бумаг. Таким образом, семлевская легенда отчасти все-таки справедлива. Сегодня эти документы лишь бумаги, а завтра — сама история. Вряд ли я доживу до того дня, когда смогу воспользоваться ими. Поэтому заклинаю вас, дорогой друг, достать и сохранить их для потомков! Я знаю, вы переживете меня. К сожалению, все оставшиеся документы канцелярии я буду вынужден приказать сжечь.

— Ваше величество, но у вас есть еще достаточно войск, чтобы защитить канцелярию...

— Дорогой друг, на их долю хватит имущества

Главной квартиры и казны. Говоря откровенно, вряд ли мы найдем брешь в кольце окружения. Советую вам надеть кирасу и не снимать ее, покуда мы не оставим пределов России.

Худшие опасения императора могли оправдаться, не помоги ему случай. Удачно переправившись через Березину у деревни Студенки, Наполеон пожалел, что поспешил уничтожить оставшиеся документы канцелярии, но последующие события показали, что у него не было выбора. Близ Вильно французы потеряли последние пушки и те повозки с награбленным добром, что благополучно пережили все тяготы путешествия по Смоленской дороге.

Вильно, 12 декабря 1812 г.

Время для появления в армии было выбрано Александром I весьма удачно: накануне дня его рождения. В разгар торжественного обеда, устроенного в честь тридцатипятилетия императора, окна домов дребезжали от праздничной канонады. Прервав поздравительные славословия, Александр сказал:

— Господа! Вот оказия... Пока добирался в Вильно, не выходила у меня из головы басня знаменитого пиита Крылова, в коей все мы узнали нашего досточтимого князя: «...с волками иначе не делать мировой...» Именно, господа: до полного снятия шкуры. Европа ждет от нас этого, и наш долг вызволить ее из лап варвара! Что скажете на сей счет, Михайла Ларионович?

Кутузов не спеша дожевал кусок жареного мяса и только после этого ответил:

— Не надорваться бы, ваше величество... Столь быстрый марш от Москвы до Вильно и весьма плохо устроенное снабжение армии магазинами, которое обещалось, однако, быть отменным, сделало наше воинство мало отличимым от неприятельского. Кроме, разумеется, духа. На чем единственно и держимся. Из дальних губерний вряд ли скоро устроится пополнение, а необученных резервистов пускать в Европу опасно, да и противно нашей славе. Отдых, ваше величество, нужен одинаково маршалам и рядовым. Что до врага, то с ним будет покончено, я не сомневаюсь!

Александр решил уйти от болезненной для его самолюбия темы:

— А что, князь, истинны ли слухи, будто француз увез в Париж награбленное в Москве и ее уездах добро?

— Думаю, ваше величество, что церквам и монастырям многое будет возвращено. Порукой тому сообщения, доставляемые мне командирами частей... Однако ничто не восполнит пепла пожарищ, в коих сгорели богатства, нажитые нами в прежние времена. Здесь, в Вильно, брошено Бонапартом много повозок. Найденные в них вещи прекрасны мастерством и велики ценой. Сдается мне, однако, что это не полная мера того, что хотели бы мы видеть и что составляло обоз самого Бонапарта. Знаю наверняка одно: ни сам он, ни его маршалы не сумели вывезти из России главную свою добычу! Может быть, время прояснит сей предмет, остающийся загадкой по горячности событий и скоротечности прошедших дней?

— Ростопчин уверяет меня, что спас все сокровища Кремля... Но, кажется, его более тревожили настроения московской черни, нежели Бонапартова рать. Все идет к тому, что Ростопчину придется пожизненно носить на себе «крест» поджигателя...

Вечером того же дня, на балу, устроенном в честь императора, капитан Хмельницкий напомнил Милорадовичу о сокрытых в семлевском болоте трофеях Бонапарта. Он надеялся, что прославленный генерал доложит об этом самому царю. Выслушав Хмельницкого, Милорадович дружески похлопал его по плечу и сказал:

— Помилуйте, капитан! Можно ли теперь говорить о таких пустяках... Император в зените славы. Сегодня он — единственный среди нас, кто готов простить Бонапарту многое из того, что тот натворил. Москва — не Петербург. Сокровища Кремля не так волнуют двор, как богатства Северной Пальмиры. Забудьте об этом предмете, голубчик! Цель императора — Париж. Его величество думает о войне, а не о мире. Сейчас для него важнее пушки. Император уже объявил награду по пятидесяти рублей за каждое найденное орудие. Так не лучше ли, капитан, воспользоваться случаем и храбростию завоевать расположение государя?

ОСТРОВ ЗАТОЧЕНИЯ

Святой Елены остров, 26 ноября 1816 г.

По иронии судьбы именно англичане, а не русские, которые вынесли основные тяготы борьбы с «завоевателем Европы», решили участь императора Франции, сослав его на вечное поселение на затерянный в безбрежных просторах южной Атлантики остров... Именно здесь произошли события, основой коих явилась опять-таки московская добыча Наполеона.

Две небольшие комнаты — это все, чем располагал Бонапарт в Лонгвуде. Стены одной из этих комнат, где в данный час Бонапарт лежал на софе, были обтянуты темно-коричневой нанкой. Это придавало помещению мрачноватый вид. Всюду по стенам были развешаны портреты, по углам стояли бюсты. Здесь же на столике отсчитывали роковое время часы Фридриха Великого, захваченные Наполеоном в Потсдаме, в резиденции прусских королей. То было время триумфа!

Выстрелы береговой охраны заставили Наполеона вздрогнуть, однако взгляд его тотчас потух, и он перевернулся на другой бок...

Второй день кряду Наполеон заговаривал о смерти с камердинером Маршаном и врачом О'Меарой. Прочих экс-император просто не допускал до себя. Вот и сейчас, после полубессонной ночи, хандра не отпускала венценосного пленника.

— Маршан?

— Я здесь, ваше величество...

— Сегодня же скажешь Монтолону, чтобы продал мое столовое серебро! Пусть едет на базар в Джемстаун и особенно не торгуется. Желательно, чтобы покупателями стали купцы из Европы... Пусть весь мир узнает, каково мне тут при этаком негодяе губернаторе! На худой конец, я могу есть без сервиза. Питаются же собаки прямо с земли?! Дай грелку... Я скоро умру... Да, умру! О'Меара ничего не смыслит в моих болезнях! Позови его...

Хирург королевского английского флота был искренне привязан к Бонапарту, хотя многие на острове полагали, что он — шпион губернатора Святой Елены Гудсона Лоу. Как бы то ни было, но основная связь Бонапарта с Европой осуществлялась именно через О'Меару.

Доктор застал Бонапарта в страдальческой позе: у него действительно случился очередной приступ печеночной болезни.

— Не надо, доктор, увещеваний! Я вызвал вас не для того... Я хочу продиктовать вам свой... то есть ваш бюллетень о моем здоровье. Это конец! Молчите... Мне заранее известно, что вы скажете. Да, я мог уехать в Америку — бежать и тем спасти мое бренное тело. Императору Франции бежать?.. Никогда! Я должен был умереть в Москве! Тогда неудачу московского похода историки свалили бы на моих генералов... Опять эта каломель? Вы отравите ею мой желудок. Я не хочу больше пить эту гадость! Вы слышали: русский комиссар просится в отпуск?.. А ведь он всего полгода на острове. И живет, в отличие от меня, свободным человеком. Что в таком случае прикажете делать мне?

О'Меара поставил перед Наполеоном серебряный таз с водой.

— Ваше величество, умойтесь и посмотрите в окно: к острову следует корабль...

Наполеон не стал умываться, схватил подзорную трубу и босиком проследовал к окну.

— Вы шутите, доктор? Я вижу лишь мерзкие спины солдат во главе с ублюдком капитаном... Они устроили вокруг Лонгвуда настоящую осаду! Маршан, подайте ружье...

Испуганный камердинер подумал, что император хочет стрелять в охрану... Наполеон вскинул ружье, едва прицелился и выстрелил...

— Так ей, каналье! — воскликнул он, убив гулявшую по двору курицу.— Маршан, сварите из нее бульон. Видит бог, я не виноват, что глупая курица попала в мой сад. Так где же корабль, доктор?

— Ваше величество, я вижу его невооруженным глазом. Это фрегат!

— Да, вы правы. Впрочем, все равно... Я не жду от англичан пощады.

Фрегат «Горацио» пришел на Святую Елену с грузом продовольствия. На нем прибыли также австрийский комиссар барон Штюрмер и известный ботаник Велле, которому в Вене была дана трехмесячная командировка на остров для изучения фауны.

Впервые за несколько месяцев Лоу смягчил свой

нрав: решил дать бал в честь новоприбывших и заодно попытаться заманить в общество Наполеона, который до последнего времени ни разу не вышел за пределы Лонгвуда...

Гостиная в доме губернатора в Плантешен-Гоузе блистала изысканными туалетами представителей четырех держав Европы. Среди них — несколько человек из свиты Бонапарта.

Александр Бальмен танцевал с падчерицей губернатора, в которую был безумно влюблен. Это обстоятельство ставило его в щекотливое положение по отношению к сэру Лоу, который, конечно же, полагал, что русский комиссар будет безоговорочно поддерживать принятые им иезуитские меры по насаждению на острове целой сети шпионов и соглядатаев. Дело дошло до того, что Лоу решил перлюстрировать копии писем, отправляемых Бальменом в Петербург. По этому поводу посол России в Лондоне граф Ливен сделал соответствующее представление английскому правительству. Лишь тогда вопрос был улажен в пользу Бальмена.

Среди шифрованных депеш, полученных Бальменом недавно из Петербурга, была одна, касавшаяся некоего капитана Жолновского... Роль этого человека в окружении Наполеона являлась тайной для всех, кроме русского комиссара. Даже вездесущий Лоу знал лишь то, что Жолновский — бывший гвардеец польских улан, сопровождавший Наполеона на Эльбу, где ему было дано офицерское звание. В свое время Лоу получил от герцога Веллингтона приказ не препятствовать русскому комиссару в его связях с Жолновским. Ввиду чего Лоу предполагал, что у Бальмена существуют какие-то особые отношения с английским министерством иностранных дел. Ведь когда-то он работал секретарем русского посольства в Лондоне...

У Наполеона не было причин подозревать в чем-либо Жолновского, хотя о капитане ходили самые разные сплетни. Но чего Наполеон вообще не мог предположить, так это то, что миссия Жолновского на острове была напрямую связана с «московской добычей»...

В начале ноября 1812 года адмирал Чичагов послал секретный рапорт Александру I, сообщая о занятии частями своей армии Несвижа и о том, что в замке Радзивиллов обнаружены следы французского обоза,

по-видимому, перевозившего награбленные Наполеоном в Москве сокровища. Чичагов сообщал, что найти удалось лишь незначительную долю этих ценностей...

Осерчавший император решил проблему весьма оригинально: женил графа Витгенштейна на дочери покойного пана Доминика, погибшего в январе 1813 года в бою возле Рейна. К тому времени Стефания возвратилась с матерью из Берлина, где гостила у дяди-музыканта. Так Витгенштейн стал сонаследником ненайденных сокровищ Несвижского замка. Добыча Наполеона была в его руках, но брак оказался неудачным... К тому же вскоре нашелся законный владелец имения Антон Радзивилл. Тайна трофеев осталась неразгаданной.

Капитан Жолновский — в то время капрал и вымышленный адъютант пана Доминика — был внедрен в гвардию Бонапарта, чтобы из первых рук попытаться узнать истинную судьбу загадочно исчезнувших сокровищ Москвы. Служба при Наполеоне на Эльбе, равно как и девятимесячное пребывание с ним на Святой Елене, не принесла Жолновскому успеха. И вот недавно Бальмену сообщили шифрованным письмом из Петербурга, что, возможно, на фрегате «Горацио» едет человек, который везет Наполеону сведения, разоблачающие Жолновского как секретного русского агента...

Танцуя с падчерицей губернатора, Бальмен мучительно думал: успел ли Жолновский сесть на отплывающий к мысу Доброй Надежды фрегат? Более других из окружения Бонапарта Бальмен опасался тридцатичетырехлетнего генерала Гранье. В то же время Бальмен уважал генерала за бесстрашие и независимость характера...

Присутствующий на балу новый австрийский посланник Штюрмер еще не сознавал, в какой ад он попал. Он мечтал «причаститься» Бонапартовых тайн, полагая, что быть рядом с такой личностью почетно даже в роли надсмотрщика. Мелкое самолюбие тешило его, как пигмея — лев, загнанный в клетку. Штюрмеру не терпелось проявить себя в новом обществе:

— С тех пор, как Мария-Луиза отказалась быть женой Бонапарта, она стала достойной своей великой тетки Марии-Антуанетты! И как жалок в сравнении с ней Наполеон, погнавшийся за

сусальными атрибутами величия... Господин Бальмен, что думают об этой «философии» в Петербурге? Ведь ваш император более других ощутил на себе проделки венценосного шута...

Бальмен слегка склонил голову набок, как бы соглашаясь с некоторыми словами Штюрмера.

— Вы правы, барон... Однако справедливо ли, что происхождение человека суть причина его пороков? Еще наш великий Ломоносов говаривал: драный зипун не есть признак глупости. Что касается Бонапарта, то, не отрицая тяжести его проступков, нельзя судить о человеке дурно, коли он отсутствует.

Штюрмер сделал удивленную мину, соображая, как бы получше ответить русскому комиссару, но в это время вошел лакей и возвестил:

— Генерал Гранье из Лонгвуда...

Барон Гаспар Гранье, чьи виски за прошедшие с окончания войны годы заметно поседели, галантно поклонился дамам, а мужчин удостоил легким кивком. Левой рукой он придерживал свою знаменитую шпагу, полученную в России из рук Бонапарта.

Сэр Лоу непроизвольно привстал на стуле, предчувствуя недоброе. Гранье щелкнул шпорами:

— Господин губернатор, я передал императору ваше письмо, в котором вы изволили пригласить «генерала Бонапарта» на бал. Его величество велели ответить, что они о таком «генерале» ничего не знают, а если письмо точно адресовано этому человеку, то чтобы оно ему и было передано. Правда, его величество вспомнили, что последний раз они слышали о названном «генерале», когда воевали в Египте. Честь имею!..

Крытая бричка остановилась у небольшого каменного здания в Джемстауне — административном центре Святой Елены. Из нее вышел ботаник Велле и, оглянувшись по сторонам, скользнул внутрь часовой мастерской.

За барьерной стойкой его встретил невысокий еврей в бархатной жилетке, с седыми всклокоченными волосами, окаймлявшими большую лысину. Он стряхнул очки на нос и вопросительно посмотрел на нежданного посетителя.

— Простите, сэр... Вы и есть часовщик Левис? — спросил нерешительно ботаник.

Старик улыбнулся:

— Вы думаете абсолютно верно. Других часовщиков в нашем городе нет.

— А-а...— Ботаник виновато улыбнулся.— Вам привет от «красной дамы»...

Услышав эти слова, Левис пулей вылетел из-за стойки и бесцеремонно закрыл Велле рот своей рукой.

— Т-с-сс... Безумец! Скорее сюда...— Он увлек ботаника в заднюю комнату и закрыл дверь.— Боже, как вы меня напугали!.. С вами можно умереть от разрыва сердца. Так нельзя... Кто вы?

— Я ботаник...— пролепетал Велле, вконец растерявшись.— Госпожа Маршан просила передать для вас кое-что...

Левис внимательно выслушал ботаника, а затем ткнул его в грудь тонким пальцем.

— Вы счастливый человек! Я тоже когда-то мечтал о науке и не помышлял о политике. Увы, если ты часовщик, то часы перестают быть просто часами. Они стучат в такт сердцам их владельцев, умолкая навсегда вместе с хозяевами... Часовщику невозможно быть вне политики! Это грязное дело, господин Велле. Советую вам навсегда забыть дорогу в мой дом, иначе вы можете больше не увидеть садов Шеннбруна.

Левис открыл створку шкафа и достал из него маленькую табакерку.

— Возьмите! В память о человеке, который мечтал о тихой жизни вдали от сует мира, но которому не удалось осуществить мечту. В ней нет ничего секретного. Она предназначена только для табака. Прощайте и не забудьте ваш саквояж...

Когда бричка отъехала от мастерской Левиса добрые полмили, Велле вспомнил, что не отдал часовщику посылку. Он крикнул было ямщику, чтобы поворачивал обратно, но, открыв саквояж, увидел, что он пуст.

«Действительно, этот ювелир большой мастер своего дела!» — сказал про себя Велле и облегченно вздохнул, устраиваясь поудобнее в углу кабины.

Император появился в гостиной в зеленом охотничьем платье, белых кашемировых брюках и белых чулках. Ни на кого не глядя, он проследовал к своему месту за столом...

— Шарль, почему нет вашей жены? — спросил Наполеон у «министра двора» Монтолона.

— Ваше величество, она пошла за нотами, чтобы, как обычно, сыграть вам что-нибудь приятное за десертом.

— Спасибо! Альбиния была всегда мне верным другом. Я позабочусь, чтобы после моей смерти ей назначили приличную пенсию. Садитесь, господа! Кажется, сегодня я чувствую себя значительно лучше. Боли в желудке почти исчезли... И все же, доктор, прошу вас писать обо мне в бюллетенях по-прежнему... У меня предчувствие, господа, что прилетевшая на фрегате «сорока» принесла на хвосте важные новости. Госпожа Бертран, вы говорите, что Штюрмер глуп, как ребенок? Кстати, каким вы нашли сегодня Бальмена? Женский глаз — верный глаз.

— Ваше величество, он чем-то обеспокоен. Падчерица Лоу едва удосуживалась его внимания...

После некоторого раздумья Наполеон обратился к Гранье:

— Барон, с завтрашнего дня переключитесь исключительно на Бальмена. Он наверняка получил какие-то известия из Петербурга. Сделайте так, чтобы их содержание стало известно мне. Я обещаю вам сто франков за каждую строку из дипломатической переписки Бальмена с его начальством. Англичане всячески хотят скомпрометировать меня перед Александром, чтобы он дал согласие ужесточить меры надзора за мной. Мы должны воспрепятствовать этому, если хотим когда-либо выбраться отсюда. Еще не все потеряно, господа! Для Франции революция не закончена. Если бы мне каким-то чудом удалось вернуться в Париж, я не пошел бы снова на Восток. Я уже не гожусь на роль всемирного завоевателя: время для этого ушло безвозвратно. Но, опираясь на армию, я мог бы создать в Европе федерацию свободных государств. Будущее континента именно в этом. Иначе он погибнет в пожарищах междоусобных войн. Коленкур говорил мне когда-то, что я не знаю Россию... Что ж, я достаточно наказан за пренебрежение к его советам. И все же, пока русские крестьяне пребывают в рабстве, фитиль новых войн тлеет... Пар из котла надобно выпускать... Александр знает это не хуже меня.

Наполеон встал из-за стола и кивнул на камин, где стояли бронзовые часы.

— Доктор, время Лонгвуда заметно отстает от Гринвичского...— Бонапарт многозначительно посмо-

трел на О'Меару.— Надобно показать эту «игрушку» мастеру! — С этими словами он покинул гостиную.

27 ноября 1816 г.

В полдень О'Меара верхом на лошади прискакал на ранчо «Дуглас», где берейтор Форбес занимался уроками выездки с группой молодых людей. Среди новичков доктор увидел мисс Бетси, дочь местного банкира Балькомба. Поговаривали, что Балькомб — внебрачный сын английского короля Георга IV. Как бы то ни было, но именно у него — вплоть до постройки специального дома в Лонгвуде — жил прибывший отбывать ссылку Бонапарт.

Юная наездница лихо подскакала к О'Меаре.

— Браво, Бетси! — восхищенно сказал доктор.— Теперь я начинаю верить, что в ваших жилах течет королевская кровь.

Бетси ударила стеком по луке седла.

— Сэр, именно потому мы с отцом избегаем унизительной обязанности быть королевскими прислужниками. Здесь мы в большей свободе, чем дома.

— Мисс, откровенность делает вам честь. Вы так прекрасны, что я, грешным делом, подумал: не злоупотребляет ли мистер Форбес обязанностями берейтора? По-моему, вам уже нечему учиться...

— Не беспокойтесь, доктор. Господин Форбес получает сполна за свою работу и будет учить меня столько, сколько я пожелаю.

Девушка вздыбила лошадь и на прощанье крикнула:

— Судя по всему, сэр, Бонапарт нуждается больше в услугах берейтора, чем в ваших?! Не потому ли вы рассчитываетесь с Форбесом франками императора? С вашего позволения, сэр, я отмечу этот факт в дневнике...

О'Меара поморщился. Настроение было испорчено. Он с раздражением сказал подошедшему Форбесу:

— Вы крайне неосторожны с девчонкой!.. Она может нам здорово нагадить. Тогда, в лучшем случае, вы проведете остаток жизни среди диких африканских племен. А вернее — будете вздернуты на суку возле вашего дома. Никто в Англии не защитит вас, потому что все мы втянуты в игру, из которой невозможно выйти своей волей. Избавьтесь от девчонки! Придумайте что-

нибудь... Скажите, что не ручаетесь за себя... что красота ее сводит вас с ума. Ну, что там у нас сегодня?

— Сэр, вам письмо...

Вскоре О'Меара мчался в Джемстаун, держа за пазухой письмо, присланное из Лондона на имя Форбеса. Подобные послания приходили регулярно, и часть из них предназначалась Бонапарту. Предварительно эта корреспонденция всегда просматривалась О'Меарой. На сей раз письмо было адресовано непосредственно доктору. Оно исходило от служащего Адмиралтейства Финлейсона, имевшего прямые контакты с парламентским секретарем этого ведомства Крокером...

Перед свиданием с берейтором О'Меара заезжал к часовщику Левису и отдал ему «в починку» часы Наполеона. Теперь, на обратном пути в Лонгвуд, он вновь посетил мастерскую тайного агента Бонапарта.

Передавая часы О'Меаре, часовщик неожиданно разоткровенничался:

— Господин доктор, я испытал особое удовольствие, занимаясь часами нашего знаменитого пленника. Исторические часы! Они отсчитывают последние годы жизни великого человека. Ради бога, не возражайте! Не омрачайте светлой радости иезуита. Я не боюсь такого признания. Для каждого из нас на небесах отлит свой колокол... И там же каждому отстукивают свои часы. Остановить их невозможно. Иначе наша жизнь была бы бессмертна, а это значит, что злодейства бесконечны...

О'Меара возразил:

— Уважаемый мастер, в таком случае и добро существовало бы вечно!

— Не отрицаю, доктор... Но всего лишь как подстилка из шкуры только что задранной горной козы, на которой царственный зверь отдыхал бы после удачной охоты.

Добродушно хмыкнув, О'Меара покинул лавку часовщика и поехал в трактир, на окраину Джемстауна. Хозяин этого заведения уже ждал его. Он провел доктора в одну из комнат, где заезжие матросы гуляли ночами с легкомысленными девицами.

Доктор распаковал часы, перевел большую стрелку на несколько оборотов и легко снял заднюю стенку... За ней был тайник, где лежал пакет, привезенный на

остров ботаником Велле. О'Меара осторожно вскрыл его и вынул письмо, а вместе с ним — тончайший шелковый платок — подарок камердинеру Наполеона Маршану.

О'Меара прочитал послание «красной дамы» к своему сыну и с явным разочарованием вложил его обратно в пакет. Подержав над огнем свечи края сургучной печати, доктор ловко свел их воедино... После этого О'Меара занялся письмом Финлейсона... Это был ответ на предыдущее послание доктора в Лондон: «Записки ваши от 16 марта и 21 апреля я получил, и они доставили истинное удовольствие многим важным лицам... Ни одна ваша строка впредь не будет обнародована. Крокер списал с ваших писем копии и раздал их членам Кабинета. Он просил меня уверить вас, что никто в свете их больше не увидит...»

— Все это превосходно, господа, но здесь ни слова о повышении мне жалованья! — в сердцах воскликнул О'Меара и тут же принялся строчить ответ Финлейсону, угрожая прекратить доносительство о жизни Бонапарта в Лонгвуде, если обещанная за это прибавка в деньгах не прибудет с очередным кораблем на Святую Елену.

Дни ссылки тянулись для Бонапарта ужасающе медленно. Колоссальная энергия этого человека, помогавшая ему прежде восходить к власти и славе, теперь пожирала его... Вплоть до сегодняшнего дня Бонапарт не видел никаких шансов изменить свою судьбу. Порой он гнал прочь портного Сантини: до такой степени апатия сковывала его волю.

В данный момент Наполеон сокрушался от того, что в письме Маршан к сыну не было ничего лично для него. Свою желчь он решил излить на Монтолона, причем в его отсутствие. Играя с Гаспаром Гранье в шашки, экс-император сделал генералу предложение:

— Послушайте, друг!.. Почему бы вам не заменить Шарля? Вы могли бы записывать вместо него мои мемуары... Это утомительное занятие, но оно приносило бы вам от пятисот до тысячи луидоров в день!

— Ваше величество, раз-другой я не против, но вы же знаете, как я непоседлив. К тому же вы приказали мне потрошить Бальмена...

— Да, барон, вы правы. Но подумайте и о том...

Император не успел договорить. Дверь в смежную

комнату приоткрылась, и на пороге появился Маршан. В одной руке он держал присланный ему из Шеннбруна шелковый платок, в другой — еще горячий утюг.

— Ваше величество, здесь важные новости...

Наполеон сбросил на пол шашки и выхватил платок из рук камердинера. Сквозь красные цветы, коими было усеяно поле платка, едва заметно проступали буквы... Император прочитал текст...

— Барон, я хочу услышать это из ваших уст: я не верю своим глазам!

Гранье взял теплый от глаженья платок и прочитал:

— «Польский капитан вовсе не тот, за кого себя выдавал. Александр живо интересуется вашим положением... Есть сведения, что в скором будущем войска союзников покинут Францию».

Наполеон многозначительно молчал. Его взгляд, устремленный в пространство за окном, был полон неясных надежд. Так смотрят в утренние сумерки, ожидая первых лучей восходящего солнца...

23 июля 1817 г.

В депешах, посылаемых Бальменом в Петербург, немало места отводилось рассказам о Бонапарте и его клевретах. Часто в основе их лежали слухи, сплетни, догадки, однако никогда Бальмен не делал из всего этого далеко идущих выводов и никогда не проявлял инициативу в том, что касалось его связей с обитателями Лонгвуда. Тем не менее именно к Бальмену были чаще всего обращены взоры Монтолона, Бертрана, Гранье и самого Наполеона. И все же Бальмен не ожидал, что барон нагрянет к нему с визитом без приглашения...

Со стороны Гранье это был шаг, ставивший русского комиссара в очень неловкое положение. Не только потому, что Бальмен был всегда щепетилен в исполнении посольских обязанностей. Но также по той простой причине, что подобные действия могли сказаться на отношении губернатора к своей падчерице Шарлотте Джонсон, которой Бальмен намеревался предложить руку и сердце...

Законы гостеприимства обязывали, однако, чтобы Бальмен принял Гранье должным образом.

Генерал сидел, положив на колени свою знамени-

тую шпагу, и с таким пристрастием осматривал жилище русского комиссара, как будто сам воздух в нем был насыщен важной информацией.

— Прекрасный пунш, господин Бальмен! Он напомнил мне несчастные дни в Москве... Наши солдаты буквально умывались русскими винами...

— Кажется, генерал, последующие события заметно отрезвили их?

— О, господин комиссар, не будем злопамятны! Можно ли жить одним прошлым... Москва! Не будь я французом — предпочел бы всем нациям русскую.

— Отчего так?

— Видите ли, граф, у вашего народа есть прекрасное качество: умение прощать даже злейшему врагу.

— Вы правы, барон. Мы умеем прощать, но не забывать...

— Я вас понял, граф. Согласитесь, однако, что у Наполеона тоже были причины обидеться на Александра. Но по прошествии времени мой император изгнал из памяти все, что было между ними худого. До сих пор он с удовольствием вспоминает Мальмезон и Эрфурт... Теперь, когда Наполеон — лицо частное, ничто не может помешать возобновлению дружбы двух великих людей. Не так ли?

— Барон, я не знаю намерений моего императора. Что касается исполнения посольских обязанностей, то я стараюсь быть объективным наблюдателем, без каких-либо корыстных целей.

— Помилуйте, граф! Я далек от мысли подозревать вас... И все же... Хотим мы того или нет, но история совершается не без нашего участия. Ваши депеши в Петербург со временем будут читать потомки. Скажу откровенно: свет гения упал на нас не случайно.

Бальмен застал Сантини в том положении, в каком тот находился, когда граф выскочил вслед за невестой из дому. А между тем, едва за Бальменом закрылась дверь, Сантини легкой, прыгучей походкой подскочил к письменному столу, осмотрел все ящики, в одном из них нашел ключ. Взгляд портного упал на железный сундучок... Мгновение спустя он открыл его и взял в руки то самое письмо, которое с таким неудовольствием незадолго до него читал комиссар. Сантини выхватил из-за уха карандаш, стал наносить какие-то знаки на белоснежный манжет

своей сорочки... Закончив эту операцию, он сорвал манжет с руки и спрятал его в сумку с портновскими принадлежностями...

На лице итальянца сияла невозмутимая улыбка. Граф был рассеян и мрачен.

— Синьор Сантини, я вынужден прервать сеанс... Завтра после полудни...

— Какое «завтра», господин Бальмен! Хорошему портному довольно одного сеанса... Вам нечего больше беспокоиться. Прощайте, синьор!

— Прощайте, Сантини...

Наполеон, только что вернувшись с прогулки, лежа на софе, читал «Дона Санчо...» Корнеля, как в комнату не вошел, но влетел генерал Гранье — первый ординарец и шталмейстер двора. В нарушение субординации он крикнул:

— Ваше величество, Сантини только что от русского комиссара, и — вот...

Наполеон жадно читал записи, сделанные расторопным портным. Это была инструкция графа Нессельроде Александру Бальмену, присланная по вступлении последнего на пост русского комиссара при английском губернаторе Святой Елены.

Подбородок Наполеона дрогнул.

— Гаспар, вы вторично заслужили слова самой высокой благодарности... Ура! — сказал Наполеон с таким пафосом, будто перед ним стояли послы всех европейских государств.— Александр более не видит во мне врага. Смотрите, барон, что пишет Нессельроде: «Вы каждый день должны отмечать все, что узнаете о нем, записывая в особенности то, что в разговорах его с вами окажется особенно замечательным...» Но самое важное, Гаспар, вот это: «В сношениях своих с Бонапартом соблюдайте умеренность и пощаду, которые вправе требовать положение столь деликатное и личное уважение».

— Ваше величество, не кажется ли вам, что последние строки продиктованы лично...

— Несомненно, барон! Это стиль Александра. Бальмен нечестен со мной... Он уклоняется от общения вопреки указаниям из Петербурга. Видимо, Лоу затравил его вконец? Отныне, барон, вы будете встречаться с ним как можно чаще... Сегодняшний день стоит Аустерлица!— Наполеон был счастлив, как ребенок.

20 января 1818 г.

Бальмен склонился над листом бумаги... Это было письмо в Петербург, графу Нессельроде. В нем он просил дать ему отпуск, чтобы поехать подлечиться на воды.

Граф запечатал письмо и задумался: «Бонапарт, кажется, воспрянул духом? Он выезжает верхом, много времени гуляет в саду... До недавнего времени это было ему чуждо. На что он надеется?»

Бальмен вспомнил завсегдатаев петербургских салонов — аристократов, проклинавших Бонапарта публично на все лады, а за глаза преклонявшихся перед волей «злого гения». Граф снова пустился в размышления: «Ростопчин из их числа... Уехал к дочери в Париж и оттуда вещает о своей непричастности к пожару Москвы. Как будто не им были выпущены из тюрем колодники! Как будто не он приказал эвакуировать из города пожарные команды и брандспойты... Не простится губернатору разграбление московских церквей!»

Бальмен понимал, что тщательно скрываемый от остального мира интерес русского правительства к судьбе Бонапарта лежит в сфере политики. Очевидно, войска союзников когда-то уйдут из Франции. После этого может возникнуть новая ситуация... К тому же Россия не слишком обольщалась дружескими заверениями Англии, видя в ней по-прежнему основную соперницу своим колониальным интересам.

«И все-таки Бонапарт на что-то надеется... Иначе он не искал бы связи со мной!» — подытожил свои сомнения Бальмен и решил «сыграть партию», навязываемую ему Наполеоном. Играть надо было осторожно. Граф рисковал...

Через час Бальмен вышел на прогулку, полагая, что шустрый генерал-адъютант Наполеона отслеживает его. Граф не ошибся.

— Господин комиссар!..— Гранье помахал перчаткой и ускорил шаг...— Наконец-то... Я ожидаю вас битый час, но дал слово не уходить, покуда не переговорю с вами наедине. Пройдемте к морю — там нас никто не услышит. Вы разве не замечаете слежку? Какой-то тип в черном все время крутится возле вашего дома. Учтите: англичанам нельзя доверять! Впрочем, вы сами бывали в Англии и можете судить о их нравах...

Гранье болтал без умолку, уводя Бальмена на край утеса, нависшего над морем подобно полю огромной шляпы. Волны с силой бились о камни, оставляя после себя белую пену. Крупные чайки «хохотали» мефистофельским смехом.

Бальмену сделалось слегка не по себе. Гранье, следуя привычке начинать разговор издалека, небрежно заметил:

— Знаете, граф, что будет интересовать потомков в истории последней войны между Францией и Россией? Нет, не баталии с их победами и поражениями, не искусство понтонеров или кавалеристов, даже не судьбы великих полководцев. Их будут занимать вещи малозначимые, но тайные: интриги, шпионаж... наше с вами поведение здесь, на острове, хотя это уже не война. Они будут смаковать историю болезни императора... О вас, граф, не вспомнят совсем, а если и напишут что-нибудь, то лишь как о враге Наполеона, ибо ваше имя неразрывно с именем Лоу. Вам нравится такая участь перед лицом потомков?

Бальмен не рассердился. Пихнув носком сапога камень, он подождал, покуда тот шлепнется в воду...

— Вы повторяетесь, барон. Вам следовало бы знать, что я не настолько тщеславен, чтобы думать о мнении потомков. Моя судьба есть судьба России!

— Граф, вы меня огорчаете! Все русские одинаковы. Отечество для вас Бог, в сравнении с которым один человек — ничто. Хорошо, пускай будет по-вашему! Тогда речь о другом... Александр — почитаемый в Европе монарх. Разве вам безразлична его слава?

«Экая бестия!» — подумал Бальмен, памятуя, что каждое его слово может быть истолковано превратно.

— Ваше молчание, господин комиссар, я принимаю за согласие. В свете этого я сегодня хотел поговорить с вами, ибо завтра мы будем действовать, а не рассуждать! И тогда важное дело, ради которого я столько времени обхаживаю вас, Наполеон поручит другому человеку, и вы не узнаете о нем ничего. Подумайте, граф!

Бальмен ответил не сразу, размышляя, как лучше построить разговор с хитрым генерал-адъютантом, чтобы не попасть в его сети, но в то же время выведать тайны Бонапарта.

— Вы так претенциозны, барон, что можно подумать, будто я сам сподобил вас на «обхаживание»... Но я не знаю, о чем речь...

— Простите, граф. Я действительно хожу вокруг да около... Тогда к делу! С вашей помощью Наполеон хотел бы установить связь с Александром. У моего императора к тому есть веские причины... Вы могли бы построить свою политику на участии в этом деле. Но, если вы опасаетесь прямого участия... Словом, вы можете остаться лишь посредником. В самом деле, что вам стоит послать за своей печатью письмо Наполеона к Александру? Со своей стороны, Бонапарт гарантирует тайну послания, даже если оно будет отвергнуто Петербургом!

— Я категорически против! — Бальмен стукнул тростью о землю.— Не забывайте, что моя миссия четко определена правительством... У государя императора не было и нет намерений интересоваться личной жизнью Наполеона!

— Позвольте усомниться...— усмехнулся Гранье.

— Что вы хотите этим сказать? — еще более вспылил Бальмен.

— Ничего особенного, сударь... Просто в Петербурге, видимо, не посчитали нужным посвятить вас в истинные намерения Александра относительно печальной участи Бонапарта?!

Гранье осмотрелся и понизил голос:

— Граф, вы не представляете, о каком важном деле идет речь... Не скрою, Наполеон очень заинтересован в его благополучном исходе, но суть не только в личной выгоде. Александр узнает из письма нечто такое... Эта тайна стоит многого, чтобы поверить ее кому-либо, кроме Александра!

На этот раз Бальмен постарался быть как можно более простодушным:

— Если так, то что мешает Бонапарту избрать другой путь?.. Не проще ли открыть содержание тайного послания мне! Я без промедления сообщу о нем графу Нессельроде. Сказать откровенно, я давно передаю ему разные новости, почерпнутые мною из бесед с комиссарами и прочими жителями Лонгвуда и Плантешен-Гоуза.

Признание Бальмена шокировало Гранье.

— Вот уж не ожидал!.. Выходит, граф, я недооценивал ваши способности к тайной дипломатии? Итак, вы хотите, чтобы Наполеон раскрыл свои тайны простому послу?! Не выйдет! Даже если бы дело касалось частных вопросов, Наполеон не опустился бы до такой

низости. Помнится, Александр был не менее щепетилен, отказавшись принять из рук помещика Яковлева предложение Наполеона о мире...— Гранье стоило больших усилий говорить спокойно. Напротив, Бальмен чувствовал себя вполне на высоте:

— Вы правы, генерал, так было. Но в то время мой государь следовал принципам, принятым между царственными особами. Первый попавшийся помещик не тот человек, посредством коего принимают предложения мира. Теперь иное дело... Бонапарт, как известно, уже не император...

— Вздор! — Гранье непроизвольно схватился за шпагу.— Вздор и вздор!!! Никто не лишал Наполеона его титула. Это все козни англичан! Они завидуют чужой славе и не могут простить Бонапарту похода в Египет. Лоу специально зовет его «генералом», чтобы оскорбить. Глупец! Кто он и кто Бонапарт? Наполеон навсегда войдет в историю Франции императором. Его венчал кардинал!

Бальмен видел, что генерала здорово заносит, и поэтому решил охладить его пыл:

— Барон, я не желаю обсуждать с вами поведение третьих лиц...— Бальмен имел в виду Лоу.

— Ах, граф, это нервы... Мы все здесь стали больными по милости... Извините, я опять за свое... Значит, вы отказываетесь от нашего предложения? Сожалею! В доказательство важности предлагаемого вам для передачи Александру письма Наполеон готов хорошо заплатить за пустячную услугу... Миллион франков!

Бальмен очень удивился, услышав о столь крупной взятке.

— Действительно, это очень большие деньги даже для Бонапарта,— согласился Бальмен.— Скажите, барон, сколько в таком случае стоит сама тайна?

Лицо Гранье сделалось небывало серьезным. Он вдруг перешел на плохой русский язык:

— Вы знает, куда Ростопчин отправляй сокровищ из Кремль?

В который раз за этот час Бальмен поражался вопросам Гранье.

— В Вологду... Нижний Новгород... А что?

— Сколько стоил весь сокровищ?

— Этого, господин барон, не знает никто. По крайней мере, точно не известно.

— Никому-никому?

— Я знаю одно: ценности Патриаршей ризницы, в денежном выражении, равнялись двадцати миллионам... Так утверждал Ростопчин.

— Хм, считайте, граф, что наша тайна стоит не меньше! — Гранье перешел на родной французский.— Помните: пока интрига в ваших руках! Может быть, сама судьба дарит вам счастливый случай?!

Бальмен понял, что разговор исчерпан.

— Единственно, что я вам могу обещать, господин Гранье, так это передать наш разговор в Петербург. Постараюсь сделать это как можно скорее.

...По дороге домой Бальмен снова увидел за ближайшим холмом фигуру человека в черном. На этот раз, однако, граф не обратил на шпика никакого внимания. Мысли его были заняты другим: «Что же это за тайна, которая стоит миллион?»

13 февраля 1818 г.

Гранье более не искал встречи с Бальменом. В свою очередь, граф написал, как и обещал, в Петербург о своей беседе с генерал-адъютантом Наполеона, но умолчал в письме об интересе барона к пропавшим сокровищам древнего Кремля. Донесение Нессельроде Бальмен составил так, чтобы у Александра не возникло соблазна предпринять шаги к овладению тайной Бонапарта.

Отказ Бальмена исполнить поручение Наполеона имел далеко идущие последствия. Первой и главной сенсацией явился побег из Лонгвуда генерала Гранье. Формально причиной тому была ссора... Произошла она при свидетелях. Во время обеда, предавшись сентиментальности, Гранье вспомнил про мать... Он сказал, что обожает ее больше всего на свете.

Наполеон возразил:

— Вот что, барон... Уж коли я выбрал вас своим другом, вы должны быть привязаны только ко мне! Я не желаю делиться этой привилегией даже с вашими близкими!

— Ваше величество...

— Не перебивайте! Кстати, сколько лет вашей матушке?

— Шестьдесят семь.

— Бог с вами, генерал! Она умрет прежде, чем вы свидитесь.

Гранье поднялся из-за стола. Он был бледен и гневен.

— Ваше величество, я служил вам верой и правдой много лет. Я помогал вам обирать соборы Москвы и строить переправу на Березине. Перед Ста днями я кричал: «Да здравствует император!» — рискуя попасть на гильотину. Я спас вам жизнь при Бриене, а в Ватерлоо я хотел застрелить вас, чтобы вы не пережили своего позора... И вот награда?!

Наполеон недовольно поморщился:

— Я не забуду вашего усердия: вы получите приличную пенсию.

— Мне не нужны деньги! У меня достаточно всего, чтобы безбедно прожить в Европе остаток дней... Мой дневник в Англии оценят не меньше чем в пятнадцать тысяч фунтов, а ваши тайны... они стоят и того дороже.

Император молчал. Свита Наполеона была рада случаю, чтобы обрушить на любимчика адъютанта каскад оскорблений. После чего Гранье вызвал на дуэль Бертрана и Монтолона, но оба отказались, поддержанные Бонапартом. В тот же день Гранье оставил Лонгвуд и переселился в Плантешен-Гоуз. Вскоре он стал запросто бывать у сэра Лоу, поверяя ему некоторые подробности прежней своей жизни в окружении Наполеона.

Губернатор ликовал: наконец-то этому выскочке императору нанесен ощутимый укол! Лоу просил Гранье не оставлять Лонгвуд навсегда, а время от времени бывать там, чтобы знать о каждом шаге Бонапарта...

Бальмен смотрел на эту комедию со смешанным чувством недоверия и удивления. Он был готов принять внезапный «исход» Гранье за следствие его неудачной миссии к нему, Бальмену. Однако, зная почти собачью преданность Гранье своему патрону, Бальмен чувствовал, что здесь что-то не так...

26 февраля 1818 г.

Поздно ночью Наполеон лежал в теплой ванне, а Маршан читал ему Вольтерову «Генриаду». В третьем часу дверь неслышно отворилась... Это был генерал Гранье.

— Ваше величество, я прибыл... Кажется, ни один пес не учуял мои следы!

Наполеон сделал знак рукой, Маршан удалился.

Гранье был, как всегда, эмоционален:

— Ваше величество, Лоу спятил с ума от радости. Он готов носить меня на руках и даже отменить помолвку падчерицы с русским комиссаром в мою пользу. Это уж чересчур!.. Ваше величество, Монтолон считает, что я переигрываю роль. Он говорит, что иногда ему кажется, будто я в самом деле хочу убить его на дуэли,— Гранье тихо засмеялся.— И все же, ваше величество, если вы еще раз публично оскорбите мою матушку, я точно застрелю вас!

Наполеон с видимым удовольствием слушал болтовню генерала и восхищался талантами, отпущенными богом этому человеку. Ведь Гранье был превосходным математиком, профессором фортификации, отлично владел пером и умел заразительно рассказывать всяческие истории.

«У него есть все задатки, чтобы стать «вторым Бонапартом»,— подумал Наполеон.— Если бы не было «первого»,— император обрадовался удачному каламбуру.

Наполеон вылез из ванны: нескладный, коротконогий, с болезненно вздутым животом. Крупные брызги разлетались по сторонам, когда он отряхивался от воды. Гранье услужливо накрыл императора широкой простыней. Теперь Бонапарт стал похож на древнегреческого философа... Наполеон знал, что его частенько сравнивают с Сократом. Гордился этим и не упускал случая подчеркнуть — пусть внешнее — сходство с великим человеком древности.

Прошагав босиком до двери, Бонапарт окликнул Маршана и приказал подать вина:

— И проследите, чтобы ни одна муха не залетела сюда, пока я разговариваю с бароном!

Потягивая любимый рейнвейн, император сидел на софе, подвернув по-турецки ноги...

— Гаспар, вы не можете себе представить, как наша «ссора» отражается на моем самочувствии! В угоду подлому Лоу мы вынуждены приносить в жертву все святое, что есть между нами. Историки, пожалуй, могут истолковать это превратно... Вас сочтут моим врагом.

Гранье отставил в сторону недопитый бокал с вином и сказал:

— Ваше величество, если надо, я готов хоть

трижды быть проклят потомками! Вам я отдал всю мою жизнь и не жалею об этом. Не будь вокруг так много трусов — Франция правила бы миром безраздельно и прекратила распри в Европе! Только всемирное правительство может удержать народы в повиновении.

— Благодарю, Гаспар! — Наполеоном овладела меланхолия.— Сказать по правде, я проиграл... Время ушло. Конечно, мне кое-что удалось... И все же... Когда Александр Македонский завоевывал Азию, он смело назвал себя Юпитером. Современники восприняли это за чистую монету. Не нашлось никого, за исключением мудрейших поэтов и нескольких афинских философов, кто решился бы возразить ему. Поверил весь Восток! А что бы стало, объяви я себя пророком? Отъявленная блудница — и та не поверила бы мне. Нет, друг мой, мне нечего больше делать в этом мире. Разве спасать бренное тело от медленного гниения под алчным взором ублюдка-губернатора?!

Гранье почел за лучшее не перечить императору. В отличие от своего господина, для которого политика была средством достижения неограниченной власти, Гранье упивался самим ходом ее. В данный момент он ожидал инструкций для продолжения начатой Бонапартом интриги и помалкивал только из вежливости.

Наполеон осушил еще один бокал. Желтоватая кожа его лица слегка порозовела. По мере того как хмель ударял ему в голову, взгляд императора прояснялся.

— Гаспар, эту ночь нам не придется спать. Я принял решение не медлить с вашим отъездом в Европу. О'Меара сообщил, что в середине марта на остров прибудет фрегат «Камден». Вы уедете на нем!

— Ваше величество, я не хотел бы ссорить вас с доктором, но, по словам Лоу, он подозревает меня в неискренности... Не испортит ли этот эскулап задуманное вами предприятие?

— И вы туда же!..— Наполеон укоризненно посмотрел на генерала.— Если бы это сказала женщина... но вы?!

— Ваше величество, я лишь передал слова губернатора. Наушничанье доктора ему претит. Лоу считает, что вы специально подослали О'Меару, чтобы оклеветать меня.

— Хорошо, я выгоню хирурга из Лонгвуда, как только замечу за ним что-то неладное! — Наполеон был тверд в своем намерении.— Ваша безопасность в Европе и успешный ход намеченной операции станут гарантией его невиновности. Итак, вы едете на «Камдене»! Денег на дорогу я вам не дам, а предложенные мною... скажем пятьсот франков, вы отвергнете публично. Просите деньги у Лоу... кого угодно, но вы должны покинуть остров в ореоле мученика.

— Ваше величество, это гениальная идея! Думаю, Лоу не откажет мне в паре тысяч...

— Барон, покончим с деньгами... В одном из лондонских банков на ваше имя будет лежать сто тысяч франков. Получить их вы сможете у Голдшмидтов... Думаю, этой суммы вам хватит на первое время. За вашу дальнейшую судьбу я спокоен. Помяните меня, вы еще будете командовать французской артиллерией в какой-нибудь битве с англичанами! Они не упустят случая кольнуть Францию где-нибудь на колониальном островке, в защите которого наш флот не сможет тягаться с английским.

Наполеон перешел на диван и пригласил Гранье занять место возле себя. Он поправил звезду на мундире генерала и сжал ему руку повыше локтя.

— Прошу вас, Гаспар, если наше дело не увенчается успехом и мне придется сложить здесь голову, ходатайствуйте перед королем о перенесении моего праха в Париж. Смерть примирит меня с врагами, народ же всегда будет почитать во мне героя. Теперь, друг, я продиктую вам письмо, которое вы увезете в Европу... Это моя последняя надежда на свободу, если таковая вообще возможна. Мы слишком долго хранили некоторые наши тайны... Умру я — они станут легендами. Вы задумывались, Гаспар, над тем, что легенды хороши именно тогда, когда не разгаданы? Люди любят чудеса и не слишком жалуют тех, кто их опровергает. Таким образом, я беру на себя неблагодарную роль... Так начнем, барон!..

Наполеон, кажется, почувствовал себя прежним стратегом, что разрабатывал планы грандиозных сражений, от исхода которых зависели судьбы народов.

— Пишите, Гаспар: «Мой старый друг...» Нет, так не пойдет! Зачеркните. «Милостивый государь...» Не годится: чересчур подобострастно. Напишите просто: «Брат! Обстоятельства, зависевшие от состояния мира

и его страстей, не позволили мне ранее снестись с Вами письменно, чтобы выразить Вам мое удовлетворение и радость по поводу нашего давнего знакомства и прежних встреч, кои были приятны и полезны во многих отношениях. Я помню наши палатки на плоту в Немане... братание русских и французов, обеды и беседы до рассвета наедине. Тильзит останется в моей памяти навсегда!

Благодарю Вас за дружеский привет, который мы получили через посла господина Бальмена, и особенно за приглашение приехать в Россию для конфиденциальной беседы с Вашим величеством...» Барон, почему вы перестали писать?

— Ваше величество, вы не оговорились?..

На губах у Бонапарта появилась лукавая усмешка.

— Вы умный человек, генерал, но одного ума в таком деле мало. Конечно, никакого «приглашения» не было. Будем считать, что вы неправильно истолковали некоторые слова Бальмена во время вашего последнего с ним разговора. Что из того? Император не имеет права на ошибку, но его слуги... Приведись мне встретиться с Александром — я сошлюсь на вас... Если я действительно окажусь в Петербурге, то подобная мелочь не будет иметь решающего значения. Так, на чем мы остановились?

— Вы говорили о русском после...

— Ах да! Продолжим, барон... «Господин Бальмен передал мне Ваши вопросы... Я считаю их вполне серьезными и хотел бы ответить вкратце уже сейчас, чтобы растопить лед предубеждения, охладивший наш братский союз.

Я понимаю Ваше пристрастие к Ольденбургам в силу Ваших родственных с ними отношений. Мы были не вполне правы, пресекая выгоды, коими пользовалось это семейство на протяжении столетий... Тому, правда, были причины политические: укрепление тылов требовало присоединить к Франции Голландию и Ганзеатические города, а также и герцогство Ольденбургское, так как через него шли сообщения с нашими войсками, затруднявшиеся из-за имевшихся на территории герцогства таможен.

Понимаю и Вашу обиду, проистекавшую от того, что мы отказались ждать окончательного решения русского Двора на брак цесаревны Анны Павловны с нами. Если кого и следует винить в сем происшест-

вии, то лишь мое воображение, предуказавшее мне, что Ваша матушка нарочито оттягивала время формального несогласия на этот брак, пусть и говорила послу Коленкуру, что вот-вот готова объявить положительное решение.

Кажется, время стерло обиды, заслуженные обеими стронами... Мой поход в Россию был ошибкой. Она, как теперь видится, явилась следствием многих недоразумений. Нынче звание победителя дает Вам право отнестись ко мне с должным презрением. И все же мое теперешнее положение — несчастья, которые я испытываю, будучи пленником,— все это искупает мои прошлые вины и позволяет надеяться на Ваше снисхождение и доброе участие ко мне — вашему старому другу.

Брат! В знак полного примирения между нами, я хотел бы открыть Вам, по прибытии в Петербург, важную политическую тайну, которая, как я полагаю, поможет России в ее будущих сношениях с европейскими державами. Ваше влияние в Союзе и величие России позволяют мне питать надежды, что Вы, мой брат, вырвете меня из лап тюремщика... Я слишком поздно понял привилегию быть Вашим пленником, а не пленником англичан.

Ввиду особо доверительных отношений к Вашему величеству мы решили рассказать Вам при встрече и о другой тайне — не менее значимой, чем первая. Верно, казаки отбили немало ценностей, вывезенных моей армией из Москвы. Знаю также, что на Понарах брошены были остатки частных обозов, пушки и другое оружие... Однако никому не известна судьба моих личных трофеев. Они надежно сокрыты в одной из губерний России и навсегда останутся там, коли мне будет не суждено освободиться из ссылки. Сообщаю Вам как преамбулу к основной тайне, что молва о якобы увезенном мною в Париж кресте — сущая выдумка, возникшая по недоразумению. Надеюсь, Вы примете мои слова всерьез?! Прочие вопросы обсудим при личной встрече...

Остаюсь Вашим братом.

Наполеон».

Бонапарт взял из рук барона надиктованное им послание и ушел в другой конец комнаты, к конторке. Там он переписал письмо на хрустящий лист желтоватой бумаги, поставил свою подпись и скрепил ее печатью.

Возвращая документ Гранье, Наполеон сказал:

— Удачи вам, барон! И не забудьте передать от меня привет вашей матушке...

14 марта 1818 г.

Дул свежий ветер. Капитан Ларкенс, командир фрегата «Камден», удовлетворенно посматривал на чистое небо. Он вспоминал прощальный обед у губернатора, где в центре внимания был барон Гранье, уезжающий в Европу...

Несмотря на просьбу Лоу продолжать посещать Лонгвуд, барон наотрез отказался бывать там, сославшись на искушение застрелить Бонапарта. Австрийский посланник завидовал барону, мечтая тоже поскорее удрать со Святой Елены. Французский комиссар маркиз Моншеню отнесся к «бунтарю из Лонгвуда» по-отечески. Он снабдил Гранье рекомендательным письмом к друзьям-роялистам в Париже, аттестовав его «национальным героем Франции», имея в виду, что консервативный патриотизм бывшего гвардейца Людовика XVII возобладал в душе барона над республиканскими настроениями клеврета Бонапарта.

Сэр Лоу принял за личное оскорбление нежелание Наполеона ссудить Гранье на дорогу деньгами. В пику тому губернатор дал барону приличную сумму в фунтах...

За день до отплытия корабля О'Меара выловил Ларкенса в одном из трактиров Джемстауна и полчаса страстно что-то ему доказывал. Слушая доктора, Ларкенс упрямо качал головой, а под конец, осушив одним махом пинту пива, решительно возразил: «Нет, сэр! На суше я мог бы помочь вам, но в море... Там некогда заниматься посторонними делами».

Теперь Бальмен почти не сомневался, что отъезд Гранье — не личная его прихоть. Скандал, устроенный бароном в Лонгвуде, конечно, впечатлял своей неожиданностью, но казался Бальмену слишком хорошо устроенным, чтобы походить на правду.

В полдень к фрегату, стоявшему на рейде, отплыла шлюпка... В ней сидел генерал Гранье. В руках он держал клетку с экзотическим попугаем, а на коленях у него лежал саквояж с личными вещами и рукописями.

О'Меара стояла на берегу и провожал лодку хму-

рым взглядом... Напрасно уговаривал он Лоу сделать тайный досмотр багажа барона. Среди бумаг Гранье они не нашли бы ничего такого, чего доктору рисовало воображение. Письмо Банапарта Александру I было надежно спрятано в потайном дне птичьей клетки. Прочие инструкции с шифрованными текстами Гранье хранил под подошвами своих сапог. Наиболее же тайные поручения Бонапарта он держал в памяти.

В ожидании отплытия корабля Наполеон пробовал играть сам с собой на бильярде, но не мог загнать ни одного шара в лузу. Не находя себе места, он начинал ходить по комнате, напевая под нос какую-то однообразную мелодию... Наконец он схватил подзорную трубу и выбежал на улицу... Над морем вспыхнуло облачко дыма. То был прощальный выстрел с фрегата...

Почувствовав облегчение и одновременно слабость в коленях, Бонапарт опустился на стоявшую рядом садовую скамейку. Он не замечал, что разговаривает сам с собой вслух:

— Теперь остается ждать и надеяться... Это хуже смерти! Смерть... она могла бы быть мне заслуженной наградой за все, что я сделал в этой жизни. Но я боюсь ее! Инстинкт жизни во мне так силен, что, кажется, я никогда не умру. И во прахе мозг мой будет ощущать прелести этого мира...

Наполеон прикрыл веки, пытаясь удержать в памяти видение белых парусов фрегата «Камден». Губы его беззвучно шептали: «И были мы, троянцы...»*

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Семнадцать лет миновало с той поры, как Бонапарт отправил генерала Гранье в Европу, чтобы изыскать способ передать русскому императору секретное послание... Призрачные чаяния Наполеона, однако, не сочетались с политикой России. Действительно, Александр I с интересом читал донесения Бальмена и был заинтересован в частном знакомстве своего посла с Наполеоном. Но это не выходило за рамки того любопытства, каковое Бонапарт вызывал к своей пер-

* Слова троянского жреца Панфоя, сказанные им при виде горящей Трои.

соне у большинства человечества. Ведь именно Александр, на которого уповал так Наполеон, на конгрессе союзных держав в Ахене в ноябре 1818 года выступил инициатором ужесточения блокады Святой Елены, дабы исключить малейшую возможность побега с острова «великого корсиканца» в связи с выводом союзнических войск из Франции.

Впервые за свою карьеру Гранье не исполнил поручения императора. Очутившись в Европе, он нанес визит экс-императрице Марии-Луизе, умоляя ее помочь спасти Наполеона. Надменная австриячка поразила барона полным безразличием к судьбе бывшего супруга.

Ноябрь 1818 года Гранье провел в Ахене, надеясь встретиться с Александром I. Но барон не только не сумел получить у него аудиенции, но даже передать письмо Бонапарта. Была ли в том чья-то злая воля либо дело провалилось из-за случая — остается гадать. Конечно, можно вспомнить доктора О'Меару, выехавшего со Святой Елены спустя пять месяцев после Гранье... Однако вряд ли сам доктор имел столь далекие подозрения относительно намерений бывшего генерал-адъютанта Наполеона.

Итак, судьбе было угодно воспротивиться последней интриге Бонапарта... Но мог ли предвидеть пленник Святой Елены, что спустя столько лет история его легендарной добычи будет иметь неожиданное продолжение!

Смоленск, 15 августа 1835 г.

Открытые настежь ставни в доме губернатора заходили ходуном, длинные шелковые занавеси то вылетали на улицу, то оказывались внутри комнаты... Весь дом пришел в движение, только один человек в нем не обращал внимания на взбунтовавшуюся стихию. Это был смоленский губернатор Николай Хмельницкий.

Губернатор держал в руках небольшую книжицу — сочинение Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов». Книга увлекла его настолько, что Хмельницкий не заметил, как к нему подошла Марфа Егоровна Мещурина, неизвестно в каком качестве жившая у губернатора. Была она и домоуправительницей, и невенчанной женой Хмельницкого, а также доброй советчицей во всех его начинаниях.

— И что ты, мил человек, так въелся в эту книжицу? В доме переполох, а он знай себе почитывает... На улице гроза,— выговаривала Марфа Егоровна Хмельницкому, закрывая одно за другим окна в кабинете.

Губернатор задумчиво смотрел мимо Марфы Егоровны... Мысли его были далеко-далеко.

— Да ты, батюшка, впрямь не в себе? — Мещурина потрогала пухлой рукой лоб Хмельницкого.

Губернатор загадочно улыбнулся:

— Тут, матушка,— он ткнул пальцем в корешок книги,— может, сокрыт настоящий мой триумф. Олимп всей моей жизни!.. Вот, послушай, что пишет Вальтер Скотт, коего почитают в мире за первейший авторитет в истории: «Он повелел, чтобы московская добыча: древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого — была брошена в Семлевское озеро...»

Хмельницкий вскочил с дивана и в сильнейшем смятении сбросил с себя сюртук, оставшись в одной сорочке.

— Вот какая оказия, матушка! Озеро это лежит в нашей губернии. Отсюда, почитай, сто верст с гаком. Смекни-ка, голубушка, что получается, коли англичанин не врет? А он точно не врет, ибо они, англичане, народ холодный — ничего сгоряча не делают. Не то что наш брат...

Мещурина не успела и рта раскрыть, как была ошарашена новым откровением губернатора:

— А ведь я, голубушка, знал про это! Мужик мне однажды сказывал... Забыл я про те сокровища. Как погнали француза дальше — не до того стало. Вот что, сударыня... Никому ни слова о книге и ни о чем таком, что я тут вам поведал! Я немедля еду в Семлево, еду инкогнито. Любопытствующим объявляй, что направился в Дугино с ревизией. Для пущей правдивости заеду туда на обратном пути.

Мещурина недовольно поджала губы:

— Ваше отсутствие, батюшка, нынче совсем некстати. Дела городские в таком состоянии, что требуют вашего присутствия каждодневно. Благовещенский храм недостроен, хотя деньги по смете истрачены сполна...

Хмельницкий был рассеян и нетерпелив.

— Скоро, скоро, матушка, начнется новая история древнего Смоленска... Блестящая история восхождения

его в славнейшие города России! — Хмельницкий недвусмысленно похлопал по обложке романа Вальтера Скотта.— Теперь, сударыня, самое время прожектам...

Мещурина покачала головой.

— Ты, батюшка, скажи лучше, что будем делать с юродивым? Имею верные известия, что он доносил митрополиту о непресечении вами расколоучения в губернии... Наущает против нас и смоленского епископа.

— Права ты, Марфа Егоровна. Много у меня врагов явных, а еще более тайных. Язык мой тому виной... Не терплю российских Тартюфов, кои паразитируют на нашем крестьянине! Теперь о юродивом... Дай-ка спроважу я своего недруга на месячишко в кутузку... Насколько старший Маркевич смирен и праведен был, настолько сын его сатанинской силой обуян. А сейчас, матушка, вели собирать в дорогу! В этом деле поспешность не порок. Не дай бог, чтобы кто-нибудь, помимо меня, про сие сочинение вызнал!

Тайная поездка в окрестности Семлева еще более возбудила в Хмельницком желание отыскать трофеи Наполеона. Осмотрев озеро, он нашел, что оно годится на роль хранилища добычи; потом, поставив себя на место Бонапарта, решил, что лучшего места император французов найти бы не смог.

На обратном пути с озера Хмельницкий навестил помещика Бирюкова, которому принадлежало Семлевское озеро. Поддав секретности задуманному предприятию, губернатор заручился разрешением помещика произвести на озере работы, какие только будут потребны для отыскания добычи.

Через две недели после описываемых событий управляющий работами по восстановлению Смоленского тракта Шванебах получил от Хмельницкого секретное предписание, которое заканчивалось следующими словами: «Препровождая вам это письмо, надеюсь видеть в вас деятельного помощника моим устремлениям, ибо тайна, в каковую я вас посвятил, доставит выгоду не одним нам, а всей России!»

Видя такое дело, Шванебах так же скоро поддался страсти кладоискательства, как и сам губернатор.

Париж, 10 октября 1835 г.

Особняк генерала Гранье стоял в глубине густого парка. Поздно вечером барон подъехал к дому в каре-

те. На этот раз он, против обыкновения, не пожелал кучеру спокойной ночи. Войдя в дом, барон тотчас велел позвать к нему... Куперена. Да, да! Того самого полковника, чья участь, казалось, была решена раз и навсегда в подземелье Несвижского замка.

...Не один раз нырял Куперен в ледяную воду в поисках каменной трубы, через которую замок сообщался с парковым прудом. Всякий раз он натыкался под водой на трупы несчастных слуг пана Доминика... И все же полковник каким-то чудом нашел этот лаз и выплыл.

Чтобы уберечь Куперена от возможных неприятностей, Наполеон через свою сестру Полину пристроил полковника учителем русского языка к одному провинциальному буржуа, лелеявшему мысль сделать из своего чада дипломата. Лишь год спустя после смерти Бонапарта Куперен вновь объявился в Париже, где встретился с бароном Гранье. Знание тайны бывшего императора связало этих людей то ли дружбой, то ли ревностью к предмету их обоюдного обожания. Во всяком случае, они были весьма рады свиданию. Полковник поселился в особняке барона на положении то ли приживала, то ли старого друга, а вернее, в обоих качествах одновременно. И все же трудно было порой понять, кто из них имеет больше власти над другим...

Куперен давно не видел барона в таком гневе:

— Вот прочтите! — Гранье подал полковнику лист бумаги и нетерпеливо зашагал по комнате.— Каково?! Смоленский губернатор ищет в Семлеве Бонапартову добычу!.. Проклятый водевилист! Он испортит нам все дело. Император перехитрил себя, когда заявил при Сегюре и прочих штабных генералах о намерении утопить в Семлевском озере часть своих московских трофеев. Он хотел ввести в заблуждение весь генералитет, забыв, что каждое его слово со временем станет легендой. А этот сочинитель — я имею в виду Вальтера Скотта — не нашел ничего лучшего, как повторить «басню» Сегюра?! Вы читали его роман о Бонапарте?.. И не советую! Помяните меня, Пьер, его глупость еще аукнется... Сегодня Хмельницкий, а завтра?.. Один бог знает, сколько еще людей попадется на эту удочку!

— Дорогой барон, откуда у вас такие сведения? — Вид у Куперена был серьезный и озабоченный.

— Как ни странно, Пьер, но я и сам толком не ведаю, кто он, наш доброжелатель. Едва моя карета

отъехала от кафе «Режанс», как кто-то вскочил на ее подножку и подбросил мне записку. Пьер, пора наконец исполнить завещание императора и вызволить из Семлева его бумаги, которые теперь дороже всякого золота! Надо спешить, пока Хмельницкий не поднял на ноги всю губернию. У них в России это быстро делается. В Петербурге губернатору, несомненно, поверят. Николай патологически прямолинеен и вряд ли будет утруждать себя размышлениями об истинности полученных от Хмельницкого известий. А то, что губернатор известит его о потопленных в Семлеве сокровищах,— это, Пьер, так же бесспорно, как то, что мы сидим здесь и беседуем. Скажите, Пьер, почему русские ни разу за все послевоенное время не заявили нам о вывезенных из Москвы ценностях? Они должны были знать, что вернули себе не все...

— К сожалению, господин барон, на этот вопрос не сможет ответить никто, кроме покойного русского императора.

— Пожалуй, вы правы, Пьер.— Гранье заметно нервничал. Он рассеянно смотрел на Куперена.— Да! Вы знаете, Клавери была сегодня восхитительна. В этой роли она превзошла себя. Как видно, драматург разбирается в истории. Жаль, что в его творчестве не нашла себе места судьба Бонапарта! Скажите, Пьер... только откровенно: крест... тот крест с колокольни в Кремле — он действительно был в обозе императора?

Куперен явно не ждал такого вопроса. На какое-то время в комнате установилась неловкая тишина.

— Видите ли...— начал полковник с неохотой, но Гранье не дал ему времени на размышления. Он схватил полковника за лацканы сюртука:

— Что означает ваше «видите ли»? Говорите определенно: да или нет?

— Да, месье... но то был совсем не тот крест, о котором думали все...— Куперен с трудом высвободился из рук Гранье.— Вы могли меня задушить, господин барон!

— Простите, Пьер...— Гранье было стыдно за свою выходку.

— Не стоит так волноваться, господин барон.— Куперен наклонился к камину и подцепил щипцами уголек. Раскурив трубку, он бросил взгляд на портрет Бонапарта, висевший в простенке между окнами.—

Между нами, очевидно, вышло недоразумение. Я думал, что вы знаете и это, коли император посвятил вас в тайну обоза с трофеями. К тому же для этого разговора прежде не было повода. Но теперь, когда вы хотите знать правду...

И полковник начал рассказывать барону довольно длинную историю «пленения» легендарного золотого креста. Когда рассказ его был закончен, Гранье еще долго сидел молча, обдумывая услышанное. Наконец он укоризненно сказал:

— Как жаль, что я не знал этого раньше.— Он хохотнул, затем продолжал в обычном своем тоне: — Какой я болван, право! Однажды император поручил мне передать Александру конфиденциальное письмо, в котором среди прочего были те же сведения о кресте, что поведали мне теперь вы. Я не поверил императору. Я думал, что он играет в политику. Что ж, мне искренне жаль смоленского губернатора! Ну, бог с ним! Итак, Пьер, вы едете в Россию... Вы обязаны во что бы то ни стало вернуться в Париж с документами. Я дам вам с собой письмо Бонапарта, о котором только что упомянул. Используйте его в России, если что-то или кто-то помешает вам исполнить мой приказ. Вы поняли меня?

— Да, господин барон.

— Вот и прекрасно! — Гранье взял с письменного стола небольшую копию Вандомской колонны, выполненную из бронзы. Отвернув позолоченную фигурку Бонапарта, барон вынул из полости колонны письмо, а вместе с ним банкнот.— Подойдите, Пьер, сюда...— Гранье дал полковнику лупу. Куперен увидел сквозь нее на банкноте миниатюрный план Лужковского озера с крестиком и крохотной стрелкой.— Да, Пьер, именно здесь спрятаны документы императора.

— Но, господин барон! Император приказывал уничтожить в Семлеве бумаги Главной канцелярии... Выходит, и этот его приказ был обманом?

— По-видимому, Пьер, Наполеон решил разделить свои тайны между нами поровну. А теперь смотрите сюда... Документы зарыты в пятидесяти туазах * от этого выступа. Почва там рыхлая, болотистая... Бумаги упакованы в трех просмоленных бочонках.— С этими словами Гранье передал Куперену письмо

* Туаз — французская мера длины, равная 1,9490 метра.

Бонапарта и банкнот.— К слову сказать, Пьер, эти сто франков я получил от императора за пустяковую услугу: в течение часа я записывал под диктовку его мемуары... Мне удалось беспрепятственно вывезти банкнот со Святой Елены. Столь долгий путь в Европу он совершил в подошвах моих сапог.

Семлево, 15 декабря 1835 г.

Поиски трофеев Бонапарта продолжались уже два месяца, и конца им не было видно. День за днем солдаты долбили во льду все новые и новые лунки, медленно двигаясь по спирали к центру озера. Прапорщик фон Людевич, отличаясь непомерным честолюбием, надеялся все же найти сокровища и тем возродить былую славу своего рода, пользовавшегося немалым влиянием во времена всесильного Бирона.

Опытный Шванебах, назначивший Людевича руководить работами на озере, тоже исходил из корыстных побуждений. Он считал, что поручить поиски искушенному человеку — значило разделить с ним успех предприятия, на который, по мнению Шванебаха, молодой прапорщик единолично претендовать не мог.

Над семнадцатой по счету прорубью колдовал дюжий солдат...

— Ваше блахродие...— сиплым от простуды голосом позвал он Людевича к себе.— Кажись, есть, хосподин бахон...— солдат очумело тыкал железным прутом в прорубь, хотя руки его вконец окоченели от мороза.

Людевич вырвал штырь из рук солдата, сам несколько раз опустил его в прорубь...

— Данила, сатана ты этакая! Нешто, правда, что-то есть?.. Зови сюда повара! Что смотришь, болван? Повара, говорю...

Вскоре повар с красным от печного жара лицом предстал перед Людевичем.

— Никак обедать изволите, барин? — спросил он с удивлением, ибо время обеда еще не приспело.

— Дурак ты, братец! — добродушно ответил Людевич.— На-ка, держи зонд, пока руки твои горячи! Стукни, братец, раз-другой о дно да скажи, чего чуешь!

Повар немного опешил, но повиновался приказу барона. Штырь после нескольких погружений вдруг наткнулся на что-то твердое.

— Вроде бы есть, ваше благородие... Оно?! — крикнул было солдат во весь голос, но прапорщик сунул ему под нос мерзлую рукавицу.

— Тише, болван! Рашпиль неси... Живо!

Через несколько минут Людевич приладил рашпиль к длинному шесту, опустил его в прорубь и начал пилить таинственный «объект», резонно полагая, что если он металлический, то на ребрах рашпиля останутся следы металла в виде опилок.

Наконец Людевич вытащил шест из проруби, и все увидели, как под стекавшей с рашпиля водой засверкали желтые огоньки... Яркие, как крошечные осколки небесного светила. Людевич вертел рашпиль так и этак, наслаждаясь игрой холодного зимнего солнца в золотистых зернах металла.

— Ура, братцы! — вымолвил он, стоя в кругу солдат.— Вот она — частица русской святыни, милые вы мои мужички.

Восторженные солдаты принялись качать прапорщика. Людевич бессвязно благодарил их, вытирая обледенелым рукавом шинели набегавшие на глаза слезы. Ни он, ни восторженная толпа солдат не сомневались: именно тут — в двадцати саженях от берега — покоится добыча Бонапарта.

Ночью молодцеватый подпоручик остановил коня возле дома смоленского губернатора и потребовал срочного свидания с Хмельницким. Губернатор спустился по мраморной лестнице в вестибюль, где подпоручик вручил ему пакет от подполковника Шванебаха, руководившего работами на Семлевском озере. Вездесущая Мещурина стояла здесь же, подле курьера, державшего перед генералом «смирно». Прочитав донесение, Хмельницкий расстегнул ворот сорочки и положил руку на сердце.

— Ну, матушка, кажись, свершилось...— сказал он прочувствованно, а затем воскликнул: — Держись, вороные!

Едва за курьером закрылась дверь, как Хмельницкий обхватил Мещурину руками, поднял и закружил по комнате.

— А что, голубушка, не пора ли нам возвращаться в Петербург? Хватит, починовничали в провинции. Департамент, я думаю, мне как раз по плечу! Предвижу, дорогая, что сокровища Наполеоновы многими пудами исчислять придется. Верно, надо принять

срочные меры к недопущению на озеро посторонних. Об этом я немедля сообщу тамошнему исправнику...

Санкт-Петербург, 2 января 1836 г.

В шесть часов пополудни флигель-адъютант доложил Николаю, что министр внутренних дел просит принять его по срочному делу...

Император заметил, что Блудов чем-то сильно взволнован, однако, прежде чем узнать о причине, побудившей министра добиваться аудиенции, Николай решил покончить с вопросом, волновавшим его последнее время:

— Дмитрий Николаевич, что в Московском университете?..

Блудов понимал: вопрос императора вызван тем, что недавно в этом храме науки был выявлен антимонархический кружок, состоявший преимущественно из детей разночинцев,— явление для России новое. Ведь до сих пор оппозиция власти исходила от дворян-аристократов.

— Ваше величество, надзор за университетом ведется неусыпно, согласно новому уставу. Число принятых в прошлом году разночинцев уменьшено. Разве что сделано исключение для тех, кто заслужил... Для таких, как известного вам Гайловского сын...

— Ты имеешь в виду агента Главного штаба?

— Да, ваше величество.

Николай привычным движением поправил концы усов.

— Хорошо, оставим это... Ты, кажется, хотел сообщить что-то?

— Новость совершенно неожиданная, ваше величество! Донесение смоленского губернатора...

Николай поморщился:

— Дмитрий Николаевич, скажу тебе откровенно: я недоволен Хмельницким. Его усердие гораздо менее моих к нему милостей. Где это видано, чтобы крепостная стена стоила двести тысяч!

— Ваше величество, грехи Хмельницкого суть следствие греховности всего нашего отечества. И все же письмо сие, смею надеяться, много расположит вас к губернатору.

Николай знал: если Блудов осмелился рекомендовать чье-то донесение, значит, оно того стоило.

— Читай! — Император повернулся лицом к окну, наблюдая за знакомой фигурой полицейского, стоявшего возле караульной будки перед дворцом.

Блудов вынул письмо из папки и начал читать: «Ваше высокопревосходительство, сведения, о коих желаю я сообщить Вам этим письмом, ниспосланы самим провидением, в чем усматриваю я лишнее проявление любви к нашему Всемилостивейшему монарху.

Известный не только в Европе романист сир Вальтер Скотт в десятом томе «Жизни Наполеона Бонапарта...» поместил приказ о сокрытии в Семлевском озере похищенной французом святыни Москвы, многих орудий и прочих ценностей первопрестольного града. Ныне по моему предложению поручено было строительного отряда прапорщику фон Людевичу прозондировать озеро... Он нашел в двадцати саженях от конца нынешнего берега груду неправильной формы...»

Жестом руки Николай остановил Блудова:

— Повтори, Дмитрий Николаевич, меру от берега...

— Двадцать саженей, ваше величество...

— Продолжай! — Было очевидно, что Николай уже составил себе какое-то мнение о донесении Хмельницкого.

— «Вероятно, сия груда имеет большое основание и в течение двадцати трех лет основательно погрузла в матером дне. Прикрепленный к багру терпуг показал неоспоримо, что означенная груда состоит из меди пушечной. Сие дает мне повод ожидать, что дальнейшие изыскания на Семлевском озере возвратят россиянам освященную драгоценность Кремля, а пушечный материал с избытком окупит неизбежные при оных работах издержки. Чтобы получить точное удостоверение, из чего состоит открытая фон Людевичем груда, достаточно устроить вокруг нее перемычку и отлить сифонами воду. Дело сие потребует расходов в двадцать пять тысяч рублей...»

Николай взял из рук Блудова донесение Хмельницкого, холодными глазами скользнул по последним строкам письма...

— Вижу, Дмитрий Николаевич, ты не на шутку увлекся этим сообщением. Признаться, не ожидал я от Хмельницкого такой прыти. Ну, а что тебе самому известно о Великоивановском кресте?

— Знаю, ваше величество, что в четырнадцатом году на колокольне был поставлен новый крест. В Стокгольме и Лондоне немало приходилось слышать упреков от французских дипломатов по поводу того, что мы не пытаемся отыскать снятый Наполеоном старый крест.

— Да, граф, весьма соблазнительную новость принес ты мне нынче. Всегда у нас так: пока француз или англичанин не надоумит, сами не додумаемся. Удобно ли будет, Дмитрий Николаевич, затевать поиски добычи без оповещения его преосвященства?

Блудов понизил голос:

— С одной стороны, ваше величество, так... Но ведь церкви немалая помощь была оказана после войны. Нынешнее же положение казны...— Блудов потупил взор, зная, как неприятен императору разговор на эту тему.

Быстрым движением пера Николай написал на донесении Хмельницкого: «Графу Толю! Назначить к изысканиям самого надежного офицера. На покрытие издержек отпустить четыре тысячи рублей. Николай».

— Быть посему, граф. Двадцать пять тысяч, что просит Хмельницкий, слишком много для почина. Да и прежние его долги еще ждут своего искупления. Передай ему, Дмитрий Николаевич, что я умею прощать старые грехи, но всегда помню их и при случае взыщу. Дай-то бог, граф, чтобы все так хорошо кончилось, как началось!

Смоленск, 21 января 1836 г.

Ровно через неделю после описанного выше разговора Блудова с императором к Хмельницкому с представлением явился следовавший проездом из Петербурга в Семлево инженер Четвериков, назначенный по повелению самого Николая к дальнейшим розыскам сокровищ Наполеона.

Смоленский губернатор приласкал гостя, намекнув, между прочим, подполковнику на генеральские эполеты как награду за содействие в важном деле, ибо уже не сомневался в благосклонности к себе судьбы. В то же время губернатор почувствовал, что крепкая рука из столицы дает ему понять, что отныне судьба добычи Бонапарта будет решаться не в Смоленске,

а в канцелярии его величества. Посему Хмельницкий приказал вяземскому исправнику следить за Четвериковым каждодневно...

Тем временем в Смоленске произошла встреча, предопределившая исход дальнейших событий.

После заутрени из Успенского собора повалил народ... Юродивый появился на паперти одним из последних. Был он без шапки, рыжеватые волосы спадали ему на плечи, местами слиплись в грязные пряди. Перед ним уже образовался живой коридор из немощных стариков и старух, прокаженных всех возрастов. Они лобызали юродивому руки, падали перед ним ниц, норовя коснуться губами пол его холщового халата; иные припадали к его стопам, но юродивый шагал без остановки, ударяя голыми щиколотками по красным от мороза лбам богомольцев. Сидя в экипаже, Куперен сопровождал юродивого до Днепровских ворот городской крепостной стены. Тут полковник и нагнал его, когда тот вошел в крепостную башню. Внутри башни было сумеречно и пусто.

— Мир тебе, божий человек! — Сдавленное толстыми каменными стенами эхо глухо повторило слова Куперена.— Мне отмщение, и аз воздам.— Француз произнес известное присловье юродивого, которое тот употреблял всякий раз, когда поминал Хмельницкого.

Маркевич — так звали юродивого в миру — остановился и обернулся на голос. Он молчал, но в глазах его Куперен прочитал недоумение и любопытство.

— Ты кто? — Теперь в них мелькнул огонек тревоги.

— Не волнуйтесь, Филипп Степанович, я тот, в ком найдете вы себе верного друга против злейшего вашего врага.

— Врага? — Юродивый насторожился сильнее прежнего.— У меня нет врагов! Мои враги — враги Господина моего.— Лицо его исказила недобрая усмешка.— Видишь свет? — Он показал рукой на пространство за башней. Куперен не увидел там ничего, кроме снежного поля, перерезанного санной колеей. Маркевич сделал шаг вперед...— То божья десница. Ступай за мной! Всяк, идущий мне вослед, примет причастие Отца моего.

Придурь Маркевича начала раздражать полковника:

— Позвольте сказать вам, Филипп Степанович,

что я прибыл сюда не за тем... то есть в иное время, но не сейчас... С минуты на минуту здесь могут появиться посторонние. Я хотел бы предупредить вас о намерениях губернатора Хмельницкого — они могут ввести в искушение многих.

Юродивый остановился, сжал в руках висевшее на груди распятие и беззвучно зашептал что-то синеватыми губами.

— Господин Маркевич, едемте ко мне в нумер! Извозчик ждет...

В мрачной комнатенке захудалой гостиницы Куперен угостил Маркевича чаем. Обхватив чашку руками, юродивый сосредоточенно наблюдал, как чаинки медленно оседают на дно...

— Видите ли, господин Маркевич, я тут не случайно. Правда, всего на одну ночь — проездом. Иначе бы не сидел в этих убогих нумерах. А ведь я знавал когда-то вашего батюшку! Мельком, но приходилось встречаться с ним в Семлеве... Крепкий был человек, как все сельские священники в России.

Юродивый поставил блюдце с чаем на ладонь правой руки и стал дуть на него...

— Беда будет! — вдруг сказал Маркевич таким голосом, что полковник вздрогнул от неожиданности. И все же он почувствовал по тону юродивого, что тот приглашает его к разговору.

— Именно, Филипп Степанович! И я думаю так же. Ведомо ли вам, что Хмельницкий затеял нынче в Семлеве розыски Бонапартовых сокровищ?

— Сие господу не противно,— с деланным безразличием ответил Маркевич.

— Ну уж нет! — запростестовал Куперен.— А знаете ли вы, сударь, что Хмельницкий собирается поднять со дна озера крест, стоявший некогда на колокольне Ивана Великого?

Юродивый поднял глаза на собеседника:

— Тебе что за корысть в его грехах? — Лицо Маркевича напряглось, нос его заострился.— Сей крест — кара нам! — Он вперил в Куперена проницательный и одновременно безумный взгляд.— Грех огромный лежит на тех, кто впустил ворога в святой град!

— Вижу, Филипп Степанович, стесняетесь вы говорить со мной откровенно, а зря. Буду краток, потому что не имею времени и далее ходить вокруг да около. Ваши мысли о греховности тех, кто пустил французов

в Москву, мне понятны, но все же вернемся к нашему предмету... Хмельницкий ищет в болоте то, чего там никогда не было!

Маркевич запустил пятерню в бороду и поджал губы.

«Ага, проняло-таки!» — подумал Куперен и продолжал:

— Считайте, Филипп Степанович, залогом правды мою откровенность. Случай помог мне узнать, за что вы невзлюбили Хмельницкого... Плотоугодие и женолюбие не самые страшные грехи губернатора. Гораздо важнее его потворствование расколу, чему вы как истый верующий сопротивлялись всеми возможными средствами. Ведь Хмельницкий не единожды сажал вас за публичное охаивание его в кутузку. Поверьте, наконец, я также хочу доставить губернатору неприятности. Не будем выяснять причины того. Креста в болоте нет, а посему Хмельницкий тратит впустую казенные деньги. Вы знаете его характер: он не отступит. Вот случай, Филипп Степанович, оправдаться вашему пророчеству: «Мне отмщение, и аз воздам».

Видя, что юродивый по-прежнему не доверяет ему, Куперен прибегнул к последнему средству:

— Ну, хорошо! В таком случае извольте...— И полковник на глазах у Маркевича распорол подкладку своего сюртука.— Письмо это стоило когда-то миллион... К сожалению, в свое время оно не попало по назначению. Прочтите! Вы — последний, кому выпала такая честь.

Тонкими восковыми пальцами юродивый взял из рук полковника листок пожелтевший бумаги с остатками бечевы и следами осыпавшейся от времени печати. Он склонился над слабым огнем дешевой свечи... Прочитав письмо до конца, Маркевич долго изучал крупную размашистую подпись. Потом выжидательно посмотрел на Куперена.

— Да, сударь, это рука Бонапарта! Будем считать, что я прибыл к вам с того света.

— Отчего не сам? — спросил юродивый после затяжного молчания.

— К тому есть причины, Филипп Степанович. Мое положение...

— Ты француз,— скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал юродивый.

— Какая вам разница, сударь! Важно другое:

намерения наши относительно губернатора совпадают.

— Ну как не по плечу?

На висках у полковника вздулись синие жилки.

— Не узнаю вас, Филипп Степанович! Тот ли передо мной человек, что пророчествовал Хмельницкому судный день? Вот вам случай доказать торжество справедливости. Насколько мне известно, преподобный Серафим в бытность свою епископом Смоленским общался с вашим батюшкой... Да и про вас он много наслышан. Уж кому, как не ему, открыть царю глаза на истинную судьбу креста! Епархиальному начальству в Москве легко найти в архивах документы, подтверждающие правильность изложенных в письме сведений...

Куперен взял из рук юродивого письмо Наполеона и поднес его к пламени свечи... Минуту спустя от листка остался лишь серый пепел.

Не без внутреннего трепета Маркевич последовал совету полковника и написал письмо петербургскому митрополиту Серафиму. С надежной оказией оно было препровождено в столицу.

Семлево, 30 января 1836 г.

Ранним утром, едва белый дым морозного тумана растаял над озером, поиски трофеев Бонапарта были возобновлены. Около десяти часов со дна одного из кессонов, который был сооружен как раз в том месте, где прапорщик Людевич обнаружил «пушечную медь», раздался истошный крик:

— Нашел! Ей-богу, нашел! — Сидевший на дне ямы солдат захлебывался от радости. Он изо всех сил тащил из буро-зеленой болотной жижи какой-то предмет, похожий на сплавленный кусок серебра. Через минуту все, кто был в это время на льду, сгрудились вокруг кессона.

— Господин подполковник... я же сам... я знал...— задыхающимся от счастья голосом говорил Четверикову фон Людевич.— Р-рр-раступись! — зычно крикнул прапорщик и раскинул руки в стороны, ограждая Четверикова от наседавшей толпы.— Осторожно, Крутобоков... Ты, болван, в ведро его клади...— беззлобно командовал прапорщик, чувствуя, что сегодня власть в его руках.

Четвериков присел на корточки перед поднятым со дна ямы ведром. Руками в белых перчатках он вынул из ведра находку... Радость, охватившая всех, была так велика, что ни у кого не было сомнения: в руках у столичного инженера находится и испускает серебристые лучи драгоценный слиток.

Внимательно изучив предмет, Четвериков повернулся к прапорщику и отчетливо сказал:

— Сей камень, сударь, не из рода серебряных!

Между тем сидевший на дне кессона солдат продолжал кричать:

— Братухи, еще нашел! Тама их полно... Тягайте! — Он дергал за обледенелую веревку, привязанную к ведру, в котором лежала целая куча таких же камней.

Не доверяя подполковнику, Людевич прыгнул в яму... Грубо оттолкнув стоявшего в ней солдата, прапорщик выхватил у него из рук саперную лопату... Натыкаясь на твердые предметы, Людевич вытаскивал на свет одинаковые серые булыжники. Он бормотал, как помешанный: «...четвертый... пятый... десятый...»

Вскоре у ног Четверикова образовалась внушительная груда камней. На одном из них подполковник увидел желтоватый кружок... Инженер поднял его и поднес к близоруким глазам. На губах его появилась язвительная ухмылка. Положив находку в карман шинели, он спросил усталым голосом:

— Что в прочих лунках, ротмистр?

Лицо командира саперной роты, приданной Четверикову специально для работ на озере, было похоже на голову мороженого окуня. Его выкатившиеся из орбит глаза остекленели от страха:

— Ни-ч-чего нет, ваше высокоблагородие...

Подняв ворот шинели, Четвериков пошел к стоявшим неподалеку саням. Бросив на сиденье охапку соломы, он сел в них, укрыв ноги овечьим тулупом. Застоявшиеся на морозе кони нетерпеливо перебирали ногами и трясли мордами.

— В Вязьму! — коротко бросил подполковник. Кучер свистнул, и гнедой жеребец резво взял с места.

Смоленск, 2 февраля 1836 г.

Четвериков задержался в Вязьме ровно столько времени, чтобы прийти в себя от бестолково проведенных в Семлеве дней. Вскоре он отбыл в Петербург,

имея при себе особое мнение о смоленских кладоискателях, а заодно и об отвратительном шоссе, которое строилось уже не первый год без особого успеха. Он пренебрег визитом к Хмельницкому, уведомив его письменно об окончании работ на озере.

Получив это известие, Хмельницкий слег. Дом его словно вымер. На столике, рядом с постелью губернатора, лежал злополучный том Вальтера Скотта, а поверх — письмо Четверикова. Хмельницкий выучил его наизусть, но все еще не мог поверить в горькую правду.

Четвериков писал: «Прошу прощения у Вашего превосходительства за то, что до сих пор не извещал о проводимых мною на озере озысканиях. Виной тому — не злая воля, а надежда на отыскание сокровищ Бонапарта. Нынешние мои опыты теперь полагаю законченными, ибо в озере ничего не найдено, кроме нескольких камней, обычных для этих мест. Не будучи посвящен в тайны Бонапарта, считаю, что Вы лучше моего знаете, откуда почерпнул Вальтер Скотт приведенный в его сочинении приказ и какого доверия он заслуживает. Со своей стороны могу твердо сказать, что если бы таковой приказ действительно был, то проведенные мной на озере исследования его непременно подтвердили бы. Препровождаю Вам также найденную мною среди камней пуговицу с генеральского мундира французской армии. Она служит подтверждением, что неприятель действительно был на озере, но это вовсе не означает, что он потопил здесь свою добычу».

Совсем некстати в этот же день с визитом к губернатору пожаловал подполковник Шванебах, наконецто оправившийся от пьяного загула.

— Ну? — только и сказал Хмельницкий, безразлично глядя на подполковника.

— Ваше превосходительство, ежели вы хотите узнать от меня подробности...

— Дурак! — крикнул губернатор.— Ославил на всю губернию... что на губернию — на весь мир! Мне бы давно следовало знать, кому я доверился в столь важном деле...

— Клянусь честью, ваше превосходительство, на рашпиле были железные опилки... Что до мнения, будто они «пушечные», то вы сами ясно указывали, что добыча Бонапарта находится на озере. А посему...

— Хватит, сударь! Если я и утверждал оное, то это вовсе не означает, что всякие камни надо было принимать за сокровища. Я и теперь продолжаю верить, что они лежат на дне Семлевского озера,— произнося эти слова, Хмельницкий кривил душой. Не сомневаясь в том, что французы все же потопили добычу Наполеона, губернатор уже решил для себя, что английский романист ошибся в названии озера, неправильно переведя с русского на английский надпись на карте.

Как только Шванебах откланялся, Хмельницкий послал письмо вяземскому исправнику, обязав его узнать у становых приставов Смоленской губернии, нет ли на подведомственных им территориях местечек со сходными или созвучными Семлеву названиями.

Петергоф, 12 мая 1836 г.

На сей раз Николай принял Блудова в Китайском кабинете, где они вместе позавтракали. Император был в благодушном настроении:

— Вижу, Дмитрий Николаевич, тебе тоже нравится эта комната? Право, пребывание в ней подобно чудному сну. Кстати, о снах... Сегодня мне приснилось, будто я запросто посетил какой-то петербургский салон, где всерьез обсуждался прожект о вольности мужикам. Возможно ли такое наяву? И какими способами авторы подобных прожектов собираются удержать в повиновении десятки миллионов крестьян? Не дай-то господь дожить мне до этих пор!

Известный своей хитростью, Блудов решил подыграть императору:

— Ваше величество, недавно я самолично слышал от одного мещанина из провинции, что конституция — это-де жена цесаревича, еще не обращенная в православие *.

В глазах императора появились искорки смеха.

— Право, Дмитрий Николаевич, по этому случаю стоит поискать невесту с таким именем.— Он вытер набежавшую от смеха слезу.— А мы судим о воле...

Блудов посчитал, что самое время сказать о Хмельницком:

— Ваше величество, у меня не совсем приятная новость...

* Блудов имел в виду вторую жену Константина Паловича, католичку по вероисповеданию.

— Что еще за новость? И что может быть неприятнее твоей «конституции» ?

— В Петербург вернулся инженер, искавший под Вязьмой трофеи Бонапарта.

— И что же?

— Он утверждает, что поиски их были предприняты без должного основания.

— Что сие означает, граф? — Николай поджал губы.

— К сожалению, ваше величество, за медные пушки были приняты камни, содержавшие в себе кристаллы серного колчедана. Зондирование дна озера в иных местах также ничего не показало. Между тем Вальтер Скотт...

— Ах, оставь его в покое, Дмитрий Николаевич! Я не верю англичанам ни на грош. Позор! Мы ищем в каком-то болоте сокровища, а они тем временем готовят нам смирительную рубашку на Востоке... Помнится, граф, ты очень усердно рекомендовал мне эту затею Хмельницкого? И что теперь? По мне, пусть лучше губернаторы вовсе ничего не делают!

Блудов понял, что поддерживать Хмельницкого далее не имеет смысла.

— Ваше величество, почитаю своим долгом показать вам полученную мною записку от Серафима. В ней — интереснейшие данные о Великоивановском кресте.

Николай пробежал глазами записку митрополита. Лица его приняло разгневанное выражение.

— Отчего, граф, это стало известно только нынче? — Он потряс в воздухе листком бумаги.

— Война, ваше величество... Полагаю все-таки, что более повинны в том Синод и московские митрополиты. Августин знал историю исчезновения креста, но внезапная смерть... Следующий за ним епископ Серафим слишком мало занимал московскую кафедру, Филарет тоже не был осведомлен...

— Допускаю, Дмитрий Николаевич, что так оно и было, но документы?..

— Они есть, ваше величество. По моему приказу в архиве Московской духовной консистории найдено все, что касается колокольни Ивана Великого. Серафим прав...

Николай еще раз заглянул в записку.

— Однако, граф, не возьму в толк, откуда Серафим

узнал истину ранее тебя? Ты прежде сказывал, что он нимало не догадывался о судьбе креста.

Блудов развел руками:

— Странное дело, ваше величество. Сия новость пришла к нему от одного юродивого из Смоленска. Известно лишь, что этим человеком двигала сильнейшая ненависть к Хмельницкому.

Николай заметно устал.

— А что, граф, много успел израсходовать подполковник на свои изыскания в Семлеве?

— Четыре тысячи, как вы изволили приказать.

— В таком случае будем считать, что мы дешево отделались. Правда о кресте стоит того! А ты, Дмитрий Николаевич, напомни мне при случае о Хмельницком. Вряд ли он на сем успокоится. На Смоленщине и без оного болота хватит мест, где с подобным же успехом можно искать Бонапартову добычу.

Париж, 6 января 1837 г.

В предвечерних сумерках особняк барона Гранье выглядел мрачным и таинственным. Полковник Куперен сидел в своей комнате перед камином и дремал. Последняя поездка в Россию не прошла для него бесследно: жестокая подагра частенько приковывала Куперена к креслу. Что до барона Гранье, то время, казалось, не было властно над ним. Вот и сейчас он буквально влетел в комнату полковника... Как всегда, барон говорил быстро и взволнованно:

— Пьер, вы и представить себе не можете, какую новость я узнал! Она еще не скоро появится в наших газетах. Смоленский губернатор отстранен от должности и помещен в Петропавловскую крепость. Официально — за расхищение казенных средств, но в Смоленске поговаривают о другой причине... Догадываетесь?

— Подобное возможно только в России.— Полковник зябко поежился, хотя в комнате было совсем не холодно.

— Пьер, неужели Николаю стало известно о письме юродивого?

— Дело не в юродивом, господин барон. Я думаю, император поверил документам, которые имелись у них в архивах. Петербургский митрополит не тот человек, чтобы рисковать репутацией церкви,

не удостоверившись в истине. Кажется, господин барон, вы не ошиблись, пожертвовав для спасения бумаг Бонапарта его историческим письмом!

Куперен заметил, что барон вновь натягивает на руки перчатки, которые незадолго перед тем снял. Он спросил:

— Господин барон, вы куда-то уходите?

Гранье посмотрел себе на руки и виновато улыбнулся:

— Ах, Пьер, я стал таким рассеянным... Хотя,— он поднес руки к глазам,— если говорить всерьез, то лучше бы эти перчатки никогда не снимать. Согласитесь, Пьер, как ни грязны бывают порой наши перчатки, а руки мои и ваши замараны гораздо сильнее. Вы понимаете, о чем я говорю? Слава богу, что об этом знают немногие! — Барон унесся мыслями в прошлое.

Он был прав, с запоздалой самокритичностью оценивая свои и Купереновы подвиги. Архивы тайной канцелярии Наполеона хранят в себе, по-видимому, лишь часть совершенных Куипереном и Гранье нечистых дел. В последнее время уволенный из армии барон писал мемуары, а по вечерам играл в шахматы в знаменитом парижском кафе «Режанс», где некогда сиживал за шахматной доской сам Бонапарт. Уделом же полковника Куперена было чтение романов и беседы наедине со своим покровителем и другом бароном Гранье...

Бой часов прервал воспоминания Гранье. Придвинув к себе трубку на бронзовой подставке, барон раскурил ее и с наслаждением пустил кверху кольцо дыма.

— А все же, полковник, мы неплохо потрудились! Император был бы доволен нами. Документы, привезенные вами из Семлева, стоят любых сокровищ! Теперь наш долг — доставить прах императора со Святой Елены в Париж. Однако я хотел бы вернуться к прежнему нашему разговору и спросить вас: почему русские до сих пор не обнародовали правду о кресте? Ведь для России Иван Великий — что для нас Нотр-Дам...

Куперен снова зябко повел плечами.

— Все это так, месье, но применять к России обычные мерки бессмысленно. Конечно, истина о кресте желанна для Петербурга и немалого стоит, но Николай молчит, потому что признаться в собственном

невежестве выше его сил. Кроме того, существует национальная гордость. Сами посудите, месье... Двадцать лет помещики Смоленщины искали одну из самых дорогих святынь Кремля, мечтали о другой добыче... Кто же теперь решится выставить себя перед целым светом круглым дураком?

— Да, полковник, иногда мне хочется вычеркнуть эту страну из памяти. Но... Видимо, время от времени нам суждено вспоминать о ней. Я имею в виду сокровища Несвижского замка. Император очень сокрушался, что вам не удалось доставить их в Париж. Представляю удивление нынешнего хозяина крепости, узнай он каким-то образом о нашей тайне!

Куперен усмехнулся:

— Думаю, господин барон, разговор об этих сокровищах придется отложить на несколько десятилетий. Может быть, кладоискателям будущего повезет, и они окажутся счастливее смоленского губернатора? Но доберутся ли они когда-нибудь до затопленного подземелья? Этого нам не суждено узнать. Пока же, господин барон, мы являемся с вами обладателями пусть призрачных, но огромных ценностей. В старости даже это согревает душу! — Глаза полковника заблестели.— Когда-то Наполеон заставил нас с вами играть в его «пьесе» определенные роли... Теперь пришло время откровенно признаться: может быть, мы были и неплохими актерами, но сам «спектакль» оказался из рук вон слабым. Оглядываясь на свою жизнь, месье, я думаю, что сгодился бы для лучших ролей!

Услышав такое признание полковника, Гранье вскинул голову, собираясь возразить ему, но промолчал, устремив задумчивый взгляд в затухающее пламя камина.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С детских лет я слышал, что сокровища Бонапарта затоплены в одном из озер Смоленщины. И все же мне повезло больше, чем многочисленным искателям трофеев французского императора, хотя я и не стал обладателем миллионного состояния, как о том мечтали некоторые из ретивых кладоискателей.

Думаю, слово «легенда» вообще мало подходит

к истории исчезновения «клада» Наполеона. Какая это, право, легенда, если было точно известно, что сокровища сокрыты на дне Семлевского озера?! Ведь «свидетелем» этого события был сам граф Ф.-П. Сегюр, генерал-адъютант Наполеона. Вот и известный английский романист В. Скотт утверждал то же. Вторил Сегюру и русский военный историк А. Михайловский-Данилевский... И если после таких-то серьезных свидетельств сокровища не были найдены, то тут одно из двух: либо их плохо искали, либо Сегюр и иже с ним что-то напутали.

В математике существует понятие «доказательство от противного». «Почему бы не применить его к загадке трофеев Бонапарта?» — подумал я однажды. А что, если они вовсе не были потоплены? Но чтобы ответить на эти вопросы, надо было сделать «самую малость»: найти трофеи.

Прежде всего следовало исходить из того, что перед вступлением армии Наполеона в Москве из Кремля были эвакуированы многие ценные вещи, в том числе богатые коронационные украшения и сокровища Патриаршей ризницы стоимостью в двадцать один миллион рублей. Однако в Кремле еще оставалось много пушек старого литья, в Арсенале — знамена, доспехи, тысячи ружей, шпаг... Не были сняты богатейшие оклады на иконах в кремлевских соборах, в большинстве церквей и монастырей Москвы. Московский викарий Августин едва успел вынести из Успенского собора древние иконы: Иверскую и Владимирскую.

Пора наконец внести ясность и в роль главнокомандующего Москвы графа Ростопчина, отвечавшего за эвакуацию московских ценностей. Длительное время некоторые историки обеляли его, утверждая, что пожар Москвы и сопутствовавшее ему разграбление города — дело рук одних французов. Такая постановка вопроса не соответствует исторической правде. Невероятно, чтобы неприятель сам совершил поджог, тем лишая себя крова и пищи. И хотя Ростопчин, выйдя в отставку, писал из Парижа, клянясь в своей непричастности к пожару, его утверждение не согласуется с общеизвестными фактами. Ведь не сделав ничего для эвакуации имущества горожан, Ростопчин тем не менее приказал вывезти из Москвы противопожарные средства. В больницах и госпиталях остались тысячи больных и раненых. По приказу того же Ростопчина из

тюрем выпустили колодников. Французы вылавливали поджигателей, судили и расстреливали их прилюдно, но и сами способствовали распространению пожаров, поскольку, взбудораженные военными успехами и вином, были неосторожны в обращении с огнем.

Народная молва утверждала, что в числе ценностей, похищенных французами из Кремля, были золотой крест с колокольни Ивана Великого и большое серебряное паникадило из Успенского собора весом около четырехсот килограммов. Следует уточнить, что неприятель, как правило, не зарился на сами иконы, сдирая с них золотые и серебряные ризы, которые тотчас переплавлял в слитки, чтобы было удобнее везти их по Смоленскому тракту к западной границе России. Последнее обстоятельство отчасти объясняет, почему в отбитых у завоевателей обозах с трофеями не были найдены многие ценные в художественном отношении вещи. Для французов имели значение прежде всего золото и серебро.

Богатейшая литература о войне 1812 года дает обильный материал для ответа на вопрос, что стало с трофеями Бонапарта за то недолгое время, которое они путешествовали от Москвы до Вильно. Как крупицы золота в руде, разбросаны эти сведения по многотомным мемуарам, дневникам, донесениям и рапортам участников тех далеких событий. Оказывается, награбленное в Москве — и не только в ней — имущество отнималось у французов почти в каждом сражении русскими солдатами или партизанами. Правда, до определенного времени все это были сокровища не самого Бонапарта, а его многочисленной армии, каждый участник которой вез или нес на себе хотя бы малую толику награбленного в чужой стране добра.

Велика была моя радость, когда в одном из донесений Кутузова к Александру I я прочитал, что близ Орши русские отбили у неприятеля серебряное паникадило из Успенского собора. Чем дальше к Березине отступали французы, тем больше было таких донесений. Вот как обстояло дело с награбленными сокровищами после битвы у деревни Студенки, где остатки армии Наполеона переправлялись через Березину: «...более полуверсты квадратной дистанции было заставлено обозами, наиболее состоявшими из московских экипажей... в них найдено довольно серебряных и других вещей, ко-

торые награблены вражескими руками в Москве...» Один из очевидцев тех событий рассказывает, что из Березины вытаскивали пушки, сундуки, ранцы и ящики, полные золота и серебра. По его словам, там «были собраны невероятные количества этих предметов».

Наконец, возле Вильно — последний цитадели Бонапарта в России — был захвачен обоз самого Наполеона. Адмирал Чичагов так рапортовал об этом Александру I: «...нам досталось такое большое количество обозов, что дороги во многих местах ими заставлены». Увы, креста с колокольни Ивана Великого в числе отбитых трофеев не оказалось!

Итак, в литературе о войне 1812 года было немало сообщений о золотом Великоивановском кресте. Одни авторы подтверждали свидетельство Сегюра, настаивая на семлевской версии, другие считали, что крест надо искать в Днепре, третьи — в Березине, а прочие указывали на те же окрестности Вильно... Как тут не вспомнить полученное мною письмо от одного «экстрасенса», уверявшего, что крест до сего дня лежит на дне Понарского ущелья, близ современного Вильнюса. Противоречивость всех этих сведений сама по себе наводит на мысль, что искатели трофеев Бонапарта находились в плену ложной идеи. «Но ведь существуют церковные архивы!..— подумал я как-то.— Крест Ивана Великого — прежде всего церковная реликвия...» Непонятно, почему это не учли историки, искавшие следы Наполеоновой добычи?

И вот после длительных архивных поисков в руках у меня дело «О разрушении колокольни Ивана Великого». Оно подробно повествует о загадочном исчезновении золотого креста... Об этом чуть ниже, а пока зададимся вопросом: «Как быть с утверждением Сегюра, что трофеи Бонапарта потоплены в Семлевском озере?» Чтобы опровергнуть его, не требуется никаких архивов. Достаточно сказать, что озеро совершенно недоступно и к нему невозможно подвести тяжелые обозы. Остается, правда, возможность затопить трофеи со льда... Эту-то версию и поддерживали кладоискатели 60-х, 70-х годов нашего века. Они основывались на утверждении некоторых западных историков, что в начале ноября 1812 года в Семлеве стояли сильные морозы, а значит, реки и озера были покрыты крепким льдом. Целью этих «исследователей» было

бросить тень на русскую армию, якобы неспособную одолеть французов без помощи «дедушки Мороза». Факты, однако, опровергают такую версию. Многочисленные свидетели вместе с самим Наполеоном показывают, что до 25 октября (старого стиля.— В. К.) — в Семлеве Бонапарт был двадцать второго — погода стояла такая, что «вплоть до Дорогобужа болотистые пространства недостаточно замерзли и не могли поднимать тяжесть пехотинца».

Если все так, то зачем Бонапарту было пускать ложный слух о «пленении» креста? Во-первых, тому причиной — авантюрный характер французского императора. Ради достижения своих целей он был готов на любой подлог. Надо помнить, что до последней минуты своего пребывания в Москве Наполеон добивался мирных переговоров с Петербургом. И лишь получив окончательный отказ, повелел оставить город и уничтожить Кремль. В намерении похитить крест мне видится желание Наполеона унизить русского императора, ибо он знал, что россияне чтут крест как национальную святыню. Но почему Наполеон был так уверен, что пущенная легенда обретет «право гражданства»? Дело в том, что колокольня Ивана Великого должна была разделить печальную участь смежных с ней зданий: звонницы и Филаретовской пристройки, которые рухнули от взрыва заложенного в основания этих строений пороха. Ивановская же колокольня получила незначительные повреждения: пострадал ее купол и сам крест, отброшенный взрывной волной к северным дверям Успенского собора. Пролежал он там до 5 марта 1813 года, когда под талым снегом его обнаружил синодальный ризничий Зосима. Вот что докладывал об этом происшествии обер-прокурору правительствующего Синода князю А. Голицыну 10 марта 1813 года московский епископ Августин: «Синодальный ризничий иеромонах Зосима 5 числа сего месяца донес мне, что усмотрел под снегом большие обломки железа, которые, по-видимому, составляют крест отменной величины. Вслед за тем получил я от его высокопревосходительства Петра Степановича Валуева (начальника кремлевской экспедиции.— В. К.) отношение, которым извещает меня, что крест с главы Ивановской колокольни найден в Кремле... Имею честь донести, что, с своей стороны, оные обломки железа нахожу принадлежавшими ко кресту Ивановс-

кой колокольни и составлявшими оный тем паче, что другие два креста, бывшие на двух башнях Ивановской колокольни, разрушенных злодеем, мною давно найдены, и один мною отдан на хранение в Успенский собор, другой в Архангельский. Оба сии креста повреждены не много и позолота на них в целости...»

В момент взрыва в колокольне Наполеон был уже за пределами Москвы — в Красной Пахре. Последствий своего приказа он не видел. Конечно, ему донесли, что приказ выполнен, посему Наполеон и телеграфировал в Париж, что крест снят с колокольни и помещен в его обоз наряду с прочими трофеями. Как бы то ни было, а был среди его добычи и настоящий золотой крест! Только не с Ивана Великого, а с соседней Филаретовской пристройки. Дело в том, что на Иване Великом стоял не золотой, а железный крест, покрытый медными, вызолоченными сусальным золотом листами. А вот на Филаретовской пристройке действительно был небольшой крест (30,5 см), врезанный во внушительных размеров деревянный, «одетый» в серебряную ризу и украшенный «каменьями». Один из очевидцев-французов, видевший, как этот крест упал и едва не пришиб солдат, пытавшихся снять его, сообщает в своих мемуарах, что этот деревянный крест был тем самым «большим крестом с Ивана Великого». Вот лишнее подтверждение, что с колокольней Ивана Великого ассоциировались все строения этого кремлевского комплекса зданий.

Мы рассказали лишь наиболее важные детали архивного дела, благодаря которому становится ясной судьба главного «трофея» Бонапарта. Теперь желающие «реабилитировать» Наполеона могут возразить: молва о кресте родилась случайно, так сказать, из небольшого по размерам креста «выросла» до семиметрового Великоивановского. Вероятно, такое толкование легенды было бы допустимо, не знай мы со слов самого Наполеона, что он намеревался поставить «золотой» крест с Годуновского столпа — еще одно название колокольни — на вновь возведенном близ Лувра соборе как символ своей победы над Россией. Ну а что касается рождения легенды о потоплении креста, равно как и всей добычи в Семлевском озере, то она полностью на совести графа Сегюра. В связи с этим можно предположить, что граф ошибся отнюдь не

случайно. Ведь одна из дочерей губернатора Москвы Ф. Ростопчина, Софья, была замужем за Евгением Сегюром — племянником бывшего генерал-адъютанта Наполеона. Сам Ростопчин с 1815 года жил за границей, в том числе и в Париже, где его жена и дети в конце концов приняли католичество. Они, кстати, так и не пожелали вернуться вместе с Ростопчиным на родину, обрекая его на старческое одиночество.

Будучи во Франции, Ростопчин писал в Москву письма, пытаясь оправдать промедление с эвакуацией московских ценностей, а заодно откреститься от обвинений в поджоге Москвы. Поэтому для Ростопчина важно было спрятать концы в воду, нежели принять на свою совесть раритеты московских соборов. Заметим в скобках, что Сегюр не обошел вниманием личность Ростопчина, посвятив ему одно из своих сочинений.

Александр I знал правду о кресте. В марте того же 1813 года управляющий Московской епархией епископ Августин доложил в Петербург о найденном кресте, после чего последовал именной указ о поручении одному из лучших столичных архитекторов А. Руску реставрации Ивановской колокольни и установки на ней нового креста.

Многие люди в России и за ее пределами считали, что Великоивановский крест был сделан во времена Годунова. На самом деле крест выковал в конце XVIII— начале XIX века кузнечных дел мастер Петр Ионов (Ионин) — крепостной графини А. А. Орловой. Последнего обстоятельства Наполеон знать не мог, но именно Ионов опознал свое детище — наряду со звонарем колокольни и кремлевскими архитекторами — и позже выковал для Ивана Великого новый крест.

Как же все-таки получилось, что после обнаружения креста в марте 1813 года его продолжали искать еще двадцать лет? Были причины извинительные, как-то: смерть Августина в 1818 году и назначение митрополитом человека из провинции, который мог и не знать всех перипетий дела «О разрушении колокольни Ивана Великого». Но были причины и более основательные. Они — в характерах Хмельницкого и Николая I...

Говорят, всякое новое — хорошо забытое старое. К добыче Наполеона это имеет самое прямое отношение. Казалось бы, фиаско Хмельницкого должно было явиться предметным уроком искателям Наполеонова

клада. Ан нет! Поиски сокровищ продолжались и далее... Снова и снова легенда заставляла искателей трофеев исследовать реки и озера Смоленщины. Исход таких поисков был предопределен. Конечно, легенды имеют свою прелесть, своих создателей и ревностных поклонников. Но в любом случае, чтобы судить о них компетентно, нужно основательное знание истории Отечества и его древностей.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЖАРИНОВ Вениамин Вячеславович

ЗАВЕЩАНИЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Редактор Ю. П. Рогозин
Художник *Ю. А. Еремин*
Художественный редактор *П. П. Рогачев*
Техническнй радактор *И. П. Гаврилина*
Корректоры *О. П. Коваль, Ю. Л. Макотренко*

Сдано в набор 26.12.91. Подписано к печати 19.03.92. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 9,86. Тнраж 200 000 экз. Изд. № 29. Заказ 2518. С-012.

Издательство «Советский спорт». 103064, Москва, ул. Казакова, 18.

Полиграфическая фнрма «Красный пролетарнй». 103470, Москва, Краснопролетарская, 16.

